

К 33 прил.
С-794

147 315

Е. И. Шлифштейн.

№ 95.

**МЕЛКАЯ
САПОГОВАЛЯЛЬНАЯ
 ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
В С. С. С. Р.**

Опыт статистико-экономического исследования организации и эволюции форм мелкой промышленности.

САРАТОВ.
1925.

*Трудовой организации
Соломонову
на форму № 147315.
с/г/р
№ 147315.*

Е. И. Шлифштейн.

147315.

**МЕЛКАЯ
САПОГОВАЛЯЛЬНАЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
В С. С. С. Р.**

Опыт статистико-экономического исследования организации и эволюции форм мелкой промышленности.

САРАТОВ.
1925.

№ 95

*Саратовит № 201
Том 20*

Саратовский государственный университет

1924

Handwritten notes and signatures in the top right corner.

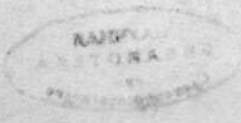
М Е Л К А Я

САРАТОВСКАЯ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Отдельные оттиски из журнала „Ученые Записки“ Саратовского Государственного
Университета, вып. IV, 1924 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	1
Глава I. Возникновение и эволюция мелкой сапоговаляльной промышленности	3— 21
Глава II. География мелкой сапоговаляльной промышленности	22— 40
Глава III. Рынки сырья	41— 55
Глава IV. Рынки сбыта готовых изделий	56— 62
Глава V. Организация труда	63— 84
Глава VI. Эволюция форм промышленного хозяйства	85— 99
Глава VII. Современное состояние мелкой сапоговаляльной промышленности и кооперативное строительство	100—109

Замеченные опечатки:

Стр. 135 (таблица).

Напечатано:

Должно быть:

VI. Южный суконно-ковровый
(Киевская и т. губ.).

IV. Юго-Восточный смешан-
ный (Ульяновская, Самар-
ская и т. губ.).

IV. Юго-Восточный смешан-
ный (Ульяновская, Самар-
ская и т. д.).

VI. Южный суконно-ковровый
(Киевская и т. губ.).

(Цыфры же, стоящие при этих районах, остаются на месте).

Предисловие.

В настоящей работе мною сделана попытка объединить в одно целое и подвергнуть экономическому анализу весь тот разрозненный материал, который имеется по мелкой сапоговаляльной промышленности в соответствующей литературе.

Над этой темой я имел возможность некоторое время работать в Москве. Однако, и в богатейших московских книгохранилищах подчас не оказывалось соответствующих материалов. В виду этого весьма важный и интересный Казанско-Вятский район оказался слабо освещенным с эволюционно-организационной точки зрения, которой я пытался держаться в настоящей работе. Точно также недостаточно полно освещены, в виду отсутствия литературных материалов, и некоторые другие вопросы (рынок шерстей).

Работа была закончена еще в конце 1919 года. Но в связи с затруднениями в области печатного дела и реорганизацией Главкустпрома, взявшего на себя труд по ее изданию, печатание ее, начатое ко Всерос. Сельско-Хоз. и Кустарно-Промысловой выставке, не было доведено до конца.

За это время мелкая сапоговаляльная промышленность, как и вся промышленность Республики, претерпела, несомненно, значительные изменения. Поредели ряды кустарей, изменилось их социально-экономическое положение. Осветить все эти изменения сейчас не представляется возможным. Предпринятая нами в этом отношении еще в 1922 году попытка окончилась неудачей.

Ответить в той или иной мере на эти вопросы сумеет только стоящая на очереди ремесленно-кустарная перепись.

Однако, разрешение стоящих на очереди практических задач в области государственного и кооперативного строительства мелкой промышленности в основе своей не могут не сопровождаться учетом организационно производственных форм прошлого. Путь к будущему строительству лежит, несомненно, через познание и учет опытов прошлого.

Поэтому, как бы ни были велики количественные изменения валяльщиков в Ярославском, скажем, районе,—а здесь они несомненно более значительны, чем в районах рассеянного состояния промысла—последний, как и аналогичные ему, и сейчас является важнейшим центром нашего сапоговаляльного производства, где валяльщик-кустарь в подавляющей своей массе остался тем же детальщиком-стиком, выполняющим лишь одну часть производственного процесса. Задачи государственных и кооперативных органов по организации производства должны здесь, поэтому, идти по пути объединения и согласования работ крупной (централизованной) и мелкой (рассеянной) промышленности, в смысле установления, если можно так сказать, смычки между госфабрикой и кустарной избой.

Точно также количественные изменения в районах рассеянного состояния промысла не настолько изменили характер организационных

задач, стоявших здесь в прошлом, чтобы это прошлое не могло быть принято во внимание и для будущего строительства.

В виду этого и несмотря на указанную некоторую ее неполноту, учитывая, как это ни странно, малое наше знание мелкой промышленности, имеющей исключительное значение в народном хозяйстве Республики, быть может, не лишним окажется опубликование этой работы, в которую внесены лишь самые незначительные исправления и дополнения.

Печатается только текстовая часть. От печатания целого ряда табличных приложений и картограмм пришлось отказаться.

В заключение приношу благодарность проф. Саратовского Университета П. Г. Любомирову за некоторые указания по части исторической литературы, использованной мною в настоящей работе, а также президиуму Факультета Хозяйства и Права, давшему мне возможность напечатать ее в Ученых Записках Саратовского Государственного имени Н. Г. Чернышевского, Университета. Особенно же считаю своим приятным долгом благодарить глубокоуважаемого и дорогого А. А. Рыбникова, проф. Тимирязевской Сельско-Хозяйственной Академии, за те ценные и незаменимые указания, которыми я имел возможность пользоваться во все время своих работ.

ГЛАВА I.

Возникновение и эволюция мелкой сапоговаляльной промышленности.

I.

Время возникновения шерстобито-валяльного промысла—одного из стариннейших промыслов крестьянской нечерноземной России, теряется в дали времен.

Уже в X-ом веке, судя по литературным указаниям, русские изготовляли полсти или войлоки, употреблявшиеся ими в шатрах во время походов, а также в качестве подседельников ¹⁾, позже в XI-ом веке в стенах киево-печерского монастыря иноками валялись из шерсти клубуки, часть которых поступала даже в продажу в город ²⁾; путешественник XIII-го века по России также отмечает, что русские носят очень высокие остроконечные войлочные шапки ³⁾. Есть основание, кроме того, полагать, что войлочные шапки были вообще весьма распространенным в старину на Руси головным убором среди массы низших слоев населения ⁴⁾.

Всеми этими указаниями устанавливается, очевидно, тот факт, что валяльное искусство было известно славянам на весьма ранней ступени их исторической жизни; при чем в силу сказанного выше, не исключена и возможность, что эти навыки по валянию, подобно другим промышленным навыкам, зародились и вышли из стен монастырей.

Как и многие другие старинные промысла, шерстобито-валяльный промысел имеет своим началом домашнее производство, когда все несложные потребности семьи удовлетворялись в пределах и силами этой родственной производительно-потребительской ячейки ⁵⁾. Домашнее производство, и даже в области изготовления валеных сапог, отмечено, между прочим, и для самого последнего времени ⁶⁾. В процессе хозяйственной дифференциации населения и изменения социально-экономических форм жизни шерстобито-валяние, как и другие отрасли домашнего хозяйства, постепенно превращалось в промышленное занятие расслаивавшегося крестьянского земледельческого населения.

В отношении интересующего нас шерстобито-валяльного промысла есть, помимо сказанного выше, полное основание полагать, что одна из его ветвей, именно войлочное производство, было весьма распространенным промышленным занятием уже в XVI и в особенности в XVII-ом столетии. Во второй половине XVI столетия войлочников (полсвалов) находим в Туле, Можайске, Серпухове, а в XVII-м стол.— в Москве, Калуге, Козельске, Торжке и вообще в славившемся хоро-

1) Н. Аристов.—Промышленность древней Руси. Спб. 1866 г. стр. 143.

2) Там же.

3) Рубрук.—Перевод Малеина. Спб. 1911 г. Стр. 88.

4) П. Савваитов.—Описание старин. русской утвари. Спб. 1865 г. Стр. 302.

5) Куст. промыслы Ярославской губ. Вып. XIV-й 1904 г. Стр. 329.

6) Обследование куст. промышленности Липецкого уезда 1912 г. Стр. 6.

шими войлочными изделиями Тверском крае, также Арзамасе и Нижнем Новгороде; войлока в это время являются предметом самого широкого употребления (войлочные плащи, накидки, стельки, войлок санный, седельный, на обивку лавок, дверей, окон и т. д.); войлока фигурируют в качестве обивочных плателей в вотчинных хозяйствах; много войлоку сбывается даже за границу ¹⁾).

Эту промышленную обработку продуктов скотоводства, очевидно, следует поставить в связь с тем общим состоянием сельского хозяйства, которое наметилось к концу XVI-го века в значительной части Центральной области ²⁾. За исключением двух небольших скоплений уездов к западу и северо-востоку от Москвы, на всем остальном пространстве Центральной области замечается с 60-х годов XVI столетия вполне определенно выраженный упадок сельского хозяйства и замена более интенсивной паровой зерновой системы хозяйства более экстенсивной переложкой ³⁾. В то же время обозначается довольно резкое разделение всего Центрального пространства как бы на западную часть с господством земледельческой системы хозяйства ⁴⁾ и северо-восточную, где скотоводство, наоборот, доминировало ⁵⁾.

Исследователь сельского хозяйства Московской Руси в XVI веке ⁶⁾ приходит к выводу, „что (указанный) переход от паровой зерновой системы земледелия к переложной не сопровождался переходом от земледельческой системы хозяйства к скотоводческой“ и „что скотоводство вообще не играло очень важной роли в сельском хозяйстве“. Последние утверждения, как нам кажется, правильнее было бы отнести к скотоводству пастбищному, действительно, не игравшему роли в сельском хозяйстве тогдашней Руси. Что же касается залежного, так сказать, скотоводства, то оно могло иметь и более чем вероятно, что и имело место в условиях регрессивного земледелия. Последнее обстоятельство дает, поэтому, основание заключить, что этот регресс в области земледелия, нашедший свое отражение в сокращении посевной площади и переходе к скотоводству на образовавшихся залежах, особенно в северо-восточной части Центральной области, мог послужить толчком к развитию промышленной обработки продуктов скотоводства, в том числе и шерсти, служившей к тому же, на ряду с другими продуктами скотоводства, предметом внешней торговли того времени.

Заслуживает в виду сказанного быть отмеченным и тот любопытный факт, что как раз в уездах северо-восточной части Центрального пространства сосредоточились важнейшие районы валайного

¹⁾ Н. Е. Чечулин.—Города Моск. государ. в XVI в. Спб. 1899 г. Стр. 182, 198, 280, 304; Кильбургер пер. Б. Г. Курца. Киев 1915 г. Стр. 102 объяснен. 280; Родес. Чтение в О-ве Истории и древн. России 1915 г. кн. 2 стр. 119; Иван Забелин.—Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII ст. Матер. Т. I стр. 55, 162, 168. Т. II стр. 115, 136; П. Саввантов. Описание русск. утварей. Спб. 1899 г. Стр. 105; Писцов. и Перепис. книги по Нижнему Новгороду. Русск. истор. библиотека Т. XVII стр. 70, 92, 128, 172, 174, 350, 389. Ив. Забелин.—Большой боярин в своем вотчинном хоз-ве. Вестн. Европы 1871 г. Кн. I стр. 32—35.

²⁾ Губернии: Тверск., Московск., Ярославск., Владимир., Костромск. и Нижегородск. (Губ. и уезды везде в старых администрат. границах).

³⁾ Н. Рожков —Сельсксе х-во Моск. Руси в XVI в. Москва 1899 г. Глава I.

⁴⁾ Уезды: Коломенский, Боровский, Верейский, Рузский, Звенигородский, Волоколамский, Клинский, Дмитровский, Зубцовский, Ржевский, Старицкий, Бежецкий, Кашинский, а также Ростовский, Юрьево-Польский, Муромский и Солигаличский.

⁵⁾ Уезды: Угличский, Пошехонский, Ярославский, Арзамасский, Гороховский, Нижегородский, Костромской, Галичский, а также западные уезды Новоторжск. и Тверской.

⁶⁾ Н. Рожков.—Там-же.

производства, (Арзамасский, Ярославский, Нижегородский), уезды же западной половины, наоборот, отличаются слабым его развитием, не выделяющим их в ряду других уездов нечерноземной полосы.

До XVIII-го стол. промышленная обработка шерсти, в виде валяльного производства, сосредоточилась, однако, на изготовлении шляп, войлоков, также и сукон. „Среди предметов выделки“ читаем мы в описании промысла по важнейшему Ярославскому району— „преобладали не валенки, как теперь, а поярковые и коровьи шляпы, сукна и войлока“. Особенно было развито производство шляп. В целом ряде городов Ярославской губ. находились шляпные заводы, вокруг которых, как около центра, группировались кустари-шляпники. В XVIII-ом столетии из пределов Ярославской губ. вывозилось до 20.000 разных валяных шляп. Тоже самое развитие шляпного производства даже вплоть до конца XIX стол. отмечено и в отношении Семеновского и других районов ¹⁾. Нижегородское Заволжье снабжало шляпами почти всю Россию. Шляпы соответствующего каждому району факсона отправлялись на Тверскую, Новгородскую, Ярославскую, Суздальскую, Московскую „стороны“, шляпы достигали Украины. Особые шляпы валялись для бурлаков, особые для татар. Что же касается валенок, то таковых до XVIII стол., повидимому, в русском обиходе совершенно не существует. По крайней мере, использованный нами исторический материал, как будто бы, дает довольно твердые основания в пользу такого утверждения. Главной обувью массы крестьянского населения в XVI и XVII веках являются лапти, восходящие еще ко временам языческим, (также башмаки, сплетенные из прутьев), более же влиятельные и состоятельные слои тогдашнего русского общества, отчасти и некоторая более зажиточная часть крестьянства носят кожаные сапоги ²⁾. Валенки, следовательно, появляются только в XVIII-ом столетии, а, может быть, в самом конце XVII-го. Ниже приводим относящиеся к этому вопросу несколько более подробные данные по двум важнейшим районам валеного производства.

„По преданиям, сохранившимся в некоторых семьях известно, что за полтора века до нашего времени и даже ранее семеновцы уже славились валеными изделиями, и тогда они в производстве валеной обуви имели неоспоримое преимущество пред производителями всех других местностей Руси. Изделия их отличались особой прочностью и чистой отделкой“ ³⁾. Эти сведения являются, однако, несколько преувеличенными и по словам А. Карпова—автора статьи „Валяльный промысел в Балахнинском и Семеновском районе“—„определенные данные есть только о том, что валяльный промысел существует не менее 120 лет“ ⁴⁾, т. е. другими словами, возникновение промысла приурочивается только ко второй половине XVIII-го стол. В описании катального промысла по Ярославской губ. читаем: „Лет за 150 до настоящего времени вся заволжская сторона была и считалась Романовским уездом. В прежнее время здесь овцеводство процветало, и с давних пор уже на-

¹⁾ Куст. пром. Яросл. губ. 1904 г. стр. 329—330. Труды куст. комиссии Вып. VI. стр. 588, Вып. II стр. 365 П. Т. Решетников.—Валяльный промысел в Вятском у. Вятка 1912 г. стр. 3.

²⁾ Герберштейн. Спб. 1866 г. стр. 80; Флетчер. Спб. 1905 г. стр. 126—127; Маржерет. Спб. 1850 г. стр. 35. Олеарий. Москва 1870 г. стр. 163. Рейтенфельс. Чтения 1906 г. кн. III стр. 150—151. Н. Костомаров Очерки дом. жизни и нравов великорусского народа в XVII стол. стр. 294. Д. Разумовский. Государевы певчие дьяки стр. 161.

³⁾ Нижегород. губ. ведом. за 1850 № 61. Цитиров. по „Трудам куст. комиссии“ Вып. VI стр. 387.

⁴⁾ Труды куст. комиссии. Вып. VI стр. 587.

чинают появляться два промысла. шубников и валенщиков“¹⁾. Согласно данным второй половины XVIII-го столетия существование валеного промысла отмечается в тех же самых уездах, которыми образуется сейчас крупнейший Ярославский валяльно-сапожный район. Однако, только в Романовском уезде среди других продуктов валяльного производства выделяются и валенки, в других же уездах изготовляются только шляпы, сукна и войлока. При чем, по словам автора „Кустарных промыслов“ Ярославской губ., валка обуви существует более 100 лет только в Сереновской волости, являющейся и сейчас крупнейшим центром сапоговаляльного Ярославского района, в других же волостях Ярославского уезда промысел возникает гораздо позже. И в Романовском уезде, в котором, как уже выше было отмечено, только и изготовлялись вначале валенки, промысел, по некоторым другим данным, существует лишь около 100 лет, получив значительное развитие только в последние 25 лет²⁾. Возникновение промысла падает уже таким образом, на самый конец XVIII-го столетия.

К сказанному следует добавить, что валенки, о которых все время идет речь, очень мало походили на ту обувь, которую сейчас принято называть валенками. „Прежде главными предметами заволжского валеного промысла были шляпы и обувь, но обувь, не такая, как ныне—без голенищ т. е. более похожая на галоши, чем на сапоги. Эти сапоги без голенищ назывались валенками. Все заволжье валяло шляпу и валенки. С течением времени производство шляп начало все более и более уменьшаться, а вместо валенок стали работать сапоги с голенищами“³⁾. И в Ярославском районе „сначала валяли обувь без голенищ, а затем стали выделять и с голенищами сапоги“⁴⁾. Настоящие валеные сапоги появляются, следовательно, гораздо позже. По крайней мере, в Семеновском районе они стали, повидимому, выделяться лишь в самом начале XIX стол., при чем сначала голенище сапога валялось отдельно и потом уже пришивалось к валенке, а затем—когда это произошло указаний нет—стали работать целые сапоги. Честь этого „изобретения“ приписывается Заволжью. „Таким образом“, читаем мы в описании промысла по Нижегородской губернии „вместо валенок везде начали работать сапоги, которые вытеснили скоро производство менее удобных валенок. Ныне валенки работают в самом незначительном количестве“⁵⁾.

Эта разница между валенками и сапогами в том смысле, как это здесь изложено, существовала еще и во второй половине XIX стол. и выражалась в неодинаковой расценке тех и других. Оказывается, валенки стоили во второй половине XIX стол. 25—30 коп. серебром, а сапоги 30—42 коп. серебром пара⁶⁾. И лишь позже валенки и валеные сапоги стали синонимами, место же валенок заняли, очевидно, близкие к ним по форме валеные туфли.

Сведения по Семеновскому району Нижегород. губ. для нас особенно интересны в том отношении, что в них делается попытка пролить некоторый свет на историю расселения промысла, и мы поэтому считаем необходимым привести эти места полностью: „Первые поселенцы Заволжья были раскольниками, спасавшимися от нововведения Петра I-го (в начале XVIII в.) Эти-то беглецы преимущественно засе-

1) Куст. пром. Яросл. губ. стр. 329.

2) Куст. пром. Ярославской губ. стр. 329—331.

3) Труды куст. комиссии. Вып. VI стр. 587.

4) Куст. пром. Ярославской губ. стр. 329.

5) Труды куст. пром. Вып. VI стр. 588—589.

6) Крюков. Очерк мануфакт.-пром. сил Европ. России. Спб. 1853 г. стр. 133.

ляли Заволжье. Очень может быть, что москвичи переселенцы и были первыми насадителями валеного промысла в Заволжье, тем более вероятно, что Московская губерния, как прежде, так и ныне самая промышленная в России и валяный промысел существовал в ней даже в виде выделки пуховых шляп, что указывает на давнее постепенное усовершенствование промысла "... „Зимой в Заволжье приходило и приходит много рабочего народа с гор (правый берег Волги) в Нижегородскую губ. и из соседних губ (Владимир., Костромск.). Сторонние работники иногда обучаются валяльному делу и заносят его в свои места—вот причина, почему валеночный промысел распространяется на соседние губернии"... „Расселение семеновского промысла уже началось в последнее время. Этот промысел уже дал начало валяному промыслу в нескольких местностях: в Костромской, Владимирской, Вятской губ., в двух местностях Арамасского уезда ¹⁾.

По поводу этих указаний надо прежде всего отметить что ссылка автора о времени заселения Заволжья не соответствует действительности. Некоторые поселения за Волгой были уже в XVI в. Что же касается поселения старообрядцев, то уже во второй половине XVII в. в Нижегородском заволжье (Керженец) встречаем значительное количество старообрядческих скитов. В первой же четверти XVIII века, т. е. в то время, к которому приурочивается расселение старообрядцев и возникновение промысла, значение Керженца, как одного из важнейших центров раскола, наоборот, падает; переселения с Керженца в другие места достигают значительных размеров и вместе с тем падает, несомненно, и хозяйственное значение этого района ²⁾.

С другой стороны, надо отметить также и то, что значение Заволжья в передаче технических навыков по валянию подчеркивается всеми почти исследователями этого промысла в других губерниях, при чем из заволжской части Нижегородской губ. он прежде всего перекинулся в заволжские же уезды Ярославской губ. и в первую очередь в Сереновскую волость Ярославского уезда (являющуюся сейчас центром валяльного промысла в Ярославском районе), а также и в Тверскую губ.. несколько позже (в 40-ые годы) во Владимирскую губ., еще позже (в 60—70-е годы), в Костромскую губ. (в Махловскую волость Юрьевецкого уезда—центр Кинешемско-Юрьевецкого района), но уже не из Нижегородской губ., а, по некоторым версиям, из Ярославской ³⁾.

Последнее указание относительно возможности занесения промысла в Костромскую губернию из Ярославской несколько колеблет значение заволжской части Нижегородской губ., как единственного центра, откуда валеное искусство расселилось по другим местам. С другой стороны, факт существования в Москве выделки пуховых шляп, а Москве первой половины XVIII-го века это искусство уже, действительно, было известно ⁴⁾, еще не дает твердых оснований считать выходцев из Москвы насадителями валеного промысла в Заволжье. Ответить, поэтому, как обстояло дело в действительности, за отсутствием более подробных данных, трудно. Но в поисках этого ответа

¹⁾ Труды куст. комиссии. Вып. VI стр. 587—592.

²⁾ П. С. Смирнов. Споры и раздел в русском расколе в первой четверти XVIII в. Спб. 1909 г. стр. 31—34.

³⁾ Труды Куст. комиссии. Вып. VI, стр. 588. Промыслы Ковр. у. Влад. губ. 1901, стр. 69. Промыслы Яросл. г. стр. 331. Краткий очерк куст. пром. Юрьев. у. Костр. г. 1913, стр. 23. Исслед. куст. пром. Сар. губ. Вып. II, стр. 130.

⁴⁾ Материалы для истории, археологии и статистики гор. Москвы. 1884 г. Часть I, стр. 49.

мы хотели бы отметить некоторую возможность иной постановки вопроса о возникновении мелкой валяльной промышленности, которой, по нашим не совсем полным подсчетам, было занято до войны в пределах Европ. России (без Арханг., Астрах., Оренб. губ. Обл. В/Д и Уральской) 90.434 чел. с суммой производства более 17 мил. довоенных золотых рублей.

Выше мы констатировали довольно раннее развитие валяльного искусства у славян. Тем не менее факт распространения полстовалов (войлочников) в южных городах (Тула, Калуга, Козельск) невольно наталкивает мысль о возможном влиянии степи, о влиянии тех кочевников, выходцев из Азии, которые уже с половины X-го века стали тревожить Русь своими набегами,—кочевников, в жизненном обиходе которых войлок и всевозможные войлочные изделия пользуются, как известно, чрезвычайным распространением. Если это влияние и нельзя мыслить, в силу сказанного выше, как простую передачу самих технических навыков, то, во всяком случае, это влияние, в смысле известного только импульса к развитию той или другой ветви валяльной промышленности, полагаем, несомненно, могло сказаться. Из этих кочевников влияние татар было наиболее длительным и глубоким. И вот оказывается, что еще в XIII веке татаре носили войлочные башмаки ¹⁾, а татарские поселения, более или менее значительные, временные или более длительного характера, мы можем констатировать во всех важнейших местах сосредоточения сапоговаляльного промысла. Не говоря уже о татарских поселениях в Казанской губернии, татаре в XVI веке широким потоком хлынули в соседнюю Вятскую губернию. Больше всего их в Малмыжском, Уржумском и Елабужском уездах, т. е. в уездах с довольно значительным сапоговаляльным производством ²⁾. В Романово-Борисоглебском уезде, входящем в состав крупнейшего Ярославского района, где впервые, как уже было выше указано, началась валка обуви, татаре поселились еще со времени татарского ига. Во второй половине XVIII столетия оставшиеся в Романове мурзы были переселены в Кострому, а Юрьевец (уезд входит в Кинешемско-Юрьеveckий район) во 2-й половине XVI ст. отдан был в удел астраханскому царевичу. В том же XVI веке татарские поселения были и в Твери, Торжке, Московской губернии (Серпухове, Можайске, Звинигороде), откуда промысел будто бы был занесен в Заволжье и, наконец, и в Нижнем Новгороде ³⁾. К этому надо еще добавить и то обстоятельство, что поселяемые татарские мурзы являлись местами, как, например, в Романовском уезде, крупнейшими помещиками ⁴⁾, имели, несомненно, дворни с соответствующим штатом мастеров из дворовых людей, среди которых могли быть и валяльщики обуви.

¹⁾ Рубрук., стр. 101.

²⁾ В „Трудах Вятск. Учен. Архивной комиссии“ (1905 г. Вып. II—III) читаем: „Мусульманские колонии по р. Бур занимали теперешние волости: Сардыкбашскую, Кошкинскую и Мериновскую Малмыжск. уезда (стр. 2) ... после разгрома Казанского ханства (в сред. XVI в.) жители его бывшей столицы бежали по направлению к р. Вятке... казанские татары заселили Янгуловскую, Арборскую, Шудинскую и др. вол. Малмыжского уезда“ (стр. 4). Между тем Сардыкбашская, Кошкинская, Мериновская и Шудинская волости отличаются значительным развитием крупной и мелкой сапоговаляльн. промысл. (см. гл. II).

³⁾ Энциклопедич. словарь Брокгауз-Ефрон, Т. VII а, стр. 735, Т. XXI, стр. 36, Т. XXVII, стр. 47, Т. XII, стр. 433. Павел Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века, Киев. 1917, т. I, стр. 80—90. Перетяткович. Поволжье в XVI и XVII веках. Москва 1877, стр. 150.

⁴⁾ П. Смирнов. Города Моск. госуд. в первой половине XVII в. Киев. 1917 г., т. I, стр. 80—90.

В связи со сказанным и возникает вопрос, не могли ли служить войлочные башмаки, употреблявшиеся татарами еще в XIII-ом веке и, несомненно, и позже, прототипом для тех первоначальных валенок, которые, в сущности говоря, очень мало отличались от башмаков. Экономическое положение крестьянской массы со временем все ухудшалось. В употреблении были дешевые лапти и дорогие сапоги. И вот в поисках за более дешевой и в то же время теплой обувью мысль могла остановиться на войлочной обуви живших бок о бок с ними татар, давшей начало современным валенкам.

Это предположение о татарском происхождении валяной обуви поучает, кроме сказанного, еще следующее некоторое обоснование.

В процессе изготовления валяного сапога, шерсть проходит, так называемую, стадию изготовления колпака. Колпак—это форма будущего сапога. Между тем, слово „колпак“—заимствовано из тюркского наречия ¹⁾; что, в свою очередь, указывает на возможную связь с татарами, как с одним из представителей тюркского племени.

Но татары были также на Литве, были и в юго-западной России, а по имеющимся у нас литературным сведениям промысел там почти совершенно не существует. Объяснение этому, как нам кажется, лежит в полном отсутствии экономических предпосылок на Литве для развития сапоговаляльного промысла.

Общие социально-экономические причины ²⁾, вызвавшие развитие промысловой деятельности крестьянского земледельческого населения в достаточной степени выяснены. Но кроме этих причин, общих для всех вообще промыслов, для развития сапоговаляльного промысла и для определения его географии имелись особые причины.

В ряду них прежде всего следует отметить климатические условия, особенно господствующие на севере и востоке, т. е. в местах наибольшего географического распространения сапоговаляльного промысла. Низкие температуры, продолжительные и суровые зимы должны были побудить население к изысканию более теплой обуви, чем лапти.

Помимо этой главной причины были, однако, и другие.

Обращает на себя внимание тот факт, что губернии наибольшего развития валяльного промысла являются в то же самое время районом наибольшего развития промысловой деятельности крестьянского населения вообще.

	Вятская.	Костромск.	Нижегор.	Казанск.	Тверск.	Пермск.	Ярославск.
Число всех кустарей на 10.000 населения.	774,9	380,7	363,6	305,2	245,1	164,0	152,9
Число валяльщиков на 10.000 населения.	90,4	62,8	78,0	16,8	15,6	22,0	246,

¹⁾ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Москва 1914 г. Т. I, стр. 338—339.

²⁾ Материалы по Нижегород. губ. отмечают между прочим чрезвычайно любопытный момент, насколько принадлежность к тому или другому разряду крестьян сказалась в положении их в сапоговаляльном промысле. Удельные крестьяне при более высоком уровне благосостояния, выделяют, главным образом, каталей,—рабочих с более высоким уровнем развития и лучше оплачиваемых; помещичьи же крестьяне, наоборот, являясь более бедными, выделяют „стираков“—рабочих, от которых требуется меньше умственного развития и хуже оплачиваемых. Матер. к оценке земель Нижегородск. губ. Вып. XI.

Между этими двумя моментами, существует несомненно, причинная зависимость. Продолжительный рабочий день в осенне-зимние месяца, на которые, главным образом, падает промысловая деятельность сельского населения, в часто холодной кустарной избе должен был пред'являть сильный спрос на теплую обувь. Кроме того, некоторые промыслы, имеющие сильное распространение на севере и северо-востоке России в свою очередь, стимулировали развитие производства теплой обуви. Мы имеем в виду извозный промысел и промыслы по обработке леса, как занятия по преимуществу зимние. Извозный промысел был весьма распространен еще в XVI и XVII стол.; зимние дороги в древней Руси были наиболее удобными путями сообщения. Развозился хлеб из наиболее плодородных местностей, развозились товары из Нижнего, уже в ту пору ставшего складочным местом для товаров, следовавших как с севера, так и с юга ¹⁾ С проведением железных дорог этот вид извозного промысла пал, но в свое время влияние его на развитие валяльного промысла, в смысле пред'явления спроса на изделия последнего, несомненно, должно было сказаться. Промыслы же, связанные с обработкой леса, сохраняют свое значение и до сих пор С началом зимы как только выпадает снег, в местах, богатых лесом, закипает жизнь: идет валка и возка леса к близ лежащим пристаням для сплава с началом навигации. Ряд промыслов, связанных с получением продуктов химической обработки дерева, как углежжение, дегте и смолокурение, сухая перегонка, производится, главным образом, зимой, а подготовка самого лесного материала начинается осенью, примерно, с сентября месяца. Все эти промыслы, как базирующиеся на нетранспортабельном сырье, приурочены к местам, богатым лесом (Вятск., Костромск. Нижегородск и др.), а губернии с широким распространением валяльного промысла является в то же время наиболее лесистыми.

	Вологодск.	Пермск.	Костром.	Вятск.	Нижегор.	Ярослав.	Казанск.
% лесистости (1906 г.)	81,8	57,8	46,6	41,1	38,2	30,7	30,2
Валяльщиков на 10.000 населения	36,2	22,0	62,8	90,4	78,0	24,6	16,8

Связь несомненная, несколько затемненная другими экономическими моментами, влияющими, на развитие промысловой деятельности и имеющими место в таких относительно плотно населенных и промышленных губерниях, как Костромская, Ярославская. Для полного понимания всех обстоятельств, связанных с географическим размещением промысла нам необходимо еще несколько остановиться на одном моменте, именно на проблеме сырья.

В первое время по возникновении промысла он был в достаточной степени обеспечен местным сырьем. Но быстрое его развитие привело к тому, что местное сырье очень скоро оказалось недостаточным, несмотря на промышленный характер овцеводства в губерниях первоначального расселения и концентрации промы-

¹⁾ Н. Костамаров. Очерк торговли Моск. Госуд в XVI и XVII стол. стр. 114, 144, 233.

сла и правильная доставка сырья, в данном случае шерсти, стала определяющим фактором производства. Производство стало обслуживаться привозным сырьем через Нижегородскую ярмарку, ставшую складочным местом для сырья—шерсти¹⁾. Нижегородский, Кинешемско-Юрьевецкий и Ярославский районы, в виду их большей близости к ярмарке, имели возможность скорее перехватывать шерсть, чем далее стоящий Калязинский район Тверской губернии. Помимо этой дальности Калязинского района от рынка сырья, условия снабжения сырьем ухудшались еще и тем, что правильное сообщение по Волге бывает только до Рыбинска, выше же, вследствие мелководья, оно часто приостанавливается. С ростом мелководья доставка сырья и вывоз готовых продуктов затруднились и удорожались по сравнению с другими соседними районами, опиравшимися на дешевые водные пути. В результате, Тверской край, который как было указано выше, славился своими валеными изделиями еще в XVII столетии, должен был, как увидим в дальнейшем, уступить свое место другим районам, поставленным в более благоприятные условия, а имевшиеся на месте технические навыки принужден был использовать в отхожей форме, направив отхожих валяльщиков в северо- и юго-западные губернии, не обслуживаемые валяльным отходом из других мест.

Таким образом, география сапоговаляльного промысла обусловлена целым рядом предпосылок как экономического, так и естественно-исторического порядка. Этих предпосылок не было на Литве, не было в других местах северо-западной и юго-западной России, где были татары. В результате чего, мы там и не имеем соответствующего развития промысла.

Тем самым приходим мы к выводу, что приурочение возникновения промысла исключительно к Заволжью, следует считать, по видимому, недостаточно обоснованным. Может быть гораздо правильнее считать, что валка обуви возникла одновременно в нескольких местах ее теперешнего развития и сосредоточения в прошлом татарских поселений. Особенное же развитие промысла в Семеновском районе, очевидно, следует поставить в связь с географическим положением этого района относительно такого важного пункта в смысле доставки сырья и сбыта изделий, каким давно стал Нижний.

В этом предположении о татарском происхождении обуви, в связи со сказанным, как будто рискованного мало. Мы, однако не настаиваем на своем предположении. Это можно будет сделать лишь по привлечении более обширного материала, чем мы имели возможность использовать. В частности укажем, что у нас не было совершенно во время работы историко-литературных материалов по Казанскому району, весьма интересному для освещения развиваемой здесь точки зрения.

Но если бы последняя оказалась соответствующим действительности, то тем самым наша традиционная точка зрения об исключительно отрицательном влиянии татар на русскую жизнь должна быть признана слишком односторонней и дополнена изучением также и положительного, если можно сказать, влияния татар на хозяйственную деятельность русского населения. Изучение этой стороны влияния инородцев на нашу жизнь представляет, по видимому, еще обширное поле для исследований. Укажем хотя бы на выводы, к которым недавно пришел проф. Н. И. Вавилов, установивший связь полевых посевов с народами тюркского племени—чувашиами, татарами²⁾. В

¹⁾ Материалы к оценке земель Нижегород. губ. Вып. XI. Стр. 178.

²⁾ Н. И. Вавилов. Полевые культуры Юго-Востока. Ленинград 1922 г., стр. 59.

связи с этим мы полагаем, что наша постановка вопроса не лишена некоторого научного интереса.

II.

Так или иначе возникнув промысел в связи с общими социально-экономическими причинами, толкающими крестьянское население во внеземледельческие занятия, стал быстро распространяться по новым местам. Следует указать, что процесс его расселения не закончен и в настоящее время и что в этом процессе промышленной колонизации отсталых районов большое значение имели те отхожие ремесленники, которые из года в год, оставляя родные места, уходят на более или менее продолжительное время в зависимости от дальности отхода в соседние и более отдаленные губернии и там распространяют среди крестьян технические навыки.

Если мы примем во внимание, что такие промышленно-валяльные губернии, как Ярославская и Костромская, отпускают отхожих валяльщиков, что для некоторых губерний процент отхода до самого последнего времени был чрезвычайно велик (для Симбирской губ. он, по довоенным данным, составлял 63% общего числа всех промышленников), то мы должны будем признать все то огромное значение, какое имеет отход в деле распространения сапого-валяльной промышленности по новым местам¹⁾.

Наряду с этими причинами следует отметить влияние, которое было оказано в некоторых случаях на развитие разных промыслов и в том числе шерстобито-валяльного, помещиками, посылавшими крепостных на заработки (для уплаты оброка) и для обучения с этой же целью ремеслам в разные промышленные центры дореформенной России²⁾.

Вся эта совокупность обстоятельств, в связи с естественно-климатическими условиями значительной части России и дешевым сырьем, которое доставляло крестьянское овцеводство в дореформенную эпоху, способствовала чрезвычайно быстрому развитию валяльного промысла.

В первый период развития шерстобито-валяльной промышленности, каковым, на основании сказанного выше, следует считать время до начала XVIII ст., производство сосредоточилось преимущественно на изготовлении войлоков и отчасти войлочных шапок и шляп. В XVIII столетии, а в особенности в первой половине XIX века, произ-

1) На огромное значение переселения мелких промышленников и ремесленников в деле промышленной колонизации окраин находим указание у В. И. Ленина (Развитие капитализма в России, глава V)

Как любопытный пример промышленной колонизации окраин, с одной стороны, и состояния в некоторых окраинных местах сапоговаляльной промышленности к концу XIX стол., с другой—можно привести следующий „договор“:

„9 января 1893 года мы нижеподписавшиеся, кр-не Гладков (с. Лопатино) и Мошков (Симб. губ.) согласились в течение 1893 года совместно производить работу валяной обуви на следующих условиях:

1) Я, Мошков, обязуюсь из местного материала, т.е. шерсти и проч. работать теплую обувь, какую будет нужно по ходу дела (по требованию Гладкова), в лучшем виде, а Гладков должен на покупку всех материалов и шерсти отпустить требуемую сумму денег, как за свою часть, так и за часть Мошкова, каковые обратно получает при выручке денег за проданную обувь“.

Дальше идет целый ряд пунктов (Таблицы Стат. Свед. по крест. общ. Петровского уезда, Саратов губ., за 1894 г., стр. 238), определяющих другие условия этой „совместной“ работы. Мы их не приводим, так как хотели только отметить нашедший в этом документе отражение факта призвания валяльщиков из „верховых“ губерний для насаждения валяльного искусства.

2) Исследов. куст. промыш. Саратов губ. Вып. II. Саратов 1906 г., стр. 130.

водство шляп значительно усиливается и на ряду с войлоком и сукнами появляются валенки без голенищ. Появление дешевого крестьянского картуза, падение домашнего производства сукон, в связи с вздоржанием шерсти и ростом влияния городской жизни, произвели, примерно, в середине XIX ст. настоящий переворот в промысле: шляпа, составлявшая главную отрасль производства, совершенно исчезла из деревни и лишь кое-где в самых глухих местах еще можно встретить поярковую шляпу. Оставалось полученные технические навыки приложить к производству других валеных изделий и в это-то время и произошел переход от валки шляп к исключительной (не касаясь специально войлочных районов) выделке настоящих валеных сапог, восходящих, как мы выше указали, примерно к началу XIX столетия.

Это катастрофическое падение шляпного производства чрезвычайно отчетливо рисуется следующими цифрами, относящимися клавившемуся выделкой валеных шляп Красносельскому району (Сем. уезда, Нижегородской губ. ¹⁾).

	Производство шляп в тыс. шт.	Производство валян. сап. в т. шт.
1862 г.	160,0	?
1868 „	40,0	1,5
1878 „	32,0	34,8

Не менее интенсивно, но несколько позже, в связи с общим промышленным их развитием, отмеченный процесс шел и в других районах, как это видно из данных по Вятскому уезду ²⁾).

	Число лиц в ‰.	
	1886 г.	1909 г.
1. Валяльщики обуви	40,8	95,0
2. Шерстобиты	38,9	2,7
3. Шляпники	19,9	1,2
4. Подхомутники	0,4	1,0
5. Валяльщики стелек	—	0,1
	100	100

За промежуток времени с 1896 по 1909 год процент шляпников уменьшилось с 19,9‰ до 1,2‰, в то же время число валяльщиков увеличилось почти в 2½ раза. Аналогичное вытеснение шляпного производства и замена его валянием обуви констатируется всеми без исключения исследователями валеного промысла во всех местах его распространения и приведенные данные служат лишь для более наглядной иллюстрации этого интересного явления в жизни промысла ³⁾).

¹⁾ Труды куст. комиссии, Вып. II, стр. 365. „Описание села Красного“— Нижегород. сборник, Т. II, стр. 480.

²⁾ П. Т. Решетников. Валяльный промысел в Вятском у. Вятка 1912 г. стр. 3.

³⁾ Любопытно поэтому в связи со сказанным отметить факт сравнительно значительного производства валеных шапок в Кролев. у. (в гор. Корол) Черниг. губ., отправляемых в великороссийские губернии. Анкета губ. зем. управы 1911 г.

Указанный этап в эволюции валяльной промышленности мы должны признать одним из важнейших, определивший собою дальнейший ход ее развития. С переходом к валянию обуви промышленность, так сказать, нашла центр своего приложения—перед ней открылся крестьянский рынок огромной емкости.

Параллельно с только что описанным процессом вытеснения шляпного производства валеным, а часто и в тесной с ним связи, шел другой, еще более важный—мы имеем в виду постепенное оседание промысла.

Родоначальником кустаря-валенщика многими считается отхожий шерстобит, имеющий еще и сейчас во многих местах довольно широкое распространение. Этот шерстобит-валяльщик переходил из деревни в деревню, часто довольно отдаленную, со своими незатейливыми инструментами, работая самостоятельно, или же в качестве полноправного члена артели, или, наконец, в качестве наемного рабочего „подрядчика“—хозяина артели, изготовляя по пути своего передвижения валеные изделия из шерсти крестьян-заказчиков.

Растущий спрос на валеную обувь, все более и более вытеснявшую лапти, способствовал постепенному оседанию промысла. В том же направлении должно было действовать и сокращение, в связи с реформой крестьянского, овцеводства, — имевшее своим последствием вздорожание сырья и уменьшение его запасов у самих крестьян-заказчиков, которых обслуживали эти бродячие шерстобиты.

Пореформенная эпоха, в связи с дифференциацией крестьянства и развитием товарного хозяйства, характеризуется, как известно, чрезвычайно сильным ростом различных промыслов, в том числе шерстобито-валяльного ¹⁾. Этот рост валяльного промысла со второй половины XIX столетия можно иллюстрировать данными о времени возникновения 116-ти валяно-катальных заведений по Романовскому и Рыбинскому уездам Ярославской губ. и данными о росте числа валяльщиков в Вятском районе ²⁾.

Общее число зарегистрированных заведений.	Ярославская губерния (Романовский и Рыбинской у.) ³⁾						Вятский уезд.		
	Из них основано в % к общему количеству.						Число лиц, занят. промыслом.		Увеличение в %.
	До 61 г.	В 60-е годы.	В 70-е годы.	В 80-е годы.	В 90-е годы.	1901—1902 г.г.	1886 г.	1909 г.	
116	12,9	2,6	17,2	21,6	42,2	3,4	1731 ³⁾	2327 ⁴⁾	34,4

Из этих немногочисленных данных уже вполне определенно выясняется интенсивный рост оседлого промышленного населения, насту-

¹⁾ О росте мелких промыслов после реформы см. также у В. И. Ленина: Развитие капитализма в России. Глава V.

²⁾ Куст. пром. Яросл. губ. Вып. 14. Ярославль, 1904 г., стр. 331, 332. П. Т. Решетников. Вал. пром. в Вят. у. Вятка 1912 г., стр. 3. То же самое для Татреспублики (Казан. губ.). В 1883 г. в Старо-Юмьинской вол. в 19 сел. насчитыв. 189 домохозяев-валяльщиков, в 1908/9 г. 22 сел. с 543 домохоз. Таким образом, за этот период число хозяев увеличилось на 354 или на 187,3%. (Мелк. пром. Каз. губ. Казань 1910 г., стр. 357). Также в Усман. у., Тамб. г., в 1883 г. было отмечено 26 шерстобитов, а в 1912 г. 227 дворов. (Обслед. кустар. пром. Усман. у. 1912 г.).

³⁾ Занимающихся дома и в отходе не более 30 верст.

⁴⁾ Занимающихся дома.

пивший с отменой крепостного права и продолжавшийся в местах первоначального развития промысла, повидимому, вплоть до начала XX ст., когда наступила некоторая задержка в его росте, имеющая, как увидим ниже, вполне удовлетворительное объяснение в характере дальнейшей эволюции и экономической организации промысла.

Оседание промысла в результате образования внутреннего рынка огромной емкости в свою очередь повлекло за собой целый ряд последствий, изменивших всю социально-экономическую его структуру. Эти изменения, из которых каждое являлось в одно и тоже время и следствием предыдущего и причиной последующего, непрерывной цепью следовали одно за другим.

Оседание промысла с привлечением новых трудовых элементов—мы имеем в виду женщин и детей, не принимающих участия в отходе, способствовало географической его концентрации и, как естественный результат этого—конкуренция между отдельными изолированными мелкими производителями и падение зарплаток. На ряду с этим все определеннее стала выступать другая более грозная сторона этого процесса: производство с концентрацией производителей все более и более теряло местный характер, мелкий раздробленный сбыт становился невозможным и вопросы рынка—вопросы крупного массового сбыта—стали приобретать первенствующее значение. В вопросах же рынка производители оказались совершенно беспомощными, мелкое производство очутилось в полном противоречии с необходимостью крупного массового сбыта, в результате чего проникновению капитала был открыт путь. Рынок был захвачен капиталом, а вместе с рынком власть над производством. „Всякая крестьянская промышленность,—пишет М. Туган-Барановский,—только до тех пор может сохранять характер самостоятельного производства, пока она работает на близкий рынок или по заказам потребителя; но, как только мелкий производитель начинает работать на отдельный рынок, он неизбежно подчиняется посреднику—капиталисту, как более сильному экономическому элементу; власть над рынком сопровождается и властью над производителем“¹⁾.

Нужно сказать, что отправка войлочных изделий за границу еще в конце XVI века и оседание промысла около Нижегородской ярмарки указывает на еще более раннее вторжение торгового капитала, достигшее, однако, своего настоящего выражения только с географической концентрацией промышленников. На сцену выступила, таким образом, знакомая фигура „скупщика“, „хозяина“, „раздатчика“, раздававших шерсть для переработки. Процесс самого производства еще оставался в руках производителя, процесс обмена перешел окончательно к капиталисту посреднику.

Капитализация промысла, на этом конечно, не остановилась.

Торговый капитал, предоставив каждому возможность работать из готовой шерсти, обеспечив, таким образом, производителей все дорожавшим сырьем, подготовил лишь почву для вторжения промышленного капитала. Вслед за рынком было захвачено и самое производство. Производитель постепенно превращался в наемного рабочего на дому, в производстве водворилась, так называемая, домашняя система крупной промышленности.

Параллельно, и в самой непосредственной связи с отмеченными изменениями в области рыночных отношений—изменениями, приведшими к полной изоляции мелких промышленников от рынков сырья

¹⁾ Русская фабрика. Т. I. Изд. 3-е, стр. 211.

и рынков сбыта готовых изделий—изменялась и техническая организация самого производственного процесса.

В начале все операции по выделке сапога—расческа и разбивка шерсти, закладка, стирка и отделка „колпака“ (так называется форма будущего сапога)—исполнялись последовательно одним и тем же рабочим. Со вторжением же торгово-промышленного капитала отдельные операции одна за другой стали отходить от кустаря. Раздача шерсти стала сопровождаться предварительной ее расческой на шерсточесальных машинах, низкая производительность труда, с одной стороны, кража и подмен шерсти кустарями, с другой, вызвали со стороны раздатчиков организацию собственных заготовочных мастерских; на долю кустарей остались одна только стирка и окончательная отделка „колпаков“. И действительно, во всех центрах важнейших валяльных районов (Сереновская вол. в Ярославском, районе. Никитинская и Шевалдовская в Кинешемском, Старо-Юмьинская и Петропавловская вол. в Мамадышском у). почти все кустарные дворы занимаются исключительно стиркой и чисткой уже заранее заложенных вне кустарной избы „колпаков“.

Процесс капитализации, раз начавшись, продолжал идти с неумолимой последовательностью и дальше. Вслед за заготовочными мастерскими устраиваются и стирочные. Стирка из дома кустаря переносится на самые фабрики, и кустарю, потерявшему уже ранее самостоятельность, пришлось последовать туда же, но уже в качестве наемного рабочего. С появлением же заводов, в которых сосредоточивается все производство валеной обуви, начинается последний этап в эволюции промысла; окончательная его капитализация и поглощение фабрикой отдельных производительных единиц, не отвечающих требованиям технико-экономической рациональности, происходит типичнейший процесс поглощения мелкого производства крупным со всеми вытекающими из него последствиями.

В нашем распоряжении имеются данные, дающие некоторое представление о характере последнего процесса, относящиеся к Никитинской и Шевалдовской волостям Кинешемского уезда¹⁾.

ЗАВОДЫ.	1895 г.	1902 г.	Увеличение (+) или уменьшение (—)	
			абсолютное	в %, 0/0
Мелкие (5—10 раб.)	49	36	—13	—26,5
Средние (10—16 „)	24	11	—13	—54,2
Крупные (16 „)	21	21	—	—
ВСЕГО	94	68	—26	—26,6

За семилетний промежуток число мелких заводов уменьшилось на 26,5%, число средних на 54,2%, число крупных, как будто бы, не потерпело никаких изменений. Мы говорим как будто бы потому, что, как оказывается „число крупнейших заводов, имеющих более 40 рабочих, не только не уменьшилось, но даже возросло с 3 до 7“²⁾, т. е. увеличение для крупнейших заводов для этого же промежутка времени

¹⁾ Отчеты и исследов. куст. пром. в Росси Т. VII, стр. 51. ²⁾ Там же.

выражается колоссальной цифрой в 133,3%. В тексте нет прямых указаний относительно того, входят ли эти крупнейшие заводы в число 21 заводов с числом рабочих более 16, показанных для 1895 и 1902 г. или нет. Есть, однако, основание полагать, что они включены ¹⁾. В таком случае число крупных заводов можно разложить таким образом:

ЗАВОДЫ.	1895 г.	1902 г.	Увеличение (+) или уменьшение (-)	
			абсолютное	в %/0/0
Крупные (16--40 раб.)	18	14	-4	-22,2
Крупнейшие (40 „)	3	7	+4	+133,3

Уменьшение коснулось, таким образом, заводов с числом рабочих от 16 до 40. Это обстоятельство, в связи с громадным ростом крупнейших заводов, свидетельствует о том, что процесс поглощения мелкого производства крупным идет весьма интенсивно, изменяя качественно и количественно все стороны производства ²⁾.

¹⁾ Основание дает, во-первых, отсутствие максимального предела для числа рабочих в более крупных заводах (более 16) и во-вторых, следующее место текста „Отчетов и исследований“: „В 1902 г. в двух названных волостях числилось 92 завода (с общим числом рабочих в 4000 чел.). Число рабочих от 5 и более встречалось на 68 заводах, а менее 5—на 24. За 7 лет перед тем, в 1895 г. заводов с числом рабочих от 5 и более было 94. О заводах с числом рабочих менее 5 сведений за 1895 год не имеется“. Прибавив к 68 заводам (с числом рабочих до 5 и более), вошедших в табличную разработку и те 24 (с числом рабочих до 5), для которых в виду отсутствия соответствующих сведений за 1895 г. возможность сравнения исключена, получим как раз 92 завода (68+24=92), зарегистрированных в 1902 г.

²⁾ Рядом с поглощением мелкого производства крупным, приведенные выше данные позволяют установить параллельно идущий противоположный процесс—именно, раздробление производства. С целью констатирования этого второго процесса представим их в таком виде.

ЗАВОДЫ.	1895 г.		1902 г.		Увеличение (+) или уменьшение (-)	
	абс.	в %/0/0	абс.	в %/0/0	абсолютное	в %/0/0
Мелкие	49	52,1	36	53,0	-13	+0,9
Средние	24	25,5	11	16,1	-13	-9,4
Крупные	18	19,2	14	20,6	-4	+1,4
Крупнейшие	3	3,2	7	10,3	+4	+7,1
	} 21		} 21		} 0	
	} 22,4		} 30,9		} +8,5	

Два параллельно идущих процесса раздробления и одновременной концентрации, имеющие место в отношении многих кустарных промыслов, (М. Туган-Барановский, Русская фабрика стр. 473) достаточно рельефно выступает и в валяльном промысле. Мы видим, что, хотя число мелких заводов и уменьшилось абсолютно (86 в 1902 г. против 49 в 1895 г.), но относительно, правда, слабо, все таки увеличилось (52,1% и 53,0%); число средних заводов сократилось и абсолютно (24 и 11) и относительно (25,5% и 16,1%). Число крупных уменьшилось абсолютно, но увеличились относительно, число крупнейших наоборот, увеличилось и абсолютно (2 против 7) и относительно (32% против и 10,2%).

Капитализация промысла наметилась, таким образом, вполне определено.

В связи со сказанным мы должны здесь подчеркнуть одно весьма важное обстоятельство.

Крупное валяльное производство, захватывающее и сырьевой и потребительский рынок, превращающее мелких промышленников в зависимых от него рабочих и стягивающее их окончательно под крыши заводов, имеет в техническом отношении некоторые специфические особенности, достаточно резко выделяющие это крупное производство в ряду других.

Сказанное находит свое подтверждение при рассмотрении следующих данных, представляющих примерное разложение производственного процесса ¹⁾).

Название операций.	Времени в часах на 1 пару мужской обуви.	Тоже в 0/о.	
1. Битье шерсти	3,0	18,8	
2. Настилка „колпака“	2,0	12,5	
3. Катание	3,0	18,8	
4. Стирка	6,0	45,6	
5. Трение на рубеле	1,0		6,2
6. Набивка на колодки	0,3		1,9
7. Чистка пемзой	0,3		1,9
8. Обжигание	0,2		1,2
9. Окраска	0,2	1,2	
	16	100,0	

В силу технических особенностей крупного валяльного производства, оно является производством типа мануфактуры. Только одна расческа шерсти, представляющая собой лишь подготовительную стадию и поглощающая менее одной двадцатой (18,8⁰/о) всего времени, потребного для выработки одной пары обуви, доступна механизации. Вся же остальная работа, как-то закладка колпака и в особенности стирка его, составляющая около половины всей работы (45,6⁰/о), производится исключительно ручным способом. В валяльном производстве, следовательно, мы не имеем замены рабочей силы машиной, составляющей основной характер крупно-заводской промышленности, обеспечившей ей победу над мелким производством ²⁾.

¹⁾ Промыслы в Наровчатском уезде, Пензенской губ. в 1912 г. стр.

²⁾ Даже в войлочн. пр-ве, где машина применяется не только для расчески шерсти, но и для изготовления самого войлока, механизация едва только началась. Так, по данным отчета о Нижегородке за 1915 г. (стр. 65), в Арзамасском войлочном районе, являющемся одним из крупнейших в России, из 7 крупных заводов, только 1 оборудован машинами. Остальные же являются чистейшими капиталистическими мануфактурами.

В силу этого многие крупно-заводские предприятия организуют в стенах самого заведения лишь расческу шерсти и изготовление колпака (в последней операции крупное производство выигрывает в техническом разделении труда, выражающемся в отделении „настилки“ от окончательной „закатки“¹⁾

Крупное централизованное производство, оставляет у себя, стало быть те стадии производственного процесса, в которых производительность труда может быть увеличена выгодами этого крупного производства и, наоборот, передает на сторону те стадии, в которых централизованное производство при данных технико-экономических условиях особенно ощутимых преимуществ не имеет.

Вот почему, параллельно и рядом с централизованной крупной валяльной промышленностью, мы встречаем огромные скопления кустарей, занимающихся стиркой. Такие скопления мы находим в Семеновско-Балахнинском, Ярославском и Мамадышском районах. Здесь одинаково и чрезвычайно широко распространены как наемная домашняя система крупной промышленности, так и сама крупная промышленность, при чем обе формы настолько связаны между собой, что образуют как бы единый, цельный хозяйственный организм. Создается нечто вроде „симбиоза“ между централизованным (крупным) и рассеянным (мелким) производством.

В связи с этими особенностями крупного валяльного производства все же следует отметить факт увеличения производительности труда в зависимости от числа рабочих и степени оборудования заводов.²⁾

	Без двигателей.	Двигатель вод.-лош. сила.	Нефтяной двигатель.
Среднее число рабочих	22	48	58,4
Недельная выруб. пар на 1 рабочего .	9,3	15,5	20,0

Производительность одного рабочего увеличивается более чем вдвое при переходе к заводам более усовершенствованного типа. Здесь, принимая во внимание особенности валяльного производства, весьма рельефно выступают огромное значение кооперации и выгоды объединения труда в одном помещении под единым руководством и контролем. С другой стороны, возможность использования движущих сил машин в деле обслуживания вспомогательных нужд производства (как то: отопление, освещение и т. п.) и вообще возможность большей утилизации всех средств производства является, опять-таки, вторым стимулирующим моментом в деле окончательной капитализации промысла, в деле перенесения всех операций, включая и стирку, из кустарной избы на самые фабрики.

Вполне правильно, поэтому, утверждение, что данные об увеличении производительности труда в зависимости от степени оборудования заводов достаточно убедительно говорят о том, в каком на-

¹⁾ На некоторых заводах изготовление колпака проходит даже три стадии: один рабочий закладывает „основу“, другой закатывает (обыкновенно женщины и дети), а третий уже заравшивает колпак. См. журнал Совет. о нуждах вал. пром.

²⁾ В. Барыков. Зараб. плата куст. Костром. губ. стр. 36.

правлении должен развиваться валено-катальный промысел в Кинешемском и Юрьевецком уездах, где он уже принял заводскую форму производства. Домашняя форма в этом районе обречена на неизбежную гибель. ¹⁾ Сказанное, конечно, остается верным по отношению и к другим районам со значительной концентрацией промысла, где последний обнаруживает вполне определенную тенденцию к переходу от рассеянной формы в централизованную.

Таким образом, эволюция мелкой промышленности укладывается в обычную схему промышленного развития многих старинных промыслов: от домашнего производства через свободные и зависимые формы кустарной промышленности к окончательному поглощению фабрикой.

III.

Выше мы имели возможность убедиться насколько тесно связаны зависимые формы кустарной промышленности с фабрично-заводской; мы видели, что предстатели кустарного труда в целом ряде случаев являются теми же наемными рабочими капиталистической промышленности, но работающими у себя на дому, в виду того, что такая форма использования наемного труда является при данных технико-экономических условиях производства для капиталиста-предпринимателя в некоторых случаях экономически более выгодной. В виду этого, нам кажется нелишним будет остановиться несколько на развитии фабрично заводского валяльного производства, для чего воспользуемся следующими данными.

Число и производительность заведений войлочных и вален. обуви в 1900 и 1908 г. ²⁾

Г О Д Ы.	Число заведений.	Сумма пр-ва и выр-б. по заказу в тыс. руб.	Число рабочих.		Средняя производительность 1 рабочего в руб. днях.	Число механ. двигателей.	Сила двигателей (паров. лошад.).
			При заведени.	Вне заведени.			
1900 г.	99	3087,7	3.742	2.266	513,4	66	588
1908 г.	100	5162,7	4.664	3.089	665,9	73	842
Увеличение (+) в %	+ 1,0	+ 67,2	+ 24,6	+ 36,3	+ 29,7	+ 10,6	+ 43,2

Сопоставление этих двух рядов цифр приводит к весьма определенным выводам, убеждающим нас в интенсивном качественном и количественном росте крупной фабрично-заводской промышленности, при чем качественный рост идет значительно впереди количественного. В самом деле, в то время, как число заведений за отчетное восьмилетие увеличилось всего на 1%, число занятых рабочих увеличилось: для работающих на фабрике на 24,6%, для работающих на стороне — на 36,3%. Последнее обстоятельство для нас представляет особенный

²⁾ В. Барыков. Зараб. плата куст. Костр. губ стр. 36.

⁴⁾ Для 1908 г. сведения взяты из издания „Стат. свед. по обраб. ф. з. пром.“ В. Е. Варзара, а для 1900 г. из Стат. справочника изд. Т-ва Худ. печати 1908.

Г Л А В А II.

География мелкой сапоговаляльной промышленности.

I.

Общее число лиц, занятых в мелкой сельской валяльной промышленности, исчисляется на основании неоднородных, частью устарелых и неполных данных местных земско-статистических исследований по всей почти Европейской России—в нашем распоряжении не было лишь материалов по Архангельской, Астраханской, Оренбургской губерниям, Уральской и Донской области—в 90.434 чел. ¹⁾

¹⁾ Для изучения численного состава лиц, занятых в мелком валяльном производстве, а также для выяснения географии, равно как и других сторон промысла нами были использованы, главным образом, данные местных земско-статистических исследований. Эти исследования, при всей ценности содержащегося в них фактического материала, страдают, однако, двумя весьма существенными недостатками. Первый из них—это их разновременность. Действительно, использованные нами материалы по годам исследований варьируют в довольно широких пределах целого тридцатилетия (1884—1915) и, естественно, что за такой промежуток времени качественные и количественные изменения в составе промышленников для губерний с устарелыми данными достигли значительного выражения. Хотя в то же самое время следует подчеркнуть, что более $\frac{2}{3}$ (67,5%) материалов по Евр. России собраны за 1904—13 г. г. (проф. А. А. Рыбников. Мелкая промышл. России. Москва 1923 г. стр. 14) и таким образом для значительной части сводки материалы во времени не сильно отличаются. Вторым, не менее существенным, недостатком земских материалов следует признать различие в объеме тех явлений, которые подлежали регистрации при самом обследовании. Это различие в объеме зарегистрированных явлений есть результат, мы бы сказали, той путаницы в определении понятия кустаря и кустарной промышленности, которая господствует в среде земских исследователей. Если для исследователей Олонецкой губ. кустарями являются „работающие не у себя дома, а у соседей и у однодеревенцев“. (Куст. пром. и рем. зараб. крестьян Олон. губ. 1905 г., стр. 79), то для исследователей Рязан. губ. кустарная промышленность является, наоборот, домашним занятием, изделия которого предназначаются на рынок, „вследствие чего кустарем будет считаться и то лицо, которое работает на скупщика, на крупный торговый дом, на фабрику и т. п.“ (Свед. о куст. пром. по Ряз. губ. вып. 1 1915 г. приложение стр. 1). Исследование Полтавской г. под понятие кустаря подводит лишь тех промышленников, которые имеют не более двух наемных рабочих (Куст. пром. и сбыт куст. изделий А. А. Рыбников 1913 г. приложение 1-ое, стр. 108) в то время, как при обследовании Каз. губ. исключались лишь предприятия с числом наемных рабочих более пяти (Мелкая промышл. Каз. губ. 1911 г., стр. 5), а кустарная промышленность Ярославской губ. представляет собою конгломерат самых разнообразных форм промышленности (Куст. пром. Яросл. губ. Вып. 14-й, стр. 25). Не лучше обстоит дело с учетом отхожих промышленников и ремесленников: в одних случаях они учитывались отдельно от остального, так называемого, кустарного населения, в других—вместе с ним, в третьих—совершенно не учитывались. Все это делает материалы земско-статистических исследований неоднородными, мало сравнимыми между собой, а устарелость многих из них, из которых некоторые насчитывают чуть-ли не тридцатилетнюю давность, в связи с неполнотой учета, еще более понижает качество использованных нами данных, подчас в слабой степени отражающих действительное положение вещей. „Кустарная промышленность“, говорит В. И. Ленин, „абсолютно непригодное для научного исследования понятие, под которое подводят обыкновенно все и всяческие формы промышленности, начиная от домашних промыслов и ремесла и кончая наемной работой в очень крупных мануфактурах“ (Развитие капитализма в России Гл. V) чем, между прочим, несомненно, объясняется те резкие колебания в определении численности кустарей, которые мы встречаем в литературе. В силу указанных обстоятельств мы полагаем наиболее целесообразным включить в наш подсчет всех промышленников, безотноситель-

Согласно сделанным нами подсчетам годовая производительность одного промышленника, на основании тех же материалов, выражается, примерно, в 190 р. в год, что в переводе на одно только оседлое ремесленно-кустарное сельское население, занятое промыслом, даст более 17 мил. руб. суммы производства в год. В крупно-заводской валяльной промышленности, насчитывалось в 1908 г. в Европейской России 7,7 тыс. рабочих (вместе с занятыми вне заведения) с суммой производства в 5,2 милл. рубл. ¹⁾ Это сопоставление, в виду несовершенств статистического подсчета, как крупной, так и мелкой промышленности, не претендует на научную точность. Но, даже и с этой оговоркой, в свете приведенных цифр выступает все то огромное значение, которое имеет мелкая (рассеянная) валяльная промышленность в общей народо-хозяйственной жизни страны и вся ее важность в деле снабжения изделиями этого производства крестьянского населения. Это значение мелкой промышленности выступает еще более рельефно, если принять во внимание обслуживание нужд крестьянского населения, так называемыми, бродячими валяльщиками, большими массами расходящимися ежегодно по всем направлениям и работающими на местах, куда доставка готовых изделий, за отсутствием путей сообщения, подчас совершенно исключается, из шерсти крестьян-заказчиков.

Однако, при всем том исключительном значении, которое, в связи с отмеченными выше социально-экономическими и естественно-историческими условиями, имеет мелкое валяльное производство в снабжении крестьянского населения валеной обувью, последняя не является единственной обувью крестьянского обихода. Кроме них в деревне в большом ходу лапти и кожаные сапоги. Лапоть является исконной обувью великорусского крестьянина, вызванной к жизни слабой покупательной способностью крестьянского населения, обилием дешевого липового сырья, а также низким культурным уровнем крестьян. С ростом влияния городской жизни, исчезновением и вздорожанием липового сырья, лапти, однако, стали вытесняться валеным и кожаным сапогом. Но дешевизна валеного сапога и развитие внеземледельческой промысловой деятельности населения, главным образом, в местах с суровыми климатическими условиями, господствующими к тому на значительной части территории нашего отечества, обеспечили ему преобладание на крестьянском рынке. Эта дешевизна валеного сапога по сравнению с кожаным иллюстрируется следующими ценами¹⁾ по которым военное ведомство закупало обувь для армии.

но являются ли они ремесленниками, представителями кустарного „свободного“ труда или наемными рабочими домашней системы крупной промышленности. Выделение же из всей этой массы представителей тех или других экономических групп мы полагаем наиболее целесообразным сделать при изучении организации самого производственного процесса. Только группировкой хозяйств промышленников по характеру приобретения сырья и по характеру сбыта мы получим возможность правильного выделения из них хозяйств с различным экономическим строением. Из нашего подсчета мы исключили, где это представлялось возможным, лишь отхожих промышленников, к которым мы отнесли тех из них, которые работают вне пределов своего уезда. При всех недостатках, присущих земским материалам, они все же являются единственными источниками для изучения мелкой промышленности, дающими возможность, хотя бы с относительной точностью, выяснить размеры труда, приложенного в той или другой ее отрасли, и, с этой точки зрения, наш подсчет, не удовлетворяя строгим научным требованиям, заслуживает все же полного внимания.

¹⁾ В. Варзар. Стат. свед. об обработ. ф-зав. промышленности.

Цены в 1912 году. ¹⁾

Пермск. вален. сапог 2 р. 50 к.
 Новооскольск. кожан. сапог 6 р. 05 к.

Кожаный сапог в 2^{1/2} раза дороже валеного, что, в связи с отмеченной выше низкой покупательной способностью крестьянского населения, подчеркивает преимущество последнего. Но, так или иначе, все три рода обуви имеют место в крестьянском обиходе, а потому весьма интересным представляется выяснить географическое и количественное соотношение, существующее между тремя группами промышленников обувщиков—лапотниками, валенщиками и сапожниками.

Об этом соотношении дает представление следующая районная группировка промышленников.

Наименование районов.	На 100 промышл. - обувщиков приходится.		
	Лапотников.	Валяльщико-ков.	Сапожни-ков.
I. Сапожно-валеные:			
1) Сев.-Западный (Олонецк., Петроградск., Новгородск., Тверск.)	1	13	86
2) Западный (Могилевск., Смоленск., Псковск., Витебск.)	2	37	61
3) Северо-Вост. (Пермск. и Волог. губ.).	3	47	50
II. Сапожно-валено-лапотные:			
4) Центральный (Владимир., Москов., Рязанск., Тульск., Орловск., Калужск.) .	16	21	63
5) Юго-Восточный (Симб., Пензенск., Саратовск., Самарск., Тамбовск.)	9	34	57
III. Валенно-лапотно-сапожные:			
6) Северо-Восточный (Вятск., Казанск., Уфимск.)	30	50	20
7) Центральный (Ярославск., Нижегородск., Костромск.)	14	73	13
IV. Сапожный:			
8) Южный (Полтавск., Екатерин., Киевск., Харьк., Херсонск., Подольск., Волынск., Ворон., Курск., Черниг.)	—	3	97
По 37 губ. Европ. России .	11	30 ²⁾	59

¹⁾ Дан. Петерб. Воен. Окр. Интенд. Управления.

В последние годы скупщики Мышк. у. Яросл. губ. покупали у угличских торговцев кимрские сапоги по 3 р. 50 к., а калязинские валенки по 1 р. 60 к. за пару; продавали же на рынках Мышк. у. сапоги по 5 руб., а валенки по 1 р. 60 к. К сожалению, мы не имели возможности воспользоваться для сравнения цен отчетами о Нижег. ярмарке, в виду отсутствия в последних систематических цен на кожаную обувь.

²⁾ В группу валяльщиков вошли и войлочники. Принимая во внимание, что кроме Арзамасского района, последние крайне немногочисленны и в целом ряде случаев занимают также валянием обуви, приведенное соотношение остается в силе.

Подробное изучение районов лапотного и сапожного промыслов не входит в нашу задачу. В виду этого мы даем здесь лишь в самых общих чертах географическое взаимоотношение, существующее между всеми обувными районами, и лишь по стольку, поскольку это помогает нам выяснить географическое размещение валяльного производства.

По всей почти Европейской России, согласно данных земских исследований, на каждые 100 промышленников—обувщиков приходится 59 сапожников, 30 валенщиков и 11 лапотников. Промышленники сапожники занимают, таким образом, первое место, лапотники последнее. По отдельным районам соотношение это сильно варьирует.

Наибольшее скопление лапотников мы находим в северо-восточном Казанско-Вятско-Уфимском районе, характеризующемся, начиная с юга Вятской губ., крайне низкой расценкой труда и господством в связи с этим плохо оплачиваемых убогих промыслов. ¹⁾ На долю лапотников здесь приходится 30% общего числа всех промышленников-обувщиков. По Казанской и Уфимской губерниям % этот поднимается даже до 50%. К северу от этого района лапотники уже не встречаются. К западу, юго-востоку и юго-западу от него расположились районы с незначительным % лапотников, доходящим в центральных районах до 14—16%.

Районы с преобладанием промышленников-сапожников расположились иначе.

Прежде всего следует отметить южный сапожный район с незначительным % (3%) валяльщиков и полным отсутствием лапотников, в котором сосредоточено до половины (48,8%) всех лиц, занятых сапожным промыслом в России. Таким образом, другая половина сапожников сосредоточилась в остальных районах.

Такое исключительное развитие сапожного, промысла в южном районе имеет глубокие историко-экономические основания. Сапожно-кожевенный промысел возник на юге в среде местечковых и городских ремесленников. Юго-Западные губ., в отличие от северных, характеризуются сильным развитием и значением городской жизни. Теплая зима, наличие сапожно-кожевенного сырья, в связи с господством экстенсивных форм скотоводства и влияние города, способствовали исключительному развитию сапожного промысла, имеющего при этом в целом ряде случаев преобладающий ремесленный характер.

Иначе складываются условия в остальных районах. Обилие липового сырья, низкая покупательная способность крестьянского населения в связи с невысоким его культурным уровнем, как мы выше отметили, предопределили изготовление лаптей; с другой стороны, суровый климат севера и северо-востока, в связи с осенне-зимними промыслами, должны были питать и поддерживать развитие валеного промысла.

За южным районом, по многочисленности сапожников, следуют: северо-западный (86% общего числа всех промышленников-обувщиков) центральный (63%), западный (61%), юго-вост. (57%) и, наконец, северо-восточный (50%). В последнем северо-восточном (Пермско-Вологодском) районе уже на ряду с сапожниками встречаем такое же огромное скопление валяльщиков (47 промышл. на 100). За ним, по степени развития валяльной промышленности, идет восточный Казанско-Вятско-Уфимский (с 50% валяльщиков) и центральный (Нижегородско-Ярославско-Костромской) ²⁾ район, включающий в себе почти все

¹⁾ Проф. А. А. Рыбников. Мелкая промышл. и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства, стр. 23. Москва 1922. ²⁾ Иваново-Вознесенский.

важнейшие центры сапого-валяльного производства. В этом последнем районе лапотники встречаются в небольшом числе (12^{0/0}) в Костромской губ., сапожники в довольно заметном количестве (31 на 100 промышленников-обувщиков) в Ярославской губ. Однако, валяльщики здесь настолько преобладают над сапожниками, что этот центральный район смело может быть назван исключительно валяльным. Валеное же производство в довольно значительном размере имеет также в юго-восточном (34^{0/0}) и западном (37^{0/0}) районах, меньше в центральном сапожно-валено-лапотном (21^{0/0}) и совсем мало (13^{0/0}) в северо-западном.

Так складывается географическое и количественное соотношение между этими тремя группами промышленников-обувщиков, соотношение, могущее служить предметом специального анализа, затронутое же нами лишь попутно в целях более детального выяснения географии валяльного производства, являющегося предметом нашего изучения.

Но валяльный промысел представляет собою одну только ветвь ремесленно-кустарной обработки шерсти. Последняя сосредоточивается также на изготовлении шерстяных чулок, варежек и носок, на изготовлении сукон, ковров и шерстяной пряжи. С точки зрения более детального анализа географии мелкой валяльной промышленности и ее места в общей обработке шерсти, крайне интересным представляется также выяснить, в какой степени и где сапого-валяльный промысел привлекает наибольшее число промышленников по сравнению с другими видами обработки шерсти и где, наоборот, последние являются более распространенными.

Ответ на поставленный вопрос дают следующие установленные нами районы ремесленно-кустарной обработки шерсти (см. стр. 25).

По 37 губерниям, т. е. почти по всей Европейской России, в ремесленно-кустарной обработке шерсти занято около 145 тыс. человек (143,139)¹⁾. Первое место среди них занимают валяльщики (63^{0/0}), второе место—варежники-чулочники, или скорее варежницы-чулочницы, так как в этом промысле господствует по преимуществу женский труд, после них суконщики (коверщики) и наименее представленной является группа, изготавливающая шерстяную пряжу.

Приведенные данные чрезвычайно рельефно подчеркивают преобладание ремесленно-кустарной обработки шерсти в тех, именно, областях, где замена ручного труда машиной имеет слабое место в процессе производства. По мере того, как машина все более вторгается в производство, это ее вторжение знаменует собой вытеснение ремесленно-кустарного труда.

В валяльном производстве, как уже указывалось, механизации доступна лишь подготовительная стадия—расческа шерсти; правда, в войлочном деле машина выполняет уже весь процесс производства с самого начала до конца. Но у нас даже в крупнейшем Арзамасском войлочном районе машины применялись в виде редкого исключения и производство носит по преимуществу характер капиталистической мануфактуры. В силу этого, как раз в валяльном производстве, ремесленно-кустарный труд наиболее представлен—63^{0/0} всех лиц, занятых в ремесленно-кустарной обработке шерсти. Исключительно валяльное производство имеет место в северо-восточном и западном районах. В расположенном между ними северо-западном районе боль-

¹⁾ Следует помнить, что в этот подсчет входит лишь оседлое ремесленно-кустарное население.

Наименование районов.	На 100 человек, занятых обработкой шерсти приходится:			
	Чулочников.	Валяльщников.	Изготовл. пряжу.	Суконщико-ковровщиков.
I. Западный валеный (Псков., Витебск., Смоленск.) . . .	1	99	—	—
II. Северо-восточный валеный (Вологодск., Пермская, Вятская, Уфимская)	1	98	—	1
III. Сев.-запад. валено-чулочный (Олонек., Петроград., Тверская, Новгород., Костромск., Ярославск., Нижегородск., Рязанск., Владим., Москов. ¹⁾).	38	58	—	4
VI. Южный суконно-ковровый (Киевская, Полтавск., Херсонск., Екатериносл., Подольск., Волынск.)	14	55	11	20
V Юго-западный валено-суконно-чулочный (Тульск., Калужская, Орловск., Курская, Харьковск., Могилевск., Чернигов ²⁾ , Воронежская) . .	14	45	—	41
IV. Юго-восточный смешанный (Ульяновск., Самарск., Пенз., Казанск., Саратовск., Тамбовская)	—	—	—	100
По 37 губ . . .	21	63	2	14

шее значение приобретает также чулочно-варежное производство, особенно в Владимирской (знаменитый Пестяковский район), Московской³⁾, а также Ленинградской губерниях, где валяльное производство, наоборот, слабо представлено. Чулочно-варежное производство, встречаемое также в юго-западном (14%) и юго-восточном (14%) районах, уже целиком доступно машинному производству. В руках ремесленно-кустарной массы остается, однако, в большей части производство грубого крестьянского товара, развивающееся в значительной степени в губерниях с господством отхода на базе остающегося дома и не находящего себе применения дешевого женского труда, являющегося здесь преобладающим.

Производство сукон оттесняется на юг и юго-восток; в юго-вост. и юго-зап. районах оно представлено соответственно 20% и 41% всех лиц, занятых ремесленно-кустарной обработкой шерсти. В крайних же

¹⁾ Из общего числа вязальщиц (13209 ч.) по Москов. губ. исключены 129! раб. по Троицк. вол., как занимающихся бумаговязанием (см. Пром. куст. нас. Московской губ. ст 510). По ост. вол. этого сделать не удалось, и, несомненно, что значение чулочно-варежного шерстяного производства, в силу этого, значительно преувеличено как для всего района, так и в особенности для Москов. губ.

²⁾ Чулочно-варежное производство в Черниговской губ. (посад Клинцы. Суражск. у.) за последние годы настолько разрослось, что даже стало конкурировать на ярмарке с дубовскими (Цариц. губ.) изделиями. (Отчет о Ниж. ярм. в 1914 г.).

³⁾ См. примечание № 1, стр. 23.

южно-малороссийских губерниях валяльное производство совершенно вытеснено суконно-ковровым. Но это производство в южных губерниях и до сих пор носит, по преимуществу, домашний характер. Сукно для „свиток“, ковры „килымы“, в качестве приданного малороссийской девушке, изготавливается в каждой почти хате и только незначительная часть выбрасывается на рынок.

Товарное производство сукна мы находим в Тамбовской и Ульяновской губерниях смешанного юго-восточн. района, по соседству с фабричным производством сукон. В Ульяновской губ. уже почти треть промышленников состоит из суконщиков, а в Тамбовской, в которой значительно развито также чулучно-варежное производства, образующее в селе Рассказове один из крупнейших районов, на долю суконщиков падает уже 47%¹⁾. В этом же юго-вост. районе, в Пензенской губ. и Татарской Республике, развито кустарное изготовление шерстяной пряжи, область, где ручному труду совершенно нет места. Во всей ремесленно-кустарной обработке шерсти, изготавливающих пряжу исчисляется всего 2%. Особенного развития шерстепрядение достигает в Татарской Республике (33%). В Пензенской губ. кроме пряжи из шерсти изготавливается, также пряжа из пуха. Точно также и в Саратовской губ. группа варежниц-чулочниц в преобладающем числе представлена пуховязанием и пухопрядением.

Валяльное производство является, таким образом, наиболее распространенной ветвью обработки шерсти, поглощая 63% всего приложенного в этой области труда. Оно, кроме того, и географически чрезвычайно распространено. Только в южных малороссийских губерниях его нет; в других же местах мелкая (рассеянная) сапоговаляльная промышленность занимает первое место, приобретая среди промыслов по обработке шерсти в некоторых районах исключительную роль в экономике крестьянского населения.

На фоне такого всеобщего распространения мелкой сапоговаляльной промышленности выделяется группа центральных губерний, в которых сосредоточены важнейшие районы сапоговаляльного и войлочного производства: Семеновско-Балахнинский и Арзамасский, (Нижегородской губ.), Кинешемско-Юрьевецкий (а также Макарьевский), (Иваново-Вознес.), Ярославский район (той же губернии), Калязинский район, Тверской и отчасти некоторые уезды (Ковровск., Шуйский, Александровский) Владимирской губернии. Все эти районы, объединенные центральным своим положением и общностью эволюции, являясь наиболее старыми центрами расселения промысла, следует считать важнейшими в России.

Вторым важным центром следует признать северо-восточный (Казанско-Вятский) район, в состав которого следует включить Мамадышский и Казанский уезды, Казанской губ. (Татарской Республики) и Малмыжский, Яранский, Нолинский уезды, а отчасти и Вятский той же губернии.

На изучении этих районов нам необходимо остановиться подробнее.

В состав Семеновско-Балахнинского района входят южная и западная часть Семеновского уезда и восточная часть Балахнинского.²⁾

¹⁾ Следует иметь в виду, что данные по Тамбовской губ. являются несколько дефектными, и что в число суконщиков вошли несомненно домашние ткачи для собственных нужд.

²⁾ Дроздовская, Юрасовская, Кантауровская, Зиняково-Смольковская, Борская, Рожновская, Владимирская, Хохломская, Чистопольская (Семеновского уезда), Кирюшинская, Смольковская, Николо-Погостинская и Б.-Песочинская (Балахнинского уезда) волости (М. А. Плотников. Куст. пром. Нижегород. губ. 1894 г.).

Подавляющее число промышленников этого района сосредоточено в Семеновском уезде (4782 раб.). В волостях Балахнинского уезда насчитывается около 600 человек. Этот подсчет, как относящийся к 80-м годам, конечно, расходится с действительностью, но для общего представления о географической концентрации производства является вполне исчерпывающим.

В Семеновском уезде по распространенности промысла особенно выделяются Дроздовская (21,3%) Юрасовская и Кандауровская волости, в которых сосредоточено около $\frac{2}{3}$ (58,3%) всех промышленников уезда.

В Семеновско-Балахнинском районе выделяется как обувь так и стелька при чем на долю стелечников, сосредоточенных, главным образом, в Хохломской волости, падает 12,3% дворов с 9,9% промышленников по Семеновскому уезду¹⁾.

За Семеновско-Балахнинским районом следует Арзамасский, который, в свою очередь, делится на два подрайона: первый в зап. части уезда, в котором промысел сконцентрирован, а второй в восточной части, где он, наоборот, существовал в рассеянном виде²⁾.

Центром западного подрайона являлось Красное Село, в котором сосредоточено 65,8% всех промышленников Арзамасского района; важными являются, кроме того, селения Васильев-Враг и Хохлово, в которых валяльщиков находится более одной пятой (20,5%) района, а также гор. Арзамас, село Кичанзино, (Кичанзинской вол.) и Выездная-Слобода. В этих двух последних селениях промысел существует только в фабрично-заводском виде³⁾. Все заведения в селениях Новоусадской волости (Хохлово, Должниково, Шатовка, Ямиши) принадлежали к кошечным⁴⁾. В Красносельской же волости, наоборот, выделяются, главным образом сапоги. Так, из 680 красносельских рабочих 580 чел. или 85,3% занимаются изготовлением сапог, 60 или 8,8% — стелек, остальные 5,9% — шляп. Таким образом, в одном из важнейших центров западно-арзамасского района главным предметом производства были сапоги, войлочное же производство, давшее название Арзамасскому району, сосредоточено в селениях Новоусадской вол., самом гор. Арзамасе и в селе Богородском соседнего Горбатовского уезда. Войлочное производство развито также в д. Неверово, Балахнинского уезда.

Связующим между Семеновско-Балахнинским и Арзамасским районами является Горбатовский уезд. В последнем центром производства является Панинская волость, в которой сосредоточено 466 или 62,3% промышленников уезда. Относительно много их в Елизаровской волости (80 ч.), Богородской (50 ч.) и Сосновской (33 ч.), в остальных же волостях Горбатовского уезда промышленники насчитываются единицами.

От районов Нижегородской губ. перейдем к соседнему Кинешемско-Юрьевоцкому (8144 валяльщ.). Этот район образуется из волостей: Воскресенской, Махловской, в которой промысел носит отчасти отхожий характер, Подмонастырной (Юрьев. у.), Никитинской и Шевалдовской

¹⁾ Мат. к оценке зем. Ниж. губ. Вып. XI, стр. 211. В 1914 г. здесь насчитывалось 9745 валяльщ.

²⁾ В западный подрайон входят Красное Село, Васильев-Враг (Красносельской вол.), Хохлово, Должниково, Шатовка, Ямищи (Новоусадской вол.); в восточный подрайон — с. Болтино (Ивашк. вол.) д. Поляна (Полянск. вол.), с. Смирново (Смирновск. вол.) и с. Покровское (Ябл. вол.), (Труды Куст. Комиссии. Вып. V. ст. А. Карпова). В 1914 г. в Арзамасском районе числилось 1295 валяльщ. (Нижегор. Ежег.).

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

(Кинешемского у.), в которых сконцентрировано 88,3⁰/₀ всех промышленных единиц, с 95,9⁰/₀ всех промышленников района. В Кинешемском уезде промысел более рассеян, захватив большее число селений, чем в Юрьевецком. Крупно-заводская промышленность была сосредоточена, главным образом, в Кинешемском уезде. Так, из 26 заводов, зарегистрированных в 1912 г. в обоих уездах, в нем числилось 24. Как раз в Кинешемском же уезде мы встречаем большое число хозяйств (610 с 1938 пром.), занимающихся исключительно стиркой готовых „колпаков“, что подтверждает сказанное о географии крупно-заводской промышленности. В стоящем вне Кинешемско-Юрьевецкого района, но приобретающем с каждым годом все большее и большее значение по развитию промысла Макарьевском уезде (1198 вал.) выделяются следующие волости: Загорецкая (340 или 28,3⁰/₀ промышл.), Морковицкая (250 или 20,9⁰/₀), Бортновская (197 или 16,4⁰/₀) и, наконец, Нижне-Нейская (159 или 13,3⁰/₅).

Рядом с Кинешемско-Юрьевецким расположился старейший Ярославский район (2035 вал.), в состав которого входят Ярославский, Даниловский, Рыбинский и Романовский уезды. Особенного распространения промысел достиг в Сереновской волости Ярославского уезда, занимающего первое место по развитию промысла в ряду других уездов района. В Сереновской волости занимаются производством 39 селений (27,6⁰/₀), в которых находится 248 пром. единиц (46,5⁰/₀) с 616 кустарями (43,0⁰/₀). Кроме Сереновской волости следует отметить Диево-Городищенскую, Путятинскую и Красносельскую. В этих четырех волостях промысел распространен по огромному числу селений (81 сел. или 55,5⁰/₀), образуя нечто вроде сплошного района, в котором сосредоточено 419 пром. предприятий (78,6⁰/₀) с 1124-мя катаями (78,5⁰/₀ общего числа по уезду). Из других волостей этого же уезда отметим Шопшинск. с (сел. Лисицыно). Из волостей других уездов выделяется Богородская Даниловского уезда (44 или 41,0⁰/₀ завод. с 167 или 51,2⁰/₀ пром.), Богородская же (137 или 35,5⁰/₀ пром.) и Григорьевская Романовского уезда ¹). Из селений, в которых развито крупное производство, отметим: в Ярославск. у.—слоб. Яковлевскую. д. Мостец, (Сереновской волости) и п. Гагаринский (Ставот. вол.); в Даниловском—с. Середу, (Середской вол.), в Ростовском—с. Макарово и д. Кладовицы (Приимковской волости); в Романово-Борисоглебском—пуст. Микляйку (Максим. вол.). Много фабрик и в самом Ярославле. Мы считаем необходимым отметить эти места в силу того, что промышленники Ярославского района являются в большинстве случаев лишь детальщиками-стираками, работающими на фабрики, и присутствие поэтому в каком либо месте крупно-заводской промышленности предопределяет собой и скопление кустарей-стираков, если только последние не превращены уже окончательно в наемных фабричных рабочих, каковую тенденцию следует особенно подчеркнуть в этом старейшем районе.

К этому же центральному району должен быть отнесен Калязинский уезд, Тверской губ. и некоторые уезды (Ковровский, Александровский, Шуйский) Владимирской губ. Калязинский и Ковровский

¹) Из отдельных селений с более значительным числом промышленников отметим: в Ярос. уезде—Мостец (67), Ермолово (55), Игнатово (84), Почаево (40), Шабунино (48), Семеновское (25), (Сереновск. вол.) Дымокурцы (34), Гаврилово (31), Ченцы (33), Михальцево (27), (Диево-Городищен. вол.) Богословку (26), Растропово и Клоуново (по 23), (Путят. вол.) Харино (46). (Красносел. вол.) В Даниловском у.—село Коровино, Гаютино-Поч. Михалево, Пономарево и Четилово (Богородск. вол.) В Романовск. у.—Мухино (32), (Григорьевск. вол.), Тимоханову, (Малаховск. вол.) Следует отметить, что подсчет по Яросл. губ. является вообще неполным.

уезды, как и Макарьевский уезд Костромской губ., характеризуются значительным развитием отхожей формы промысла. Калязинский район выбрасывает ежегодно тысячи валяльщиков в Тамбовскую, Орловскую, Воронежскую, Рязанскую, Курскую, Новгородскую, Московскую, Псковскую и др. губернии. Валяльщиков Калязинского уезда также как и Махловской волости Костромск. у. правильнее называть отхоже-оседлыми промышленниками, так как они по возвращении, примерно, к концу декабря (Рождеству) с отхода приступают к работе дома.

Главным местом сосредоточия промысла в Калязинском уезде являются волости Плещеевская, Троице-Нерльская, Расловская, Сущевская, в которых до 50% взрослого мужского населения занималось валянием. Кроме этих четырех волостей следует отметить Степановскую и Зайцевскую, в которых к занятию промыслом привлечено было до 10% взрослого мужского населения.

Крупно-заводское производство в этом районе стало возникать лишь в последние два десятилетия. По данным быв. податного присутствия общее число заводов на 1917 год исчислялось в 126 с 2475 рабочими. Из этого числа только 7 заводов являются, действительно, крупно-капиталистическими предприятиями, оборудованными двигателями, с числом рабочих в них от 50 до 300 рабочих. Остальные заводы являются заводами мелкого типа, с числом рабочих от 5 до 20, оборудованными конными приводами ¹⁾.

В то время, как отхожий промысел в Калязинском уезде раскинулся далеко за пределы губернии, отход из Ковровского уезда направляется, главным образом, во Владимирский и Суздальский уезды и носит, следовательно, узко-местный характер. Промысел развит, главным образом, в северной части Ковровского и отдельных волостях Шуйского, Александровского и Покровского уездов. ²⁾

Вторым экспортирующим районом, выбрасывающим свои изделия на широкий рынок далеко за пределы места производства, является Казанско-Вятский. К нему в более узком смысле слова следует отнести Мамадышский и Казанский у. Казанской губ. (Татреспублики), Малмышский, Нолинский и Яранский, а отчасти и Вятский, уезды— Вятской, в более же широком и остальные уезды Вятской губ.

Первое место в этом районе занимает Мамадышский уезд, выделяющий 244,8 валяльщиков на каждые 1.000 кустарей. В с. Кукмор Мамад. уезда находится крупнейший фабрично-заводской центр валяльщико-промышленности района, на который работает значительное число валяльщиков Старо-Юмьинской и Петропавловской волостей. ³⁾

За Мамадышским уездом идет Казанский, в котором следует особенно подчеркнуть с. Каймары (Каймарской волости), с 60 хозяйствами валяльщиков, также Борисоглебское (той же Каймарск. вол.) и сел. Верхнюю Корсу—30 домохоз. (Карамышской волости). В Казанском же уезде отметим также Алатскую, Кулаевскую, Ковалин-

¹⁾ Рукописный очерк Каляз. Союза производ. кооперативов по изгот. вал. обуви, имевшийся в б. „Кустарсбыте“.

²⁾ Воскресенская (225 чел.), Быковская (156 чел.), Лежневская (134 чел.), Вознесенская (41 чел.), волости Ковровского, Афанасьевская (114 чел.) и Городицкая (74 чел.), Шуйского, Константиновская (42 чел.) и Нушпольская (25 чел.), вол. Александровского и Фуниково-Горскую волость (184 или 95,3%). Покровского уезда.

³⁾ Кроме с. Кукмор выделяется по числу мелких, более или менее самостоятельных, промышленников: д. Большой Кукмор (той же Старо-Юмьинской волости), в которой работает 70 домохозев с 176 рабочими, сел. Байлангар (50 домохоз.), Куркино (42 домохоз.), Балыклы (40 домохоз.), Вершина реки Нурмы (35). В Петропавловской волости выделяется селения Верхняя Шунь (29 домохоз.), Новый Канисар (27 домохоз.) и Старая Уча (21 домохоз.).

скую волости, а в Свяжском уезде Теньковскую волость. Кустари всех этих волостей работали, главным образом, на казанских купцов.

По Вятской губ. сведения весьма устарели и дают возможность установить лишь поволостную географию промышленности. Мы, поэтому, их приводить не будем. Укажем, что крупно-заводская промышленность развита, главным образом, в Сардыбажской, Мириновской и Шудинской волостях Малмыжск. уезда—в знаменитой своей обувью сл. Кукарке (той же волости) и Красно-Горской слободке; Малошвайской волости, Яранского уезда и в Архангельской волости Нолинского у. Принимая во внимание, что крупно-заводская форма является в результате эволюции мелкой и служит в то же время и центром притяжения работающих вне ее кустарей, нужно думать, что в указанных волостях мы имеем значительные скопления кустарей, часть которых потеряла всякую самостоятельность, находясь в полной зависимости от торгово-промышленного капитала.

Кроме этих двух важнейших старых районов мы хотели бы остановить внимание на юго-восточном (Ульяновско-Саратовско-Тамбовском) молодом, так сказать, районе, обещающем по нашему мнению, в будущем широкое развитие валяльной промышленности, имея для этого все необходимые предпосылки, а именно: емкий рабочий рынок с соответствующими техническими навыками, выбрасывающий в Ульяновской губ. огромное число (63³/₀) валяльщиков за пределы губернии, местное сырье, как овечье, так и коровье с местных же кожевенных центров, близость, кроме того, к овцеводным и скотоводческим районам, выбрасывающими огромное количество всевозможных шерстей в верхне-волжские районы их переработки, расположение вдоль важнейшей водной волжской системы, наконец, огромный емкий рынок сбыта в виде заволжских степей и зауралья.

В самой Ульяновской губ. промысел на три четверти отхожий, питающий, главным образом, заволжские степи. Ремесленно кустарная валяльная промышленность раскинулась здесь на довольно обширном пространстве, образуя один сплошной район из Карсунского, Ульяновского и Алатырского уездов ¹⁾ в котором сосредоточено 85⁰/₀ всех валяльщиков (отхожих и местных) по губернии. Географическое и количественное соотношение существующее здесь между местной работой и отходом видно из следующих цифр: (см. таб. стр. 31).

Ульяновский район является, таким образом, районом отхода, переживающим первоначальную стадию эволюции, и оседание промысла должно обеспечить ему видное место в валяльной промышленности страны. ²⁾

Северные и северо-западные уезды Саратовской губ. являются продолжением Ульяновского района. И здесь в Хвалынском уезде

¹⁾ Уренско-Карлинская, Усть-Уренская, Потьминская, Ключевская Карсунского уезда, (в Карсунском уезде развито также производство колодок для валяных сапог), Языковская, Тагаевская, Ново-Никулинская, Верхне-Тимерьянская Ульяновского уезда, Архангельская, Помаевская, Городищенская, Шамкинская, Буинского, Астрадамовская, Гулюшевская Алатырского уезда.

²⁾ Из отдельных селений с большим числом промышленников следует отметить в Карс. у.—с. Уренско-Карлинск. слобода (334), (Уренско-Карлинск. волости), д. Александровку (294), с. Никитино (278), д. Малое Станичное (222), и д. Красную Яклу (145) (Усть-Уренской вол.); с. Кадышево (348) д. Степановку (206) (Белоклюевской вол.), д. Бол.-Кондорать (206) (Потьминск. вол.); в Симбирск. уезде—с. Тенькова (770), с. Базарн. Урень (300), д. Ружевщину (113) (Языковск. вол.), д. Ст. Маклауши (105) (Ново-Никулинск. вол.); в Алатырском уезде—с. Выползово (293 м. и 158 ж.), д. Кобелевку (244) (Астрадамовск. вол.) и с. Урусово (169) (Мищуковской волости).

О П Е Ч А Т К А.

Вместо 33 страницы считать 37-ю страницу и т. д.

ВОЛОСТИ И УЕЗДЫ.	Число местн. промышл.	Число отхож. промышл.	Отхож. в % ко всем промышл.
Усть-Уренская, Карс у.	592	528	47,1
Бело-Ключевская " "	179	535	74,9
Уренско-Карлин. " "	147	404	73,3
Потьминская " "	78	190	70,9
Языково-Таньковск. Ульяновск. у.	165	1291	81,7
Новоникулинск. " "	24	499	95,4
Верхне-Тимерсянск. " "	10	83	89,2
Тагаевская " "	14	112	89,0
Помаевская, Буинск. у.	94	102	52,0
Архангельская " "	68	113	62,4
Астрадамская, Алат. у.	383	359	48,4
Гүлюшевская " "	15	204	94,0
Мишуковская ¹⁾ " "	10	206	95,4

(в Безобразовской волости) имеется довольно значительное количество валяльчиков, не осевших, однако, еще на месте и продолжающих работать, главным образом, в отходе.

В нашем распоряжении имеются по Саратовск. губ. и Цариц. уезду данные (б. земской) оценки на 1917 г., которая коснулась, конечно, и хозяйств не кустарного типа. Тем не менее эти данные чрезвычайно интересны для выяснения той географической зависимости, которая существует между чисто-кустарными хозяйствами и хозяйствами мелко капиталистического типа. Данные эти даны в нижеследующей таблице: ²⁾ (см. табл. стр. 142).

Между средней стоимостью оценки одного валяльного заведения и плотностью ремесленно-кустарного населения, занятого валяльным промыслом, существует весьма правильная обратная зависимость. Средняя стоимость оценки повышается по мере движения с севера на юг и юго-запад. Исключение составляет Саратовск. уезд, в котором мы имели одновременные развитие мелких и крупных хозяйств, Сер-

¹⁾ Мишуковская вол. не входит в состав отмеченного сплошного района. Отметим же мы ее в виду большого в ней числа отхожих промышленников.

²⁾ Более подробная география хозяйств, подвергшихся оценке, следующая: Кузнецкий уезд—Евлашовская волость (12 зав. или 42,9%), Камышинский уезд—Голый Карамыш (2 зав. или 33,3%), Аткарский—Медведицкая вол. (12 зав. или 24,0%), Вольск. у.—Балтайская вол. (6 зав. или 42,8%) и Донгузская (4 зав. или 28,6%). В Балашовском уезде заведения разбросаны по большому числу волостей, при чем выделяется Турковская (5 или 11,4), Дурникинская (4 или 5,1), Хвалынский у.—Посельская вол. (9 или 16,1) и Адоевщинская (12 или 25,0), Петровск.—Князевская вол. (7 или 20,5%), Саратовский—Вязовск. вол. (5 или 14,2%), Озерская—г. Саратов (по 4 или 10,5%), Сердобский—Бутурлинская вол. (8 или 24,2%).

У Е З Д Ы.	Число завед.	Общая стоим. оценки в тыс. руб.	Средняя стоим. оценки 1 завед в рубл.	Число валяльщиков на 10.000 насел. в 1904—1913 г ¹⁾ .
Камышинский	6	5,0	840,0	2,8
Саратовский	38	22,2	583,9	8,6
Балашовский	44	9,4	213,9	3,9
Аткарский	50	10,2	203,6	4,2
Кузнецкий	28	4,9	173,6	5,2
Вольский	14	2,0	143,4	8,8
Петровский	39	5,9	140,9	9,4
Сердобский	33	4,3	132,2	2,3
Хвалынский	56	6,5	102,7	17,0
Царицынский	3	0,3	85,6	9,9
	311	70,7	227,2	—

добский, в котором мелкая промышленность вообще слабо развита и Царицынский с несколько неполными, а потому и дефектными данными.

Таким образом, в северных частях Ульяновско-Тамбовско-Саратовского района валяльный промысел развит по преимуществу в виде мелких форм. По мере же движения к югу и юго-западу мелко-кустарные формы убывают и вместо них становятся хозяйства более крупного типа, что соответствует, несомненно, строю сельского хозяйства юга со слабым развитием вземземледельческих промыслов.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные по Тамбовской губ. крайне устарели. Более поздние сведения имеются лишь для Липецкого и Усманского уездов. В первом уезде выделяются села Ярлуково (300 ч.) и Крутые Хутора (200 ч.). В Тамбовской губернии развито также войлочное производство, сосредоточенное в с. Рассказове (той же волости) и имеющее, главным образом, крупно-заводскую форму.

Не останавливаясь на замкнутом пределах одного уезда восточном Шадринском районе, связанном получением сырья и сбытом готовых изделий, главным образом, с Сибирью, отметим, что на всем остальном пространстве широкого распространения мелкой валяльной промышленности последняя имеет большею частью рассеянный характер. Встречаемая местами относительная концентрация промышленников не меняет ее общего ремесленного характера с обслуживанием, главным образом, местного населения и только в редких случаях в местах наибольшего скопления валяльщиков встретим широкую работу на рынок или на скупщика.

¹⁾ Е. И. Шлифштейн. Мелкая промышл. Саратов. губ. Саратов. 1923 г.

Из таких местных скоплений укажем на Сычевско-Ельнинский район Смоленской губернии, Рязанско-Касимовский район Рязанской губернии, Городищенский район ¹⁾ Пензенской губернии (Чемодановская волость 1903 или 99,8% всех промышленников), на далеком севере—Кадниковский (Грибцовская волость), Тотемский (Никольская вол.) и Вельский (Семеновская и Дмитриевская вол.) уезды Вологодской губернии:

II.

Для более детального количественного и географического изучения мелкой, валяльной промышленности нам необходимо несколько остановиться на отходе. Уже в первой главе нами было указано на его значение в истории расселения промысла и промышленной колонизации новых окраин. Этим, однако, вопрос не исчерпывается. Отход до самого последнего времени оставался явлением крупного экономического значения, находящимся, несомненно, в связи с общим состоянием рабочего рынка. Ежегодно огромные массы бродячих валяльчиков в поисках работы передвигаются в самых различных направлениях, достигая северных и восточных губерний, вплоть до Сибири, и спускаясь на юге в пределы Астраханской губ. и Донского края. Материалы земско-статистических исследований, к сожалению, не позволяют выяснить это в высшей степени важное в экономике промысла явление, хотя бы, с относительно исчерпывающей полнотой. По поводу отхода мы, большею частью, имеем лишь вскользь брошенные указания и только изредка более детальное изучение. Попробуем хотя бы на основании этих отрывочных данных дать, прежде всего, количественное выражение этому явлению, для чего воспользуемся следующими данными:

Губернии и уезды.	Число промышленников		Тоже в ‰	
	Местных.	Отхожих	Местных.	Отхожих.
Вятский уезд	2327	983	70,3	29,7
Владимирская губ.	1296	582	69,0	31,0
Юрьевецкий уезд ²⁾	2022	1030	66,3	33,7
Вологодская губ. ³⁾	3165	2360	57,3	42,7
Череповецкий уезд	244	313	43,8	56,2
Ульяновск. губ.	2795	4813	36,7	63,3
	11849	10081	54,1	45,9

¹⁾ Кроме цифровых, других данных по Пенз. губ. (за исключением Наровч у.) в нашем распоряжении, к сожалению, нет. Нет сомнения, что значительная часть промышленников Город. у. не осела еще и работает, главным образом, в отходе.

²⁾ Данные позаимствованы из „Краткого Очерка куст. пром. Юрьевец. у. Костр.“ г. при чем число местн. валяльщ. больше таковых согласно „Куст.-рем. пром. Костромск. губ. Вып. IV Юрьев. у.“ 1914 г. на 27 человек.

³⁾ По Усть-Сысольскому у. вошли около 1650 отхожих промышленников соединяющих валяние с портняжеством. Уезды: Кадник., Тотемск., Вельский, Вологодский, Велико-Устюжский и Усть-Сысольский.

Отход, как видно, достигает весьма внушительных размеров. Даже в таком промышленно-валяльном уезде, каким является Юрьеvecкий уезд Костромской губ., он захватывает треть (33,7⁰/₀) всех промышленников. Любопытно при этом отметить, что из 1030 отхожих промышленников, числящихся в Юрьеvecком уезде, 1000 или 97,1⁰/₀ их падает на одну только Махловскую волость, центр валяльного производства в Юрьеvecком уезде. Если поэтому исчислить ⁰/₀ отхода по одной только Махловской волости ¹), то он повышается даже до 47⁰/₀.

Так же значителен отход и во Владимирской губ. В наиболее промышленно-валяльном Ковровском уезде отхожие промышленники составляют 41,0⁰/₀. Отход еще более повышается по обе стороны от центрально-промышленных губерний: на севере, достигая в Череповецком уезде 56,2⁰/₀ и на юго-востоке в Ульяновской губ. 63,3⁰/₀. Все это указывает на существование в валяльном промысле огромного избытка рабочих рук, не находящих на месте применения своему труду. Возникает вопрос, в какой связи находится отход валяльщиков с общеэкономическими условиями мест отхода. Сопоставление некоторых данных по Костромской, Владимирской и Ульяновской губ. дает следующее:

Губернии и уезды.	⁰ / ₀ отхожих промышл.	Рабочих, занятых в крупной про- мышленности на 100 жит. в 1908 г. (по Варзару).	Зараб. плата в сельск. хозяйстве частн. влад. на хоз. харч. в 1910 г. срочному работнику в зимнее время в 1 м-ц в рублях.
Владимирская губ. (Ков- ровск. уезд)	41,0 ⁰ / ₀	10,0	7,26
Ив.-Вознесен. губ. (Юрье- vecк. уезд)	33,7 ⁰ / ₀	5,0	5,37
Ульяновская губ.	63,0 ⁰ / ₀	0,8	5,63

Наиболее промышленные Владимирская и Ив.-Вознесенская губ. дают меньший отход в сравнении с малопромышленной Ульяновской. Но в то же время более высокая заработная плата в сельских хозяйствах частных владельцев работнику в зимнее время—а отход падает, главным образом, на осенне-зимние месяцы—не влияет уменьшающим образом на отход из Владимирской, наиболее промышленной губернии, а является скорее, быть может, его следствием ²). Кроме моментов чисто экономических, не без влияния на размер и направление отхода оказывают также причины иного характера, обусловленные неорганизованностью отхода, вследствие чего одни и те же губернии являются одновременно губерниями и отхода и прихода.

К сожалению, сведения об отходе, как уже нами указывалось, являются крайне неполными. Сведения о его направлении имеются лишь по Владимирской и Ульяновской губерниям:

Число показаний в ⁰/₀ о том, что валяльщики приходят во Владимирскую губ. преимущественно из губерний: ³).

¹) Махловский отход, как и Калязинский, характеризуется, как было указано выше тем, что многие промышленники часть рабочего времени проводят в отходе (обыкновенно до Рождества), остальную же часть дома. В тексте нет указаний относятся ли эти промышленники к типу так называемых отхоже-оседлых и входят, стало быть, в общий подсчет или это исключительно отхожие.

²) О повыш. заробот. платы в местах неземл. отхода см. у В. И. Ленина *Разв. капит. в России" стр. 457—458.

³) В. П. Башмачников. Состояние овцеводства во Владимирской губ. в 1908—11 г. 1912 г.

Тверской 40,1 Костромской 49,1 Рязанской 4,5 Нижегородской 4,5 Ярославской 1,8

Отход из Ульяновской губ (данные касаются 87⁰/₀ всех отхожих промышленников ¹⁾ рисуется так.

Районы прихода.	Число валяльщик.	Тоже в %.
Самарская губ.	2300	57,0
Оренбургск. „	835	20,7
Саратовская „	522	13,0
Пензенская „	96	2,4
Уфимская „	38	0,9
Астраханск. „	25	0,6
Донск. обл. „	25	0,6
Разн. места	193	4,8
	4034	100,0

Кроме отхода, идущего из Ульяновской губ. и снабжающего валяльщиками весь юго-восток, остальной отход останавливает на себе внимание своей неорганизованностью. Волна валяльщиков, идущая из Ярославской во Владимирскую губ., встречается с волной имеющей обратное направление: из Владимирской в Ярославскую. Промышленники, направляющиеся в поисках хлеба—работы из Нижегородской в Костромскую, встречают на своем пути валяльщиков направляющихся из Костромской в Нижегородскую. При всей неорганизованности и подчас стихийности, с какой огромные массы народа передвигаются в самых различных направлениях, представляется, однако, возможным, в некоторых случаях, установить регулирующее начало:

У Е З Д Ы.	Отход валяльщиков из Владимирской губ. в % к общему отходу по губернии.	Приход валяльщиков во Владимирскую губ. в % к общему приходу по губернии. ²⁾
Владимирский	—	10,2
Вязниковский	0,2	12,0
Александровский	0,3	8,7
Суздальский	0,2	10,4
Шуйский	0,3	—
Меленковский	0,5	4,5
Юрьевский	1,1	11,4
Муромский	2,2	6,0
Гороховецкий	3,7	11,4
Переславский	6,8	8,0
Судогодский	10,1	10,4
Покровский	22,0	5,7
Ковровский	52,6	2,4
	100,0	100,0

¹⁾ Кустарно-ремесл. пром. Симбирской губ. 1916 г.

²⁾ Вычислено на основании данных В. П. Башмачникова.

147315.

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Между отходом и приходом вполне ясно выраженная обратная зависимость. Покровский и Ковровский уезды, дающие наибольший по губернии отход (22,00% и 52,60%) менее всего принимают промышленников из других мест. Владимирский, Вязниковский, Суздальский, Юрьевский, Гороховецкий и отчасти Александровский уезды с наименьшим отходом имеют наибольший по губернии приток рабочих извне. Следовательно, состояние местного рабочего валяльного рынка является здесь тем регулирующим началом, который определяет характер и направление отхода и прихода. Неорганизованность, однако, и здесь проявляется в том, что отход вместо того, чтобы направиться в близ лежащие уезды, принимает формы более далекого отхода, при котором тратится напрасно много труда и времени. В еще большей степени проявляется эта неорганизованность при дальних отходах, достигающих, как мы говорили выше, на юге пределов Астраханской губ. и Донского края, а на северо-востоке пределов Сибири.

По направлению к югу, юго-западу и северо-западу напряженность отхода ослабевает и за пределы линии, ограничивающей Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую и Псковскую губернии, он, повидимому, уже мало проникает. Группируя немногочисленные имеющиеся в нашем распоряжении данные об отходе, мы схематически можем выделить три главных его района: центральный, в котором следует особенно подчеркнуть Нижегородско-Костромской и Калязинский отход, северо-восточный и юго-восточный. Отход из центрального района и в особенности из Нижегородской и Костромской губерний направляется веером во все стороны. Последнее обстоятельство как будто-бы вполне согласуется с тем значением, которое многими приписывается нижегородцам, как первым пионерам в расселении промысла по новым местам. Калязинский отход обслуживает, главным образом, северо-запад, юго-запад и отчасти юг и представляет собой огромный рабочий валяльный рынок, как и юго-восточный Ульяновский отход. Характерной особенностью этого (центрального) района является то, что он не принимает валяльщиков из других мест, а, наоборот, кроме взаимного обмена между губерниями, входящими в его состав, выбрасывает избыток в другие районы. Если принять во внимание, что здесь мы имеем дело с губерниями, являющимися старыми районами валяльного производства, то сказанное станет вполне понятным. Северо-восточный район, имеющий своим центром Вятскую губ., принимает валяльщиков из центрального района и в тоже самое время направляет свой отход в восточные (вплоть до Сибири) и северо-восточные губернии. Юго-восточный район (отхода), базирующийся на Ульяновском отходе, направляет его во весь юго-восток, питая им, главным образом, как это видно из выше приведенных данных, заволжские степи.

Каково же экономическое содержание отхода в различных его местах?

В этом отношении мы должны провести резкую грань между отходом из центральных, северных, северо-восточных и юго-восточных губ.

В то время, как передвижение из центральных губерний представляет собой часть того неземледельческого отхода, который ежегодно из них выбрасывается в разные промышленные и вновь колонизируемые районы, отход из остальных мест свидетельствует еще о том, что валяльный промысел, не осев еще на месте, переживает только первоначальную стадию своего развития.

В наиболее чистом виде такой отход мы встречаем на севере в Усть-Сысольском уезде (Вологодской губ.). Там вообще занятия еще не успели даже дифференцироваться и в лице одного и того же ремесленника одновременно соединяются функции валяльщика и портного. Здесь перед нами одна из любопытнейших страниц развития общественных и хозяйственных форм. Северо-восточный же и юго-восточный отход дает нам, наоборот, картину промысла уже начавшего оседать и, следовательно, переживающего второй этап своей эволюции.

Состояние промысла в Симбирской губ. служит прекрасной к тому иллюстрацией. Вот что пишет исследователь: „Промысел принадлежит к числу развивающихся, захватывая все большие и большие количества рабочих рук . . . “ „промысел растет количественно вместе с ростом населения и ширится территориально, перебираясь из района давнего его распространения в соседние селения“¹⁾.

В Ульяновской губ. разворачиваются перед нами страницы давнего прошлого Ярославской, Костромской и др. губерний первоначального развития промысла, когда все возраставший спрос и выгоды самостоятельной, независимой от капитала, работы привлекают все большие и большие массы крестьян в промыслы, отрывая их тем самым от земледелия.

Правда, в Ульяновской губ. местами уже резко сказывается влияние скупщика. Мы, местами, можем здесь также констатировать выделение первоначальных стадий производства в руки крупного предприятия, но все это несколько не противоречит данной нами выше характеристике Ульяновского отхода. Наоборот, это территориальное расширение промысла, в связи с ростом влияния капитала, и свидетельствует о переходе его из отхожей формы в оседлую, так как, как мы уже указывали в первой главе, оседанием промысла создается возможность вторжения капитала и тем самым привлечения все больших масс населения к занятию им.

Однако, по отношению к Ульяновскому, а в особенности Калязинскому району, славившемуся своими валеными изделиями, как было отмечено выше, еще в XVIII-ом столетии и являющемуся одним из первых районов возникновения и развития сапоговаляльной промышленности, может быть поставлен следующий вопрос: чем же объясняется этот огромный избыток рабочих рук, не находящих себе применения на месте?

По отношению к Калязинскому району, помимо других общеэкономических моментов, обуславливающих вземземледельческий отход из нечерноземных губерний, ответа следует искать в состоянии сырьевого рынка и условиях сбыта готовых изделий. Калязинский район, поставленный, в этом отношении, как это было указано в первой главе, в менее выгодные, по сравнению с другими сапого-валяльными районами, условия, должен был использовать имеющиеся на месте технические навыки в форме отхода, направив его в северные и юго-западные губернии.

Для Ульяновского же района условия возникновения и существования отхода складываются несколько иначе.

Еще в эпоху крепостного права, как раз в районе распространения валяльного промысла, существовали суконные крепостные ма-

¹⁾ Куст-ремесл. пром. в Симбирск. губ. 1916 г., стр. 61 и 66.

нуфактуры, привившие населению технические навыки по обработке шерсти ¹⁾.

С отменой крепостного права мануфактуры эти распались и население тут же использовало общие во многих отношениях технические навыки, перейдя к сапоговалянию в форме отхода в виду малой емкости местного рынка.

Последующее затем быстрое развитие суконной промышленности, имеющей в Ульяновской губ. очень крупное значение, с своей стороны в течение долгого времени подавляло на месте развитие других видов обработки шерсти, отрывая от них сырье и рабочие руки, а находящиеся по соседству районы, еще менее затронутые промышленной жизнью (Самарская, Оренбургская и др.) в связи с большими запасами сырья (шерсти) и плохим состоянием путей сообщения, затруднявшим доставку сюда готовых изделий, должны были служить притягательными центрами для отхожих валяльщиков. Как мы видели выше, отход из Ульяновской губернии, действительно, питает эти губернии и вообще рядом лежащие многоовечьи, малопромышленные заволжские степи.

Так в общих чертах рисуется в высшей степени интересное в жизни промысла явление, каким является отход, и более рациональное использование этого избыточного на месте труда является одной из важнейших задач, связанных с организацией промысла.

¹⁾ Куст.-рем. пром. Симб. г., стр. 69.

Г Л А В А III.

Р ы н к и с ы р ь я.

Вопросы, связанные с добыванием сырья и сбытом готовых изделий, имеют для мелко-промыслового хозяйства первостепенное значение, определяя собой весь ход и направление промысловой деятельности хозяйствующих лиц.

Если эти вопросы обуславливают собой хозяйственную структуру крупного производства, то тем более огромно их значение в мелком хозяйстве, не располагающем необходимыми оборотными средствами. Степень приближенности мест добывания сырья и сбыта изделий определяют, поэтому, в значительной степени как территориальное пространство, так и самые формы мелкой промышленности.

Выше было указано, что в силу целого ряда социально-экономических и естественно-исторических причин, влиявших в то же время и на условия организации сапоговаляльной промышленности во времени и пространстве, потребительский рынок, особенно на первых порах развития промышленности, был достаточно близок к производительному хозяйству.

Интересным поэтому представляется также выяснить организующее влияние на развитие сапоговаляльной промышленности в прошлом и настоящем рынка сырья, в данном случае овцеводства, доставляющего основное сырье.

Уже в первой главе мы отметили связь развития валяльной промышленности с местным овцеводством для первого периода ее возникновения и распространения. Состояние же овцеводства во второй половине XIX-го столетия, времени небольшого распространения и расцвета сапоговаляльной промышленности, характеризуется так: ¹⁾

Р А Й О Н Ы.	% ^{0/0} овец ко всему скоту, в переводе на крупный.		
	1851 г.	1861 г.	1871 г.
Центрально-промышленная область (Калужская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимирская, Московская)	4,5	5,6	5,3
Новгородское Полесье (Новгородская, Псковская, Ревельская, Ленинградская)	2,3	3,6	4,7
Черноземно-суглинистая область (Вятская и Уфимская).	—	5,5	5,7
Север и Северо-Восток (Олонецкая, Вологодская, Архангельская, Пермская)	5,3	4,4	4,8

¹⁾ Ю. Э. Янсон. Сравнит. стат. России и Зап.-Европ. госуд. Т. II.

До семидесятых годов Центрально-Промышленная область, в которой, как вытекает из изложенного выше, сосредоточены важнейшие районы сапоговаляльного производства, сохраняет по процентному содержанию овец ко всему стаду первенствующее положение, уступая лишь незначительно в самом конце рассматриваемого периода Вятско-Уфимскому краю.

Дополнением к сказанному служат следующие данные, относящиеся к 1880-му году. ¹⁾

Г У Б Е Р Н И И.	Овец на 100 душ муж. пола.
Архангельская, Пермская, Вятская, Костромская	112—148
Калужская, Псковская ²⁾ , Смоленская, Вологодская	76—90
Новгородская, Ярославская, Тверская, Владимирская ³⁾ , Нижегородская, Олонецкая	52—73
Ленинградская, Московская	34—45
В среднем	89

В 16 перечисленных губерниях средняя обеспеченность овцами достигала 89 шт. на 100 душ мужск. населения. Из них только в первых пяти (Костромской, Вятской, Пермской, Архангельской, Вологодской) число овец на 100 душ мужского пола было больше этой средней, в остальных же, в том числе в таких промышленно-валяльных губерниях, как Нижегородская, Ярославская, Тверская отчасти Владимирская, эта обеспеченность овцами была гораздо ниже.

Связь развития валяльного промысла с местным овцеводством Костромской, Вятской и Пермской губерниях вне сомнения.

Вне сомнения эта связь и для таких малоовечьих губерний, в сравнении с первыми, как Ярославская, Тверская и Владимирская, если принять во внимание, что только в них, а также Костромской и южных уездах Вологодской, овцеводство имело в 90-е годы промышленное значение, в то время как в остальных губерниях нечерноземной полосы оно не играло никакой промышленной роли в крестьянском хозяйстве и служило лишь для удовлетворения собственных потребностей хозяйствующей семьи ⁴⁾.

Нижегородская губерния сильным развитием сапоговаляльной промышленности обязана не своему овцеводству, носившему исключительно потребительский характер, но, главным образом, близости

¹⁾ Исследование современного состояния овцеводства в России. Вып. I.

²⁾ Данные 1897 г.

³⁾ Для Юрьевского уезда Владимирской губ. мы приняли данные 1897 г. в виду их большей достоверности.

⁴⁾ Исследование современ. состоян. овцеводства в России. Вып. I, стр. 1—7. Связь промыслов по обработке продуктов овцеводства с состоянием последнего отмечается и в исследов. пром. по Ярослав. губ. „Издревле Романовский уезд славится хорошими шубами. В прежнее время овцеводство здесь процветало и с давних пор уже начинают появляться два промысла: шубников и валенщиков“. Кустарные промыслы Ярославской губ., стр. 329.

Нижегородской ярмарки¹⁾, очень рано получившей, как это было отмечено уже в первой главе, большое значение в снабжении шерстью районов валяльного производства, из которых Семеновско-Балахнинский район уже в 80-е годы работал почти исключительно на привозной шерсти²⁾.

Это значение Нижегородской ярмарки для 80-х годов несколько иллюстрируется следующими данными по обороту ее шерстями²⁾, идущими для нужд валяльного промысла.³⁾

Наименование шерстей.	1879 г.	1880 г.
	тысячи пудов.	
Шерсть русских овец (белая, черная и перегон)	25,0	13,5
„ ордынская	50,0	20,0
„ персидская и армянская	5,0	3,0
„ дагестанская	2,0	3,0
„ к ровья	150,0	—

У нас нет, к сожалению, данных о направлении этих шерстей. Возможно, что они пошли не только в нижегородские районы, но и дальше; однако все же несомненно, что главная масса овечьих шерстей поступила в Семеновско-Балахнинский (Семеновско-Городецкий) сапоговаляльный, а коровьей — в Арзамасский войлочный район.

Слабое же развитие промысла в многоовечьих Архангельской и отчасти Вологодской губерниях можно об'яснить малой плотностью их населения.

При малой плотности населения и редкости самих селений потребности населения в продуктах валяльной промышленности удовлетворялись отхожими промышленниками и ремесленными формами хозяйства. Для возникновения же более сложных экономических отношений в общехозяйственных условиях далекого севера было мало места.

Таким образом, связь промысла в прошлом с местным овцеводством, служившим сырьевым рынком для него, устанавливается для большинства губерний с развитой валяльной промышленностью.

Но даже в многоовечьих губерниях местное овцеводство, как потребительское в местах со слабо развитой валяльной промышленностью, так и промышленное в местах ее большей концентрации, только на первых порах развития промышленности было в состоянии питать ее сырьем. Но по мере все возрастающего спроса, по мере того, как работа на узкий местный рынок сменилась работой на далекие рынки, ввоз сырья стал определяющим моментом в производстве.

Теоретически рассуждая, в виду малой, в общем, разницы в степени транспортабельности сырья — шерсти, целиком превращающегося в продукт производства, и готовых изделий, валяльная промышлен-

¹⁾ Материалы к оценке земель Нижегородской губ. Вып. II. (Экон. часть), стр. 178.

²⁾ Труды кустарной комиссии. Вып. 6, стр. 594.

³⁾ Исслед. соврем. состоян. овец. в России Вып. I, стр. 61—62.

ность могла бы расположиться в любом пункте пути, мыслимо соединяющего сырьевой и потребительский рынки. Но наличие густого населения, издавна привыкшего к занятию промыслом в местах первоначального преимущественного добывания сырья, с одной стороны, и наибольшего потребления готовых изделий, с другой, предопределило подвоз к ним сырья и тем самым географию промышленности в местах первоначального ее оседания, где она уже успела к тому времени достаточно широко развиться.

Это значение для последнего времени ввозного сырья может быть иллюстрировано следующими примерами: в Костромской губ. ежегодный ввоз шерсти превышал вывоз в среднем для 1902—1905 г. г. около 67 тыс. пуд.; ¹⁾ фабрично-заводское производство такого богатого овцами района, как Пермско-Вятский, держится в значительной степени на сырье, ввозимом из Западной Сибири. ²⁾

То же самое положение имеет место и во всех остальных важнейших районах, и факт исключительно подчиненного значения местного сырья для настоящего времени вне всякого сомнения.

Приток привозного сырья был вызван не только ростом рынка на изделия валяльной промышленности. Здесь, несомненно, влияло и параллельно шедшее сокращение крестьянского овцеводства в промышленно-валяльных губерниях.

Ярославская губ. ³⁾

	1861 г.	1871 г.	1882 г.	1902 г.	1912 г.
Овец в тыс.	565	256	226	187	151

Наибольшего сокращения овцеводство достигло в первое десятилетие, непосредственно следовавшее за реформой 61-го года.

Но и в дальнейшем овцеводство продолжало также сокращаться.

И это вполне понятно: реформа 61-го года была лишь первым толчком к тому огромному сдвигу в сторону увеличения производительных сил страны, которым характеризуется пореформенная эпоха.

Сдвиг этот, продолжающийся в связи с ростом и индустриализацией населения и по настоящее время, повлек за собою ломку экстенсивных форм сельского хозяйства, вызвавшую кризис экстенсивного овцеводства.

Необходимо, поэтому, отметить факт чрезвычайной важности: несмотря на сокращение местного сырья, валяльное производство не только не сокращалось, но, наоборот, увеличивалось в своих размерах, что, в связи с все увеличивающейся емкостью потребительского рынка, стало возможным лишь при условии притока сырья со стороны.

Распределительным центром для этого привозного сырья являлась Нижегородская ярмарка. ⁴⁾

Но не для всех сортов шерстей она имела одинаковое значение.

Не играя никакой роли в торговле тонкорунными шерстями и теми грубыми сортами овечьих шерстей, которые идут на выработку шерстяных тканей, Нижегородская ярмарка в то же время являлась важнейшим рынком для шерстей, идущих для нужд валяльного про-

¹⁾ Общее положение шерст. промышленности в Костромск. губ. изд. Куст. отдела Губ. Костр. З-ва.

²⁾ Я. Полферов. Совр. сост. ов-ва, стр. 11.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Все данные о ярмарке и о торговле на ней шерстями и готовыми изделиями как в этой, так и в следующих главах, почерпнуты нами из „Отчетов о ходе торговли в Нижегород. ярмарке в 1909—17 г. г.“.

изводства и стекавшихся на ярмарку из самых различных мест. Еще более огромно было ее значение в торговле коровьей шерстью, поступающей из Сибири, Камско-Вятского края, северных губерний, Поволжья, Кавказа и целого ряда других мест.

Такое значение Нижегородской ярмарки как рынка сырья для нужд валяльного производства объясняется ее близостью к важнейшим районам сосредоточения валяльной промышленности, подвозящим сюда готовые изделия, положением ее в центре огромнейшего Волжско-Окско-Камского бассейна, создающего своими многочисленными разветвлениями дешевый и удобный транспортный путь, захватывающий целый ряд овцеводных и других сырьевых районов.

В связи с сказанным необходимо также подчеркнуть одно весьма важное обстоятельство: в деле питания сырьем районов валяльного производства железнодорожный транспорт играет, по сравнению с водным, совершенно подчиненную и незначительную роль.

В этом убеждает нас изучение железнодорожных перевозок и сравнение их с водными. Так, в среднем за четырехлетие 1910—1913 г. в Нижний прибыло водным путем 319 тыс. пуд. шерсти, а по жел. дороге лишь 41 тыс., т. е. в 8 раз менее. То же самое подтверждается данными „Отчетов“. Согласно им на территорию ярмарки поступило в 1913 г. 365 тыс. пуд., в 1914 г.—438.4 тыс. пуд., в 1915 г.—314 тыс. пуд., при чем из общего количества овечьей шерсти, поступившей на территорию ярмарки в 1915 году 294 тыс. пуд. или 93,6% поступило водой и лишь 6,4% по жел. дор. В Кинешемский и Ярославский районы мы совершенно не имеем поступления шерсти по железным дорогам, между тем из 67 тыс. пудов, составляющих излишек ввоза над вывозом в Костромск. губ., подавляющая часть (65,9 тыс. пуд.) прибыла водой.

Исключением является удаленные от ярмарки Симбирско-Тамбовский район и Пермский с значительным поступлением шерсти по железной дороге.

Относительно Ульяновско-Тамбовского района (обслуживаемого шерстью из Оренбурга, Ташкента, Чарджуя, а также Омска) следует прежде всего принять во внимание, что здесь валяльное производство развитое, как мы видели выше, преимущественно в отхожей форме, имеет совершенно подчиненное значение по сравнению с суконной промышленностью, нуждающейся к тому в целом ряде случаев в совершенно иных шерстях.

В отношении же Пермского района, питающегося привозным сырьем из З падной Сибири, причина незначительности водных перевозок лежит, как и в отношении Тамбовского района, в удаленности их от ярмарки. Для остальных же районов валяльного производства остается несомненным огромное значение водного транспорта в доставке сырья и, в связи с этим, роль ярмарки, как распределительного центра. ¹⁾

Правда, значительные количества шерсти, как увидим ниже, расходились прямо с мест, минуя ярмарку. Так, следует отметить все уменьшавшееся значение ярмарки для большинства русских рунных шерстей, также слабое поступление осенних шерстей, кроме ордын-

¹⁾ Необходимо подчеркнуть, что наши суждения о значении жел.-дор. транспорта в подвозе шерсти в районы валяльного пр-ва основано на изучении материалов сводной статистики перевозок. Возможно, что при использовании коммерч. отчетов отдельных ж. д., где ценз станции ниже, мы бы обнаружили некоторое, но, несомненно, все же подчиненное водному значение жел.-дор. транспорта.

ской, для которых ярмарка приходится не ко времени. Но этим ее значение тем не менее не уменьшается. ¹⁾

Главные массы овечьих шерстей, поступивших в среднем за 1913—14 г. на ярмарку в количестве 402,2 тыс. пуд. и, следовательно, в районы валяльного производства, поставляли: Западная и Восточная Сибирь—25,3%, Среднее и Нижнее Поволжье—19,7%, Кавказ—13,3%, Средне-Азиатские владения—10,4%, Киргизский край—9,4%, Вятско-Пермский—9,1% и Верхнее Поволжье—6,4%. Перечисленные местности, дали, таким образом, 93,7% всего привоза шерсти на ярмарку, на остальные районы падает лишь в 6,3%. Из отдельных губерний следует отметить Тобольскую, давшую 14,6% всего привоза на ярмарку, Вятскую—6,2%, Астраханскую—7,1%, Терскую и Дагестанскую области по—5,7%, Томскую—5,4%, Нижегородскую—4,3% и, наконец, Саратовскую—4,2%.

Вывезено с ярмарки овечьей шерсти в 1913—14 г. г. 420,0 тыс. пуд. Важнейшие районы производства получили:

	Костромск. губ.	Нижего- родск губ.	Ульянов. стая.	Татреспубл (Казанская губ.).	Ярославск. губ.
В тыс. пудах	72,5	43,4	38,5	34,9	30,5
В % к общему вывозу с яр- марки.	17,3	10,3	9,2	8,3	7,3

Производство этих пяти губерний поглотило, таким образом, около ²/₃ (52,6%) всего вывоза овечьей шерсти. Из других ввозящих районов следует отметить: Вятскую—4,6% (19,2 тыс. пуд.) Новый Порт Ленинградской губернии, отправляющий ее за границу, Прибалт. Край и Северо-Зап. губ. (Гродненская). Тверская губ., как дальше отстоящая от Нижнего и меньше потребляющая, в связи с отхожей формой промысла, получает всего 1,7%. Вятская губ. дает 6,2% привоза на ярмарку и 4,6% вывоза с нее, обменивая, так сказать, свои шерсти—вятский флок, веснину, поярок,—на другие сорта. Нижегородская губ. дает 4,3% (14,7 тыс. пуд.) привоза и 10,3% (43,4 тыс. пуд.) вывоза. Она участвует на ярмарке своим поярком, собираемым в Балахнинском

¹⁾ Для подкрепления этого положения приведем еще следующие данные по грузообороту шерсти некоторых пристаней за навигацию 1917 года.

	Астрахань.	Владими- ровка.	Царицын.	Увек.	Сызрань	Батраки.	Самара.	Ульяновск.
Отправл. в тыс. пудах	299,0	19,8	73,8	0,1	11,9	15,4	237,7	27,6
Прибыло в тыс. пудах	1,9	—	107,5	91,8	38,1	1,5	4,5	83,1

районе, (также в Юрьевецком и Кинешемском уездах Ив.-Вознесенск, губ. и известным под именем Городецкого и Пучежского), хотя он, как очень дорогой, закупается в значительном количестве прямо с мест семеновскими и кукморскими валяльщиками. Главным же образом Нижегород. губ. участвует в ярмарочном привозе простой или зольной коровьей шерсти, ввоз и вывоз которой с ярмарки рисуется данными „Отчетов“ таким образом.

Ввезено в 1913—14 г. в среднем коровьей шерсти 220,8 тыс. пуд. Из этого количества Камско-Вятский край подвозит на ярмарку 30,8^{0/0}, (68,0 тыс. пуд.), в том числе одна Вятская 22,3^{0/0}, Верхнее Поволжье 31,6 (69,6 тыс. пуд.), в том числе Нижегородская губ. 21,6^{0/0}, а Тверская 6,9^{0/0}. Среднее и Нижнее Поволжье 9,5^{0/0} (20,9 тыс. пуд.), в том числе Саратов. губ. 5,5^{0/0}. Вятская и Нижегородская губ., из которых последняя в 1914 г. дала даже 41^{0/0} всего привоза, являются, следовательно, главными поставщиками коровьей шерсти на ярмарку. Вывоз же этой коровьей шерсти с ярмарки на $\frac{2}{3}$ поглощается Нижегородской и Костромской губ. Первая губ. вывозит из Нижнего 35,4^{0/0} (77,3 тыс. пуд.), а вторая 28,0^{0/0} (63,2 тыс. пуд.). Как видно, Нижегородская губ. вывозит на ярмарку из своих кожевенных центров (Богородское, Тубакаевка, Василь, Арзамас) 21,6^{0/0}, а ввозит с ярмарки 35,4^{0/0} коровьей шерсти. В Нижнем, следовательно, идет обмен менее ценных сортов нижегородских коровьих шерстей на более высокие сорта вятской и сибирской. И, действительно, Арзамасский войлочный район закупает на ярмарке вятской коровьей шерсти на грубый год, богородский район, базируя свое производство на отбросах богородского кожевенного дела, лучшие сорта коровьей шерсти (вятской) также закупает на ярмарке.

Громадное количество коровьей шерсти, вывозимой в Костромскую губ., находится в полном соответствии с тем, что Кинешемский валяльный район вырабатывает по преимуществу низкие сорта валепок и, следовательно, со значительной подмесью коровьей шерсти.

Сопоставляя данные о ввозе и вывозе шерстей по „Отчетам“ ярмарки, мы можем все губернии Европ. России и Кавказа разбить на две группы: 1) губернии, в которых вывоз шерсти на ярмарку превышает обратный ввоз с нее—будем их условно называть губерниями с избытком шерсти; 2) губернии, в которых имеет место обратное отношение—губернии, с недостатком шерсти. Группируя далее по тем же данным наиболее важные из этих губерний, принимая при этом во внимание развитие интересующего нас сапоговаляльного промысла, с одной стороны, и состояние овцеводства, с другой, мы получаем следующие четыре группы:

I. Вывоз овец и коровьей шерсти.			II. Ввоз овец и коровьей шерсти.		
(Губернии с избытком как овечьей, так и коровьей шерсти).	В ^{0/0} к общему поступл. на ярмарку.		(Губернии с недостатком как овечьей, так и коровьей шерсти).	В ^{0/0} к общему вывозу с ярмарки.	
	Овец.	Коров.		Овец.	Коров.
Вятская	6,2	22,3	Костромская	18,9	28,0
Пермская	2,9	8,4	Нижегородская	11,3	35,4
Уфимская	0,4	0,4	Ярославская	7,8	9,8
Саратовская	4,2	5,5	Московская	1,5	1,2
Уральская	2,8	0,1	Владимирская	1,3	2,9
Астраханская	7,1	0,5	Тамбовская	1,1	1,5
Воронежская	0,1	0,9	Ульяновская	10,5	2,5
Пензенская	1,1	0,5	Смоленская	0,1	0,6
Кубанская обл.	0,6	1,0	Витебская	0,3	0,7
Терская обл.	5,7	—			

III. Ввоз овечьей и вывоз коровьей шерсти.			IV. Вывоз овечьей и ввоз коровьей шерсти.		
(Губернии с недостатком овечьей и избыт. коровьей шерсти)	В % к вывозу овеч. с ярмарки.	В % к ввозу коров. на ярм.	(Губернии с избытком овечьей и недостатком коров. шерсти).	В % к ввозу овечьей на ярм.	В % к вывозу коров. с ярмарки.
Псковская	0,2	1,0	Самарская	1,0	0,9
Тверская	1,7	6,9	Оренбургская	1,4	1,8
Ленинградская	5,5	2,7			
Новгородская	0,1	0,7			
Вологодская	0,6	1,7			
Татреспублика	9,1	2,4			
Рязанская	1,6	1,4			

Восток и Юго-Восток являются районами с избытком как коровьей, так и овечьей шерсти ¹⁾. Исключение дают Самарская и Оренбургская губ., где имеет место превышение ввоза коровьей шерсти над ее вывозом. Север ввозит овечью и вывозит, наоборот, коровью шерсть. В центре выделяется группа губерний с важнейшими районами сапоговаляльного производства, ввозящими овечью и коровью шерсть. К югу и юго-западу от этого центрального района с недостатком шерстей выделение сплошных районов затрудняется. Обстоятельство это стоит, несомненно, в связи с малым значением ярмарки для южных и юго-западных губерний в виду их удаленности от нее, а отчасти и слабого развития в них сапоговаляльной промышленности.

Полученные районы лишь в общих чертах рисуют состояние сырьевого рынка. Значительная часть сырья проходит, как мы раньше указали, прямо с мест, минуя ярмарку, и, таким образом, ускользает из ярмарочного учета, легшего в основание приведенной группировки губерний.

Однако, некоторые соображения заставляют думать, что районы в общем наметились достаточно близко к действительности. Район с избытком овечьих шерстей является местом наибольшего развития овцеводства; северо-восточный и северный край с избытком коровьей шерсти являются районами сосредоточения кожевенной промышленности, доставляющей эту шерсть. Наконец, в губерниях с ввозом овечьей и коровьей шерсти сосредоточено крупное и мелкое сапоговаляльное производство, базирующееся на ввозном сырье.

Все это дает основание предполагать, что наметившаяся группировка по данным „Отчетов о ходе торговли на Нижегородской ярмарке“ в общих чертах воспроизводит действительное положение вещей.

В ввозе сырья на ярмарку, как было сказано раньше, принимает большое участие Западная и Восточная Сибирь и Средне-Азиатск. край, которые в нашу группировку не вошли.

¹⁾ Во избежание недоразумений надлежит помнить, что избыток следует понимать в смысле превышения вывоза на ярмарку, чем ввоз с нее. Также условно, но только в обратном смысле, говорится о недостатке шерстей.

II.

Овечьи шерсти, употребляемые в валяльном производстве, весьма разнообразны.

Прежде всего различают шерсть местных русских овец и шерсть киргизских, калмыцких овец, или, так называемую, ордынскую шерсть ¹⁾.

Шерсть русских овец более высокого качества и ценится поэтому дороже.

Цены в Ярославле (в руб. за пуд) ²⁾.

	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Местная, осеннего сбора, черная	20,27	18,60	19,00	19,56
Сибирская летняя	19,17	16,10	15,71	17,44
Кавказская „	17,39	14,87	13,50	14,06

Сибирская шерсть дешевле местной ярославской (также вятской), снимаемой с овец, принадлежащих по породе к, так называемой, деревенской или крестьянской овце.

Следствие более высоких цен русской шерсти кустарями употребляется в значительном количестве ордынская, главным покупателем которой являлся Кинишемско-Юрьевецкий район, выделявавший преимущественно низкие сорта обуви.

Различают шерсть также по времени стрижки: „веснину“ или „ключье“, снимаемую перед выпуском на пастбище, „оснину“ или „летнину“, снимаемую осенью, обыкновенно, в августе и, наконец, „зимнину“, получаемую в ноябре, декабре, иногда в феврале.

Весенние рунные овечьи шерсти по месту происхождения бывают: 1) Вятский клок, 2) Камская веснина (клок), 3) Сибирская веснина, 4) Кавказская рунная шерсть и 5) Персидская шерсть.

Приблизительные размеры выхода и привоза этих шерстей на ярмарку характеризуются следующими данными:

Годы.	Выход в тыс. пуд.	Привоз на ярмарку в тыс. пудах.				
	Вятский клок.	Вятский клок.	Камская веснина.	Сибирская веснина.	Кавказская рун. шерсть	Персидская шерсть.
1914	12	8	5	40—50	3—4	10
1915	10—12	—	4	25	33—35	12
1916	—	5—6	2	8	35—40	20

Вятский клок поступает, главным образом, на ярмарку. Камский, наоборот, бывает в Нижнем лишь случайными партиями, направляясь непосредственно в места производства. Шерсти эти, как более дорогие, закупались преимущественно в Семеновский, Кукморский (Татреспублики) и Ярославский районы (Камский клок). Для Сибирской веснины, поступающей с самых различных мест Сибири (от Урала до Забайкальского края), а также для обычно относимой к ней шерсти, идущей из Камышловского (Екатеринбургской губ.) и Шадринского уездов (Пермской губ.), Нижегородская ярмарка служит главным рас-

¹⁾ Вообще шерсть курдючных овец, известных под разными наименованиями. Разводятся они на юго-востоке, в Сибири, Ср.-Аз. крае, на Кавказе и др. местах.

²⁾ Свод товарных цен.

пределителем. Сибирская веснина закупается, главным образом, в Кинешемский и Ярославский районы. Значение отдельных мест, из которых она поступает, рисуется данными 1914 года так:

Сорта.	Высокие сорта.			Средние сорта.			Низкие сорта.	
	Тюкалинская.	Камышловская.	Минусинская.	Шадринская.	Курганская.	Барнаульская.	Миасская.	Семипалатинская.
Количество.								
В тыс. пуд.	5—6	0,8-1,0	2	1,0	1,5	6,7	1	8—10

Кавказская рунная шерсть обслуживает все районы валяльного производства. Кинешемские валяльщики закупали, главным образом, дагестанский и трухменский товар, семеновские—более дорогую карачайскую и отчасти дагестанскую шерсть.

Персидская шерсть идет как на обувь (мезандеранская), так и на сукна (хоросанская). Ярмарка имеет значение лишь для мезандеранской шерсти, идущей в Кинешемский и Калязинский районы. Здесь в общем повторяется то, что, как увидим ниже, имеет место в отношении и других шерстей: более высокие сорта направляются в Семеновский и Кукморский районы, более дешевые—в Кинешемско-Юрьевоцкий, Ярославский же район занимает как бы середину.

Шерсть, снимаемая весной с молодняка, является наиболее тонкой, нежной и дорогой шерстью, называемой поярком. Лучшим как это видно из цен считается городецкий и пучежский поярок, за ним идет вятский, сибирский и другие.

Сорта.	Цены на поярок в руб. за пуд на ярмарке.			
	1914 г.	1915 г.	1917 г.	1917 г.
Городецкий и Пучежский.	28	31	51—54	130—160
Вятский бел. и черн.	26—27	27—27,5	42—44	На месте до ярмарки 70—80
„ серый	23—24	25	40	
Сибирский	17—17,5	16—20	30—32	На ярм. 75—110 67

Приблизительный размер и привоз на ярмарку поярковых шерстей видны из следующих данных:

Годы.	Выход в тыс. пуд.		Привоз на ярмарку в тыс. пуд.		
	Городецкий и Пучежский.	Вятский.	Городецкий и Пучежский.	Вятский.	Сибирский.
1914	—	20	2—4	5	15—20
1915	10	21	—	7	6,7
1916	9—11	16	2,5—3	10	3,5

Шерсть, известная под именем Городецкого и Пучежского поярка, собирается на пространстве, охватывающем Городецкий уезд (Нижегородской губ.), Юрьеvecкий, Кинешемский, Иваново-Вознесенский, Костромской, Галичский, отчасти Макарьевский уезды (Костромской губ.) и некоторые места Вятской. Вятский пояроч собирается в целом ряде уездов Вятской губ. и Вотской области. (Яранский, Нолинский, Котельниковский, Глазовский, Малмыжский, Уржумский уезды). Значение отдельных мест Вятского Края в доставке поярка иллюстрируется следующими данными:

Годы. \ Сорта.	Нолинский.	Яранский.	Глазовский	Малмыжск.	Котельниковский.	Уржумский	Всего.
1915 (тыс. пуд.)	5	6	3	3	2	2	21
1916 " "	3,5	5	2,5	2	1,5	1	16
1917 " "	2	2,5	1,5	1	<1	—	8

Сибирский пояроч, занимающий по качеству третье место после Городецкого и Вятского, поступает из тех же мест Сибири, из которых идет веснина и также, как и последняя, различается по качеству своему в зависимости от мест происхождения. Кроме этих пояроч на ярмарке фигурирует камский (из Сарапула), а также в очень небольшом количестве из других мест (Самара, Казань).

Поярочовая шерсть наиболее трудно поддается сваливанию, но изделия выходят красивыми и прочными и употребляется на высокие сорта валяных изделий. Из поярочов один только сибирский почти целиком поступает на ярмарку, откуда направляется, по преимуществу, в Семеновский, Ярославский, также Кукморский и Казанский районы. Городецкий, Пучежский и Вятский поярочки закупаются преимущественно на местах, при чем более высокий Городецкий и Пучежский, главным образом, семеновскими валяльщиками, отчасти направляется также в с. Кукмор, вятский же, наоборот, главной своей массой ($\frac{1}{2}$ всего выхода) обычно направляется в Кукморский район и в меньшем количестве ($\frac{1}{4}$ всего выхода)—в Семеновский.

Из осенних овечьих шерстей отметим: монгольскую стрижку и ордынскую осеннюю шерсть (семипалатинское живье), также стуловую ордынскую шерсть (богородская и юринская стрижка), овечью зольную и сибирскую зимнюю.

Монгольскую шерсть осеннего сбора употребляется почти вся местным кошечным производством и на ярмарку поступает в самом незначительном количестве, откуда направляется в Арзамасский (войлочный) и Казанский район, в некоторые годы и в Кинешемский район.

Ордынская шерсть, для которой главным рынком является г. Семипалатинск, поступает на ярмарку до 15 тыс. пуд. (1914 г.) и закупается, главным образом, в Кинешемско-Юрьеvecкий район. Уральская ордынская шерсть, бывающая в Нижнем к концу ярмарки, идет в Семеновский район.

Стуловая ордынская шерсть и овечья зольная, поступают из с. Богородского (Павловского у. Ниж. губ.) и с. Юрина (Васильсурск. уезда), являющиеся крупными центрами производства кожаных рукавиц.

Овечья зольная поступала также и из села Шереметева (Чистоп. у. Татарской республики) где также развита была выделка рукавиц. Шерсти эти направляются в Пестяковский (Владим. губ.) варежный район (белая мытая), также в Арзамас. Кинешму и Казань.

Сибирская зимнина, поступающая преимущественно из Минусинска, Ишима и Камышлова, расходилась с ярмарки во все почти районы сапоговаляльного производства. На ярмарку ее привозилось (в 1914 г.) от 20 до 30 тыс. пуд. В 1915 году привоз упал до 8 тысяч.

Стуловая ордынская и овечья зольная, снимаемые с овчин, называются кислыми шерстями в отличие от пресных, снимаемых с живых овец. Пресные шерсти расцениваются дороже кислых, как это видно из следующих данных по Ярославской губ. ¹⁾

Цена в руб за последние годы за пуд.
Летняя местная черная 14—16
Кислая до 8

Кислая шерсть оказывается в 1½—2 раза дешевле пресной, в виду чего суррогирование пресных шерстей кислыми имеет большое применение в валяльном производстве.

Цены же вообще на шерсть все время обнаруживают повышательную тенденцию: ²⁾

Цена за пуд в рублях:

Сорта.	1904—1906	1907—1909	1910—1912	1913	1914	1915
Русская грязная	6,52	6,40	7,92	8,40	8,30	12,10
Поярок	7,73	8,37	9,73	10,35	10,50	21,00
Ср.-Аз. (перегон)	6,00	7,15	7,38	7,35	7,90	11,20

Эта повышательная тенденция есть результат нескольких причин.

Как одну из них прежде всего следует отметить падение крестьянского овцеводства ³⁾, которое мы раньше констатировали на примере Ярославской губ.

Но одним из важнейших моментов в вздорожании шерсти следует считать, несомненно рост, шерстяной промышленности вообще и валяльной в частности.

В первой главе мы видели, что за восьмилетие (с 1900 по 1908 г.) число рабочих, занятых в крупном (централизованном) валяльном производстве при заведении увеличилось на 24,6%, а работавших на

¹⁾ Промыслы Ярославск. губ.

²⁾ Сборники статистико-эконом. сведен. по сельскому хозяйству России и иностр. государств.

³⁾ Я. Полферов в очерке „Совр. состояние овцевод. в России“ указывает на возрастающее употребление шерсти в самом производящем хозяйстве. Так, потребление и отчуждение шерсти изменилось следующим образом:

	Потреблено на покрыт. собст. нужд.	Продано:
В 1890 году	82%	18%
„ 1913 „	94%	6%

Такое возрастание собственного потребления, несомненно, должно сказаться повышающим образом на цены. Но, насколько потребление шерсти в самом крестьянском хозяйстве действительно возросло, трудно сказать. Возможно, что, в виду сокращения овцеводства, запасов шерсти стало меньше и, при одинаковом с прежними годами абсолют. потреблении, относительное потребление возросло.

стороне на 36,3%. Мелкое (рассеянное) производство все время также развивалось, захватывая все новые и новые кадры раслаивающегося крестьянства.

Рост же шерстяной промышленности вообще рисуется так: 1)

Годы:	1900	1908	1910	1911	1912	1913
Число заведений	916	1010	1122	1210	1205	1210
„ рабочих (в тысячах) . . .	136,7	148,3	156,0	157,3	155,1	166,6

Вздорожание сырья вследствие массовых на него запросов со стороны крупного валяльного—с своей стороны добавим и вообще шерстяного—производства отмечается многими исследователями кустарной промышленности. „С появлением крупных заводов (в Сереновской волости)“, читаем мы в описании катального промысла по Ярославской губ., „шерсть повысилась в цене рублей на пять в пуде“ 2).

Излишне говорить, что этот рост цен на сырье явился также одним из важнейших моментов в поглощении мелкого производства крупным.

Кроме овечьей шерсти для нужд валяльного и, в особенности, войлочного производства идет в огромном количестве и коровья.

Коровья шерсть является отбросом в кожевенном производстве и здесь, следовательно, следует подчеркнуть тесную связь, существующую между валяльной и кожевенной промышленностью, базирующейся во многих местах на отбросах последней.

Выше уже было указано, что для коровьей шерсти Нижегородская ярмарка является крупнейшим рынком. Сюда стекалась шерсть с кожевенных центров различных мест Республики и Привислинского Края.

Лучшей коровьей шерстью, в виду особо тщательной промывки, является вятская, доставляемая вся на ярмарку в количестве от 50 тыс. (в 1914 г.) до 100 тыс. (в 1916 г.) пудов непосредственно самими заводчиками. Лучшие сорта ее шли даже за границу; для нужд же валяльного и войлочного производства Семеновского, Кинешемского и Арзамасского района в огромном количестве идут вторые сорта. За вятской по качеству идет сибирская (из Сибири, Пермской губ., отчасти из Уфы). Коровья шерсть, поступающая из остальных мест Европейской России (Казани, Уфы, Вологды, села Тубанаевки, Богородского у., Нижегородской губ. и губ. лежащих между Окой и Волгой), и известная под именем простой или зольной, более низкого качества. Поступая из различных мест, эти шерсти, в зависимости от способа промывки и климатических условий места происхождения, сильно разнятся между собой: так, уфимские и казанские сорта шерсти ценятся дороже богородской.

Выше мы высказали предположение, что на ярмарке происходил обмен между нижегородской коровьей шерстью более простой и вятской—более высокой.

И, действительно, низкие качества коровьей шерсти, поступавшей из крупнейшего кожевенного центра, каким являлось село Богородское, обусловлено плохой ее мойкой, в виду отсутствия усовершенствованных шерстомоев и речной воды 3). Самой низкой является

1) Народное хозяйство в 1913 г. Изд. М-ва Финансов 1914 г.

2) Кустарн. промыслы Ярославской губ., стр. 344.

3) Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке в 1916 г.

коровья шерсть, поступающая с кожевенных заводов Привислинского Края.

Кроме вятской шерсти, доставляемой, как мы раньше указали, самими заводчиками, остальные шерсти доставлялись также и торговцами, покупавшими их на местах для дальнейшей перепродажи более мелким торговцам и валенщикам. Как заводчиками, так и крупными торговцами шерсть продавалась на ярмарке партионно (из всех 4-х цветов), расценка же по отдельным цветам производилась при дальнейшей перепродаже.

Цены (в рублях) на различные сорта коровьей шерсти за последние пятилетие были:

С О Р Т А.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Вятская: белая . . .	12,5—13	13—13,5	Сам. низ. сорта	35—36	40—53
черная . . .	10—12	10—12	10, 75—11	25	Из вторых рук.
красная . . .	—	—	Сам. выс. сорта	18	60—70
серая . . .	8—9	8—9	13,7	20	—
Сибирская: белая . .	10	Неразобранная.			
черная . . .	9				
красная . . .	7	8—9,5	10,5—18,5	16—18	Бийск 40
серая . . .	8	—	—	—	Петроп. 47
Простая или казан. зольн. . .	—	8,5	10—11	—	—
Богородская	—	—	4—4,5	5,5—7,5	—
" белая . . .	—	—	10—11	18—20	27—35
Тубанаевская.	—	6—6,5 ¹⁾	7—7,5	—	—

Употребление в валяльном производстве низких сортов коровьей шерсти возможно стало вследствие обработки обуви купоросной кислотой, способствующей быстрому сваливанию шерсти. В 1916-м году, поэтому, вследствие отсутствия этого масла богородская шерсть пошла на суконные фабрики ²⁾.

В заключение следует указать, что для нужд кошемого производства употребляется также конская шерсть, крупнейшими поставщиками которой на ярмарку является Пермско - Вятский край и село Тубанаевка. В большом количестве закупается, главным образом, на местах (в Казани, Низовом Поволжье и др. местах).

¹⁾ Из вторых рук.

²⁾ Отчет о ярмарке за 1916 г.

Цены на конскую шерсть за пуд в рублях на ярмарке стояли:

С О Р Т А.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Тубанаевская красная	3—3,5	3,5—4	—	9—10
белая	7—8	9	15—17	20—25
Богородская красная	3—3,25	3,25—3,5	{ 3—3,5 ¹⁾	5—10
белая	—	—		15—26
Вятская красная	—	—	—	11—12
белая	—	—	—	35—37
во всех цветах	—	—	6,65	25

Конская шерсть закупается, главным образом, в Арзамас и в с. Катунки (Нижегор. губ.) на войлок. Значительные количества конской шерсти экспортировались также за границу.

Заканчивая этим характеристику рынков сырья, мы должны отметить, что хозяйственная разруха, как это видно из приведенных данных о ввозе и ценах на сырье, началась в первые же годы войны и сказалась резким понижением ввоза сырья на ярмарку и повышением цен.

¹⁾ Во всех цветах.

²⁾ На месте.

Г Л А В А IV.

Рынки сбыта готовых изделий.

Для изучения рынков сбыта готовых изделий нам необходимо прежде всего обратиться опять-таки к данным Нижегородской ярмарки. Необходимость эта помимо того, что будет сказано ниже, усугубляется еще и тем, что постанционных данных об отправлении и получении войлочных изделий нет.

Имеются лишь данные, и то по отправлению, приуроченные к целым дорогам, чем анализ рынков совершенно исключается. Обращаясь, поэтому, к материалам ярмарки, необходимо подчеркнуть, что о значении последней, как рынка для сбыта готовых изделий, придется в общем повторить то, что было сказано о значении ее, как рынка сырья. Рынок сырья и готовых изделий сплелись здесь в одно целое и трудно было бы сказать, что является причиной и что следствием. Однако, мы должны с большей категоричностью подчеркнуть гораздо меньшую зависимость сбыта готовых изделий от Нижегородской ярмарки, чем мы это сделали по отношению к сырию. Значительно большая часть товара закупается прямо на местах производства, частью на ярмарке по образцам, как, например, в особенности ярославская обувь, которой на ярмарке бывает в очень ограниченном количестве. Поэтому привоз готовых изделий на ярмарку находится в значительной зависимости от торговли ими на местах производства весною в до-ярмарочное время.

Значение Нижегородской ярмарки для различных районов видно из следующих цифр привоза обуви и стелек в среднем за 1909—1913 г.г.

	Тыс. руб. с округлением).	Тоже в %.
Обуви Семеновской	1750,0	50,6
„ Кинешемской.	750,0	21,8
„ Кукморской	200,0	5,8
„ Казанской.	750,0	5,0
„ Ярославской.	125,0	3,6
„ Романовской.	65,0	1,9
„ Нолинской	65,0	1,9
„ Вятской	35,0	0,0
„ Бурочной	40,0	1,1
Стельки Семеновской	200,0	5,8
„ Арзамасской	55 0	1,6
	3.460,0	100,0

Наибольшее количество товаров (56,4% по ценности) привозится из Семеновского района. За ним идет Кинешемский, сбывающий на ярмарке большую часть годовой выработки, а именно все почти производство с января по июнь. За Кинешемским следуют районы

Татреспублики (Казанской губернии). По мере удаления районов от Нижнего, значение ярмарки, как рынка сбыта, падает. Ярославская обувь закупается большей частью в Нижнем по образцам; кукморский и вятский товар и то, главным образом, кукарская и нолинская обувь также поступает на ярмарку в ограниченном количестве, т. к. главным рынком для вятской обуви является город Вятка, Урал, Пермская губерния и Сибирь.

Сопоставление кинешемского привоза с семеновским показывает все огромное значение ярмарки для этого последнего района, тем более, что кинешемский товар продается, главным образом, наличным и в очень ограниченном количестве по записям. Меньше половины привоза Семеновский район никогда не дает; для отдельных годов (в 1909 г.) привоз достигал даже до 80,0%. Если включить в этот подсчет и войлок, то процент привоза на ярмарку из районов Нижегородской губернии еще более повысится. Приобретает, поэтому, особенное значение отмечаемый „Отчетами“ факт постепенного сокращения привоза обуви на ярмарку, идущего, главным образом, за счет Семеновского района, наиболее с ней связанного. При этом здесь любопытно отметить, что ярмарка понемногу теряет свое значение как раз для крупных заводчиков и почти всецело удерживала его еще за мелкими и средними. Мы, таким образом, можем констатировать два параллельно идущих процесса: по мере того, как значение ярмарки, как рынка сырья, отодвигается, особенно для крупных предприятий, за счет непосредственных покупок в местах его добычи, по мере этого и падает значение ярмарки, как рынка сбыта. Для средних и мелких предприятий закупка сырья на ярмарке имеет еще большое значение и для них же и сбыт изделий помимо ярмарки не играет заметной роли.

Данные ярмарки дают некоторую возможность наметить распределение рынков между изделиями различных районов, при чем выясняется чрезвычайно любопытный факт некоторого преобладающего значения изделий отдельных районов на тех или других рынках и вместе с тем факт чрезвычайной, мы бы сказали, гибкости в приспособлении производства к требованиям, предъявляемыми последними.

На севере СССР не зная конкурентов, безраздельно господствует ярославский валеный сапог. В полном соответствии с этим стоит то, что ярославская обувь, как мы это раньше отметили, бывает на ярмарке в очень ограниченном количестве, направляясь непосредственно с мест производства в места потребления — северные губернии; Романовская а отчасти и ярославская обувь преобладает в губерниях, лежащих юго-западнее Москвы: Рязанской, Тульской, Орловской, Калужской и Черниговской, сменяясь в наиболее юго-западных губерниях легкими сортами семеновской обуви. В Среднем Поволжье и в южных губерниях господствующим сапогом является кинешемский, который совершенно отсутствует в северных и северо-восточных губерниях. За последнее время кинешемский сапог, исключительно преобладавший в южных губерниях, встретил конкуренцию со стороны дешевых сортов ярославской обуви. В Средне-Волжских губерниях, кроме преобладающего кинешемского сапога, можно встретить и другую обувь — семеновскую, казанскую и романовскую. Восток (а отчасти Юго-Восток) — область господства семеновской, кукморской, казанской и вятской обуви; здесь мы уже не встретим ни кинешемского, ни ярославского сапога. Таким образом, определенно намечается распределение рынков между различными

валеными изделиями: Север—за ярославской обувью, Северо-Восток—за семеновской и казанской обувью, Поволжье и южные губернии—за кинешемской, Юго-Запад за романовской и ярославской. Юго-Восток—область распространения изделий различных районов.

Конечно, обувь Семеновского района, выпускающего всевозможные сорта от самых дешевых до самых дорогих, можно было встретить в других местах, но факт его преобладания на северо-востоке вне сомнения.

В этом преобладании отдельных сортов обуви в тех или других районах, возможно, действовали чисто случайные причины, быть может даже исторические. Но, несомненно и то, что естественно-климатические условия отдельных местностей сильно влияли на распространение тех или других сортов валеной обуви. Легкая кинешемская обувь, годная лишь для мест с мягким зимним климатом, имеет местом своего распространения южные губернии с мягкой зимой. Суровые зимы севера и северо-востока потребовали более теплой обуви, чем и обусловили распространение лучших изделий Ярославского и Семеновского районов. До какой степени сильно влияние климатических условий видно из того, что некоторые районы выпускают высокие сорта специально для мест с суровым климатом и более легкие сорта для мест с мягким климатом. Тот же Кинешемский район выпускал дорогие поярковые сорта для Сибири, Кукморский район вырабатывал особые легкие сорта для Низового Поволжья, Ярославский район стал за последнее время выпускать легкие сорта для юга, область господства дешевого легкого кинешемского сапога.

Что касается далекой Сибири, то она, помимо обуви своего собственного производства, является потребителем семеновской, кукморской, казанской и, как уже было выше отмечено, специальных для нее сортов кинешемской обуви, а также обуви особняком стоящего Пермского района. Интересы последнего района вообще вне Европейской России. И закупка сырья и сбыт готовых изделий всецело связывает Пермский район с Сибирью. Крестовская ¹⁾ ярмарка имеет для последнего, повидимому, то же значение, что и Нижегородская для Семеновского, Кинешемского и других близко к Волге лежащих районов. В то время, как изделия Верхотурского, Екатеринбургского и др. уездов удовлетворяют, главным образом, местному спросу, изделия Шадринского уезда, являющегося центром производства в Пермском районе, направляются в Сибирь, достигая Хабаровска ²⁾.

В полном соответствии со сказанным о значении ярмарки, как рынка сбыта валеных изделий, находится, несомненно, факт крайней незначительности водного транспорта в переброске продуктов валенной промышленности в районы потребления по сравнению с железно-дорожным, как это видно из следующих данных:

¹⁾ Село Кресты, Шадринского уезда.

²⁾ В Сибири стал в последнее время распространяться пимокатный промысел; в особенности большого развития он достиг в Алтайском округе с центром в г. Барнауле, где вырабатывалось ежегодно до 300,000 пар валенок. Изделия пимокатного (равно овчинно-шубного) промысла удовлетворяют как местному спросу и идут также в Вост. Сибирь вплоть до Благовещенска (Я. Полферов, Совр. состояние овцеводства стр. 32). Это обстоятельство несомненно должно самым решительным образом сказаться сокращением вывоза шерсти из Сибири.

1909 г. 1910 г. 1911 г. 1912 г. 1913 г.

Отправлено мал. скоростью войлока и войлочных изделий по всем ж.-дор. Европ. и Аз. России в тыс. пудах ¹⁾. 1395,0 1391,2 1482,4 1572,0 1544,1

Тоже большой скоростью. — — 39,7 42,9 38,5

Прибыло войлока и войлочных изделий по внутренним водным путям Европ. и Аз. России в тыс. пудах ²⁾ — 217 152 150 170

Кроме валяной обуви следует указать на, так называемую, бурочную, изготовляемую на Кавказе, а в последнее время в значительном количестве и на Кукморских фабриках. Рынком сбыта для этой бурочной обуви (а также материи) являлись: Саратовская, Пермская губ. Тюмень, Зап. Россия и Татарская Республика (Казанск. губ.) ³⁾.

Приведем еще цены разным валенкам. Для этого, опять таки, воспользуемся ярмарочными данными.

Семеновская обувь. 1909 г. 1912 г. 1915 г. ⁴⁾.
Чесан. товар 2-й с. полупоярк. 1.20 к.—1.80 1.15—2.00 к. 3.00 к.

Ярославская обувь.
Сапог 3-го клейма белый . . . 2.40 к. 2.85 к.
" " " черный . . . 2.90 к. 3.00 к.
" " " коричневый 2.40 к. 3.20 к. 4.30 к. ⁵⁾.

Кинешемская обувь.
Сапог серый и черный . . . 1.25 к.—1.50 к. 1.00 к.—1.50 к. Низшие сорта на 30—40% выше цен 1914 г.
" " белый . . . 1.45 к.—1.55 к. 1.00 к.—1.60 к.

Кукморская обувь.
Шляпной выделки 2-й с. 7 в. . 4.85 к. — На 15—20% выше цен 1914 г. ⁶⁾
" " 6 в. . 4.20 к. —

Весьма дешевой и низкой обувью являлась кинешемская. В Се-

¹⁾ Сводная стат. жел.-дор. отправлений.

²⁾ Статистический Сборник М. П. С. Вып. III (Внутренние водные и шоссейные пути).

³⁾ Географическое расположение жел.-дор. линий и районов выработки валеных изделий отчасти подтверждают выводы о географии рынков, полученные на основании ярмарочных данных. Данные ж. д. отправлений, как уже указывалось, не дают грузооборота отдельных станций. Все же есть возможность выяснить те ж. д. линии, по которым в наибольшей степени передвигались интересующие нас грузы, и тем самым и направление грузов, а с другой стороны, степень участия отдельных валяльных районов в снабжении рынка вырабатываемыми ими изделиями. В этом отношении выделяются следующие ж. д. линии:

Название ж.-д. линий.	Отправление в тыс пуд. за 1909—14 г.	В какой местности России линии лежат большей своей частью:
Московско-Казанская . . .	219,2)	Юго-Восток.
Юго-Восточная	37,1)	
Северные	331,7)	Север.
Московско-Нижегородск.	156,6)	Северо-Восток.
Пермская	106,6)	
Октябрьская	77,4)	Запад.
С.-Западная	53,1)	

⁴⁾ Мужской сапог обыкнов. 2-го сорта.

⁵⁾ 1-й сорт длинные.

⁶⁾ Одной из некрупных кукморских фирм черный муж. сапог гладкий 1-й с. продавался по 90 к. за фунт. Считая мужск. сапог в среднем 7 ф., получим 6 р. 30 к. У крупных фирм цены были выше.

меновско-Баланинском районе выделяются всевозможные сорта от самых дешевых до самых дорогих, выделяются обувь почти даже из одной коровьей шерсти, но все таки главным товаром Семеновского района является, так называемая „чесанка“—теплая, тонкая и легкая обувь. Более дорогой являлась „третья“ обувь, но в последнее время спрос на тяжелый тертый сапог сильно падает, а потому производство его значительно сохратилось. Совершенно вышла из употребления и прекратилось с 1909 года в Семеновском районе производство двойной обуви. Ярославская обувь также принадлежит к числу дорогой обуви. Лучшие ее сорта вырабатывались не кустарями, а исключительно на заводах. Как видно из цен, крайне дорогой обувью является и кукморская. За последнее время на кукморских фабриках вырабатывается „кукарская“ обувь и, что следует особенно подчеркнуть, в гораздо большей степени, чем в самой Кукарке (Советской, Советского уезда, Вятской губернии). Кукарская обувь по своей технике совершенно недоступна кустарю. Она тонка, изящна и ее носят в городах.

В связи с военными событиями произошло повышение цен на валенки.

Семеновск. муж.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
сапог об. 1 с.	3.00к.—3.50к.	3.20к.—4.50к.	7.00к.—9.50к.	23.00—25.00к.
„ „ 2 с.	1.75к.—2.25к.	2.00к.—3.00к.	6.00к.—7.00к.	17.00 к.

Особенно резкий скачек цен наблюдается в 16-м и 17-м годах. На повышение цен, помимо общего вздорожания жизни сказалось, несомненно, и требования на обувь со стороны армии ¹⁾. Но, вообще, в виду вздорожания шерсти, цены на обувь все время склонны были к повышению. При этом следует отметить несоответствие между ростом цен на сырье и готовые изделия—обстоятельство, в высшей степени важное для мелких производителей.

Повышение стоимости в % в период 1900—1912 г. ²⁾

Сырья	Изделий
75	62

Цены на сырье растут быстрее цен на готовые изделия. В борьбе мелкого производителя за свое существование ему приходится низводить заработную плату до минимальных пределов. Рост цен на сырье быстрее цен на готовые изделия еще более понижают заработка мелких производителей и делает их еще более беспомощными и неспособными к длительному сопротивлению в борьбе с крупным производством.

II.

Кроме валенок предметами выработки валяльного производства являются стельки и войлок. Выделка стелек, как было указано, сосредоточена главным образом в Хохломск. волости Семеновского и в Красносельской и Абрамовской волостях Арзамасского уезда. В последнем районе выделяется одна только ординарная стелька, в Семеновском же ординарная и двойная, как из коровьей шерсти, так и поярковые И, вообще, в отношении последнего района, следует подчеркнуть, что и в выделке стелек, как и в валеночном производстве, он проявлял значительное разнообразие, выпуская изделия всевозможных цен и сортов. Кроме Семеновского и Арзамасского районов стель-

¹⁾ Главным поставщиком обуви для нужд армии был Кинешемский район.

²⁾ Я. Я. Полферов. Куст. пром. в России 1913 г., стр. 33.

ка выделяется также и в Никитин. волости Кинешемского уезда, но это производство, как и в других местах, удовлетворяет местному спросу, для обширного же рынка главное значение имеет лишь стелька Семеновского и Арзамасского районов. Почти вся годовая выработка Семеновской и Арзамасской стельки поступала в Нижний, при чем, как видно из приведенных выше цифр, Семеновской стельки привозилось почти в четыре раза больше Арзамасской. Последняя направляется с ярмарки, главным образом, в Сибирь, Ульяновскую, Пензенскую, Саратовскую и Владимирскую губ., а также в некоторые другие места Поволжья. Семеновская же направлялась в Северные губ., Поволжье, Сибирь и на Каму. Большим распределительным центром для семеновской стельки является также Москва.

Цены на различные сорта стелек (за сотню в рублях) на ярмарке были следующие:

	1909 г.	1912 г.	1215 г.
Арзамасская стелька.			
Тяжелая № 1	26—30	27—31	Выше
„ № 2	20—23	21—24	цен ярмарки
„ № 3	16—18	17—19	1914 г. на 3 р.
Семеновская стелька.			
Поярковая	25—35	21,75—28	Выше
Коровья, серая, черная . . .	13—19	12—12,75	цен ярмарки
Ординарная	35—40	31,1—34,5	1914 г. на 7—8 ⁰ / ₀ .

Более важным, чем стелечное, является производство войлока, удовлетворяющего самым различным потребностям (хозяйственным, техническим и другим) и служащего, кроме того, также и предметом одежды кочевому населению. Войлок в большем или меньшем количестве вырабатывается во всех почти районах валающего производства ¹⁾. Из Арзамасского района, наиболее крупнейшего в России, войлок направляется в Сибирь, Западный край, юг и в столицы, которые являются важнейшими рынками сбыта для войлока идущего для нужд шорно-седельного производства; из Тамбовского войлочного района—в столицы, разные города Средней и Южной России. Ленинградское войлочное производство обслуживало, повидимому, нужды промышленности в упаковочном войлоке. Несмотря на то, что Нижегородская ярмарка имеет весьма небольшое значение для нижегородских войлочных районов (Арзамас, Богородское, Мурашкино, Катунки), как рынок сбыта, привоз войлока на ярмарку все же весьма значителен. Но на ярмарке преобладает, главным образом, красный строевой войлок; белый же прямо с мест направляется в районы шорно-седельного производства.

Производство войлока для нас представляет интерес еще и потому, что войлок является предметом вывоза и ввоза. О размерах нашего вывоза за границу дают представление следующие цифры:

	Вывоз войлока за границу в среднем составлял ²⁾ .				
	1890—1894 г.	1895-1809 г.	1900-1904 г.	1905-1909 г.	1910-1911 г.
Тыс. пуд.	26,0	13,0	6,0	4,0	6,6
„ руб.	118,6	83,0	53,3	23,4	52,0

¹⁾ Исключительно крупно-заводское войлочное произв. в больших размерах мы находим в Ленинградской, Новгородской, Витебской, на юге—в Тамбовской и отчасти Астраханской губ.

²⁾ Внеш. торговля по Европейской границе. Изд. Департамента Таможен. Сбор. 1890—1909 г.г.

Вывоз обнаруживал все время тенденцию к падению. Ввозим же мы, главным образом, из Германии различные войлоки набивные, обрубленные, отделанные шелком, мишурой в следующих размерах:

	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	В среднем за 5-ти ление.
Тыс. пуд.	10,0	8,0	8,1	9,9	15,9	10,4
„ руб.	225,0	238,0	156,0	164,0	236,0	209,2

На этот ввоз разных сортов отделанного войлока следовало-бы обратить внимание, так как возможно, что к нам возвращался наш же войлок, так или иначе отделанный ¹⁾, не говоря уже об имевшем до войны место вывозе нами грубой шерсти и получении взамен ее готовых войлочных изделий.

¹⁾ По словам одного б. владельца шорно-седельного пр-ва в Саратовской губ. до войны им получался из-за границы особенно высокий сорт войлока (фильц), не вырабатывавшийся в России и шедший на дорогие сорта седел.

ГЛАВА V.

Организация труда

I.

Родоначальником стирака-детальщика, как мы уже указывали, считают отхожего шерстобита. Рост валяльного промысла в связи с его оседанием подготовил почву для вторжения сначала торгового, а затем и промышленного капитала, ознаменовавшего собою разорение мелких производителей и поглощение мелкого производства крупным. При этом создался снова целый кадр отхожих промышленников, укрывающихся от тяжелых ударов капитализации в более счастливые места, менее затронутые этим неумолимым процессом развития промысла. Таким образом, круг эволюции, начавшись с отхожей формы промышленности, ею-же, как бы, и замыкается. Все эти изменения, приведшие мелкую промышленность к довоенному ее состоянию, нашли свое отражение во внутренней ее жизни, преломившись через призму организационных внутривладельческих моментов. И если в области производства эта эволюция промысла привела к разложению производственного процесса и превращению валяльщика в детальщика-стирака, если в области добывания сырья и сбыта готовых изделий произошла полная изоляция мелких производителей от рынков, то, как это и следовало ожидать, не менее глубокие количественные и качественные изменения произошли в самом составе лиц, захваченных этой эволюцией. Менялся состав семейных рабочих, изменялся соответственно состав наемных, различно было значение того и другого вида труда для отдельных эволюционных моментов.

В настоящей главе мы намерены, поэтому, изучить организацию труда в связи со всеми теми изменениями в своей экономической организации, которые претерпела мелкая сапоговаляльная промышленность, для чего прежде всего приводим следующую группировку промышленников по полу (а отчасти и возрасту) ¹⁾ по эволюционно-однородным губерниям ²⁾.

¹⁾ Следует указать, что и в этом отношении земские материалы являются весьма неоднородными. Особенно выделяются в смысле неоднородности в распределении промышленников по возрастам данные по Пермской губ. Группы мужчин и женщин здесь являются увеличенными за счет группы подростков, замыкаемой 14-ти летним возрастом. По некоторым губ. (как, напр., Орловская, Псковская и др.) совершенно нет указаний, в каких возрастных пределах происходило распределение. Все эти указания нам необходимо иметь в виду при наших окончательных выводах.

²⁾ Приводимая эволюционная группировка является, конечно, отчасти условной. В частности укажем на Уфимскую губ., Мензелинский уезд которой должен был бы войти во вторую группу. Но как раз наиболее многочисленная и интересная группа хозяйств (дер. Усаевой) не вошла в разработку и потому мы принуждены были не выделять этот уезд. Точно также часть уездов; Казанской губ. должна была войти в четвертую группу и т. д. Но имевшиеся в нашем распоряжении данные не позволили этого сделать. К тому же и особенной надобности в этом нет, так как здесь мы имеем лишь в виду указать основную тенденцию в изменении состава промышленников параллельно эволюции промысла. Более же подробное изучение последует ниже. По Казанской губ. сведения касаются лишь семейных рабочих.

Название губерний, уездов и районов.	Общее число всех промышлен.	Распределение промышленников в %.		
		м.	ж.	Детей и подрост.
I. Семеновский уезд	4,790	84,3	—	15,7
Ярославский район	2,035	90,9	0,9	8,2
Кинеш.-Юрьевецкий район	8,144	50,6	35,5	15,9
Мамадышский уезд	1,473	74,8	14,1	11,1
	16,442	67,7	17,8	14,5
II. Шадринский уезд	4,355	65,9	29,1	5,0
Казанский уезд	1,073	64,2	18,6	17,2
Горбатовский у. (Павловск. Нижегород. губ.)	748	79,7	8,4	11,9
Макарьевский уезд (Костромск. губ.)	1,198	89,0	3,0	8,0
Вятский уезд ¹⁾	2,360	67,5	11,2	21,3
Ковровский и Шуйский уезды	635	86,6	10,7	2,7
	10,369	71,0	18,3	10,7
III. Владимирская губ. ²⁾	683	89,4	0,6	10,0
Костромская губ. ³⁾	772	86,4	5,7	7,9
Татреспублика (Казанская губ.) ⁴⁾	1,263	88,9	4,1	7,0
Пермская губ. ⁵⁾	745	88,7	9,7	1,6
Уфимская „	551	89,1	3,3	7,6
Рязанская „	1,537	89,4	2,7	7,9
Орловская „	790	95,4	1,4	3,2
Смоленская „	965	88,7	1,9	9,4
Псковская „	337	95,9	1,8	2,3
	10,398	89,7	3,5	5,8
IV. Хвалынский уезд (Саратов. губ.)	321	94,3	—	5,7
Наровчатский уезд	70	98,6	—	1,4
Тульская губ.	306	100,0	—	—
Витебская губ.	26	100,0	—	—
Харьковская „	16	93,8	—	6,2
Олонская „	450	96,7	—	3,3
Вологодская губ. ⁶⁾	3,195	99,7	0,3	—
	4,384	99,0	0,2	0,8
По всем губерниям	41,593	76,4	13,2	10,4

Немногим более трех четвертей всех промышленников составляют мужчины, на долю женщин падает $\frac{1}{8}$ часть, а на долю детей — $\frac{1}{10}$ часть. Наибольший процент детей и подростков мы находим в Вятском уезде (21,3), в Кинешемско-Юрьевецком (15,9%), Семеновском районе (15,7%) и в Казанском и Мамадышском уездах (17,2%, и 11,1%), то-есть как раз в местах с сильно развитой концентрацией промысла и господством зависимых форм промышленного хозяйства.

Процентные отношения, выражающие степень участия мужчин в общем числе промышленников, совершенно правильно падают от

¹⁾ С.-з. полоса. Входит и некоторое число отхожих промышленников.

²⁾ Без Ковр., Алекс., Шуйск. и Судогодск. уездов.

³⁾ Уезды Варнав., Ветлужск., Нерехтск. и Костромск.

⁴⁾ Без Казанского и Мамадышского уездов.

⁵⁾ Верхотурский, Оханский и Кунгурский уезды.

⁶⁾ Уезды: Вологодский, Кадниковский, Вельский, Тотемский и Б.-Устюжский.

последней группы губерний к первой, процентные же отношения женщин и детей, наоборот, растут в обратном направлении, исключая первой группы, где процентное отношение женщин—и, как увидим ниже, вполне согласно с общим процессом развития промышленности, падает. В пределах же отдельных групп процентные отношения дают довольно значительные колебания. Но, как ни велики последние, все же является возможным установить зависимость распределения промышленников по полу (и возрасту) от обще-экономических условий, в которых поставлена промышленность в том или другом районе.

И, действительно, прежде всего следует отметить, что, в местах с господством отхожей формы, женщины и дети совершенно не принимают участия в работах. Насколько различается между собой рабочий состав в местах с господством работы на дому и отхожей формы видно из следующих данных по Вятскому уезду ¹⁾:

Р а й о н ы.	‰ отхож. промышл.	Из 100 валяльщиков		Из 100 валяльщиц	
		В рабочем возрасте.	В полураб. возрасте.	В рабочем возрасте.	В полураб. возрасте.
С.-з. полоса . . .	12,0	77,8	22,2	68,1	31,9
Ю.-в. „ . . .	82,4	93,2	6,8	—	—

Сразу бросается в глаза резкая разница в рабочем составе северо-западн. (оседлой) и юго-восточной (отхожей) полос Вятск. у.: полное отсутствие женского и детского труда в юго-восточной полосе, полурбочий мужской элемент в северо-западной полосе слишком в три раза больше, чем в юго-восточной, труд же взрослых рабочих, наоборот, в последней значительно преобладает. Отход, следовательно, базируется, главным образом, на промышленниках-мужчинах в возрасте от 18 до 59 лет ²⁾.

Сопоставление процентных данных о возрастной группировке промышленников в местах с различным значением отхода дает следующее:

Р а й о н ы.	‰ отхожих промышленников.	Возрастная группировка			
		До 14 л.	14—17 л.	18—60 л.	За 60 л.
Ковровский у. Владим. губ. .	43,7	0,4	4,1	90,8	4,7
Ульяновская губ. ³⁾	63,3	0,3	5,8	92,8	1,1
Ю.-в. полоса Вятск. уезда . .	82,4	0,3	5,7	93,2	0,8

С увеличением отхода уменьшается нерабочий элемент в возрасте выше 60 лет, довольно правильно растет число промышленников рабочего возраста (18—60 л.) относительно слабее меняется чис-

¹⁾ П. И. Решетников. Валяльный промысел в Вятском уезде, стр. 13.

²⁾ Возрастная группировка промышленников в Вятск у. следующая: до 8 л. 8—13 л., 14—17 л., 18—59 л. и более 60 л.

³⁾ По Ульяновской губ. не представляется возможным установить распределение промышленников по возрастам отдельно для оседлых и отхожих. Процентные отношения, поэтому, даются для обеих групп.

ленность подростков (14—17 л.), часть которых принимает уже участие в отходе, и почти без изменения остается численность детей, не принимающих никакого участия в отходе.

С оседанием промысла является возможность привлечения к работе женского и детского труда. Раньше всего, повидимому, привлекается к участию в работах дети и подростки, а затем уже женский труд. При чем применение последнего идет все время относительно слабее труда детей и подростков.

Последнее обстоятельство находит, очевидно, свое объяснение в том, что на женщине лежат различные обязанности по хозяйству и только в свободное от этих занятий время, или в случае крайней экономической необходимости, она может принять участие в работах.

Параллельно с оседанием промысла идет его рост, все более и более увеличивается кадр промышленников и на ряду с женским и детским трудом привлекаются наемные рабочие.

Постепенное нарастание наемного труда по мере увеличения кадра промышленников видно из следующих цифр.

	Орловская.	Уфимская.	Рязанская.
Кустарей на 10.000 населен	3,1	2,4	6,4
Процент наемных рабсчих	6,0	14,1	17,9

В валяльно-промысловых хозяйствах Орловской, Уфимской и Рязанской губерний идет постепенное уменьшение рабочего мужского труда за счет увеличения женского и детского и на ряду с семейным рабочим становится также и наемный.

Однако, семейный труд в рассматриваемую стадию развития везде преобладает над наемным, и в основе хозяйственной деятельности лежит труд членов собственной семьи, как это видно из данных по Уфимской губернии ¹⁾.

Группировка дворов по числу наемных рабочих.	С 1 раб.	С 2 раб.	С 4 раб.	С 5 раб.	С 12 раб.
Число дворов с наемн. рабоч.	23	10	2	3	1
Тоже в проц.	59,0	25,6	5,1	7,7	2,6
В % к общему числу всех промысловых дворов	6,6	2,9	0,6	0,9	0,3

Из 350 хозяйств, подвергшихся обследованию, к наемному труду прибегает только 39 или 11,1%, при чем 59,0% всех нанимающих хозяйств имеет только одного наемного рабочего, 25,5% двух наемных. Следовательно, 84,6% всех нанимающих хозяйств обходится наемным трудом 1—2 человек. Правда, в Уфимск. губ. мы встречаем уже кустарные хозяйства мелко-капиталистического типа, которыми Уфимский район образует переход к губерниям со следующей стадией эволюции. Но в основе хозяйственной деятельности большинства хозяйств рассматриваемых районов все же лежит семейный труд. Самое промышленное хозяйство является при этом мелким и среднее число рабочих на одно хозяйство не превышает двух: так, в Орловской губ. среднее число рабочих на одно хозяйство равно 1,5, в Уфимской—1,6, а Рязанской—1,8.

¹⁾ Куст. пром. Уфимской губ. Изд. 1911 г.

Большой интерес представляет выяснить, насколько различно складываются здесь внутривозрастные моменты (распределение промышленников по полу и возрасту) в двух социально разнородных группах рабочих (семейных и наемных), а также и качественную сторону самых социальных моментов.

Ответ на первый вопрос дают следующие цифровые данные:

Губернии.	Половой состав семейных рабочих в проц.			Половой состав наемных рабочих в проц.		
	м	ж.	Детей и подростк.	м.	ж.	Детей и подростк.
Орловская	95,5	1,4	3,1	95,5	—	4,5
Рязанская	90,0	2,9	7,1	86,5	1,5	12,0
Уфимская	89,9	2,5	7,6	84,6	7,7	7,7

Как в Рязанской, так и в Уфимской губ. мужской труд преобладает в среде семейных рабочих, женский же и детский труд чаще практикуется среди наемных рабочих. Обращаясь отдельно к женскому и детскому труду, за счет которых понижается труд мужчин среди наемных рабочих, необходимо подчеркнуть, что детский труд представлен в большей степени, чем женский как среди своих, так и среди наемных рабочих. Слабое участие женщин в промысле объясняется, как мы уже раньше указывали, значением ее в семье: только крайняя нужда заставляет женщину оторваться от хозяйства и уйти на работу. Что же касается детей, то в эту стадию эволюции промышленности, к которой относятся рассматриваемые губернии, самостоятельное и достаточно крепкое в экономическом отношении сельскохозяйственно-промысловое хозяйство не имеет еще соответствующих стимулов к использованию своего детского труда. Последний применяется вообще еще очень слабо, и, если есть в нем надобность, то обращаются к наемному детскому труду, тем более, что труд этот весьма дешев. Совершенно иное мы увидим на следующих стадиях развития, когда борьба за существование заставляет теснимое со всех сторон хозяйство внести существеннейшие изменения в этот свой трудовой организационный строй.

Данные по Уфимской губ. дают также чрезвычайно интересный материал для выяснения качественной стороны социальных моментов, дают возможность проследить процесс нарастания наемного труда в зависимости от роста труда семейного и превращение трудового хозяйства и хозяйство, базирующееся на наемном труде и носящее, следовательно, в себе черты нарождающейся капитализации ¹⁾.

¹⁾ Куст. пром. Уфимской губ. Отношения последнего столбика в сборнике не даны и вычислены нами.

Группы дворов по числу всех раб. (сем. и наемн.).	Число дв. в проц.	Среднее число сем. на 1 двор.	Среднее число наем. р. на 1 двор.	Среднее число наем. раб. на 1 наем. двор.
С 1 рабочим.	63,7	1,00	—	—
„ 2 „	24,9	1,79	0,21	1,0
„ 3 „	7,4	2,31	0,69	1,6
„ 4 „	1,7	3,17	0,83	1,7
„ 5 „	0,6	4,00	1,00	2,0
„ 6 „	0,4	1,40	4,60	4,6
„ 12 „	0,3	—	12,00	12,0

Наростание наемного труда идет не только параллельно росту труда семейных рабочих, но, что особенно важно подчеркнуть (как это видно из соответствующих данных), по мере роста размеров самого хозяйства, и гораздо интенсивнее. Более крепкие в экономическом отношении и лучше обеспеченные собственным трудом хозяйства, развивая и расширяя производство, более нуждаются и прибегают к наемному труду. Удельный же вес последнего в зависимости от количества рабочих, приходящихся на один двор, характеризуется следующими данными по Уфимск. же губ.

Группа дворов по числу всех рабочих (сем. и наемных).	С 1 раб.	С 2 раб.	С 3 раб.	С 4 раб.	С 5 раб.
На 100 семейн. раб. приходится наемных	—	12	30	26	25

В хозяйствах с двумя рабочими удельный вес наемного труда незначителен; наибольшего выражения он достигает в хозяйствах с тремя рабочими. Во дворах более обеспеченных своей рабочей силой удельный вес наемного труда несколько понижается, достигнув в общем, примерно, одной четвертой части всего труда, применяемого в производстве.

Таким образом, хотя наемный труд и растет здесь, как было раньше указано, более интенсивно по мере роста величины заведений, но наибольшего значения он приобретает в хозяйствах средне-семейных, в дворах же более обеспеченных собственной рабочей силой, т. е. другими словами, в хозяйствах многосемейных, обнаруживает тенденцию к понижению.

Наконец, с известного момента хозяйство достигает такого развития, что значение семейного труда, составляющего, как мы видели, его трудовой базис, падает, наемный труд начинает преобладать и, наконец, становится основой хозяйственной деятельности.

И действительно, в хозяйствах с 6 рабочими семейный труд уже составляет 23,3% от общего количества труда, а в следующей группе хозяйств с 12-ю рабочими, семейный труд совершенно отсутствует, и все производство основано исключительно на наемном труде.

В полном соответствии со значением наемного труда и вообще со всем организационным укладом промысла в Рязанской, Орловской и Уфимской губ., т. е. промысла, осевшего на месте и идущего по пути своего развития привлечением все больших масс населения к занятию ими,—стоит и то, что промышленные хозяйства имеют в этих районах в сущности ремесленный характер.

Работа идет по преимуществу на заказчика и только незначительная часть хозяйств работает на рынок или сдает выработываемые изделия скупщикам ¹⁾ Влияние последних наиболее всего выражено в Уфимской губ. Последнее обстоятельство еще более подтверждает, что промысловые хозяйства некоторых районов Уфимской губ. являются переходными к хозяйствам следующей стадии развития, когда рост промышленников и географическая их концентрация в корне меняет ремесленную структуру, хозяйства вызывая работу не на местный узкий рынок, а на более далекого потребителя, и вместе с тем вносит существеннейшие изменения в экономическое положение промышленника и заставляет его перестраивать трудовую организацию хозяйства сообразно новым требованиям, выдвигаемым указанным процессом.

Эти организационные изменения, врывающиеся в промышленное хозяйство под давлением изменяющихся экономических условий, прежде всего оказываются дальнейшим привлечением женского и детского труда и уменьшением за счет их труда мужчин. Одновременно возрастает значение наемного труда и преобладание женского и детского труда среди семейных рабочих по сравнению с наемными.

Все это находит свое подтверждение в следующих цифровых данных по Костромской губ. ²⁾ (без Кинешемского и Юрьевецкого уездов) и по трем уездам Пермской (Верхотурский, Оханский, Кунгурский ³⁾).

Губернии.	Половой состав (в %) семейных рабочих.			Половой состав (в %) наемных рабочих.			% наемных рабочих.
	М.	Ж.	Дет. и подр.	М.	Ж.	Дет. и подр.	
Костромская . . .	81,0	8,2	10,8	94,1	2,0	3,9	26,6
Пермская	86,7	12,0	1,3	93,4	4,4	2,2	30,5

И, действительно, прежде всего следует отметить значительно большее привлечение женского и детского труда среди семейных рабочих, чем среди наемных. Раньше мы видели как раз обратное, т. е. труд женщин и детей был больше представлен в группе наемных рабочих. Наемный труд приобретает здесь уже большое значение, достигая в Верхотурском уезде даже 47,1%. Развивающееся и укрупняющееся промышленное хозяйство начинает в сильной степени пользоваться наемным трудом, а также в большей степени привлекать семейный женский и детский труд.

¹⁾ См. гл. VI.

²⁾ Данные по Костромской губ. касаются лишь 248 дв. и взяты из „заработной платы кустарей Костромской губ.“ В. Барыкова.

³⁾ Очерк куст. промыслов по соотв. уездам изд. 1915 г.

Это укрупнение хозяйства видно из следующих цифр по Верхотурскому уезду, характеризующих распределение их по числу рабочих на 1 заведение:

	С 1 раб.	С 2—3 раб.	С 4—5 раб.	С 15 раб.
Число хозяйств	15	17	8	4
Тоже в %о	34,1	38,6	18,2	9,1

По Верхотурскому уезду число заведений с 1 рабочим составляет только 34,1%о, по Уфимской же губ.—63,7%о; с 2—3 рабочими 38,6 против 32,3%о; с 4—5 раб. 18,2%о против 2,3%о и, наконец, число заведений с рабочими более пяти 9,1%о по Верхотурскому уезду против 1,7%о по Уфимской губ. Вполне определенно выступает усиленный рост более крупных заведений. Вместе с тем меняется и самый характер предприятий: работа на вольный рынок начинает приобретать большое значение в общей хозяйственной деятельности. Так, по Верхотурскому же уезду уже 31,8%о всех заведений, или треть, работает на вольную продажу из своего, конечно, материала. Остальные заведения (68,2%о) работают на заказчика, при чем самый характер ремесла меняется: оно из наемной формы переходит в продажную (20%о всех ремесленных заведений). Но особенный интерес приобретают хозяйства с работой на вольный рынок, так как укрупнение предприятий идет здесь как раз по группе этих хозяйств.

Число рабочих на 1 заведение.	Число заведений (в %о) работающих		
	На вольную продажу.	На заказчика—потребителя.	
		Материал свой.	Материал заказч.
1	14,3	33,3	45,8
2—3	42,9	50,0	33,3
4—5	2,4	16,7	16,7
больше 5	21,4	-	4,2
		85,7	66,7
			44,2

По мере перехода от группы наемного ремесла к работающим на вольный рынок довольно правильно убывает число мелких предприятий (с 1 рабочим), и, наоборот, растет число более крупных предприятий, при чем в группе наемного ремесла предприятий с числом рабочих больше пяти только 4,2%о, в группе работающих на рынок их уже 21,4%о, т. е. в пять раз больше.

Данные по Верхотурскому уезду рисуют нам как раз момент расцвета промышленного хозяйства, когда оно, привлекая все большее количество лиц к занятию промыслом, переходит от работы на непосредственного потребителя - заказчика к работе на неопределенный, вольный рынок. Рынок этот весьма близок к хозяйству и между производителем и потребителем посредников нет. Самостоятельное хозяйство переживает наиболее счастливый, если можно так сказать, момент своей хозяйственной жизни. Но это счастье продолжается недолго. Рядом с привлечением все больших масс населения к занятию промыслом вырастает грозное последствие этого явления: работа на ближайшего потребителя, в виду значительной концентрации промысла в небольшом сравнительно районе, неизбежно переходит к работе на отдаленный рынок. Промышленное хозяйство изолируется

вначале от рынка сбыта, затем и от рынка сырья и вся хозяйственная деятельность его подпадает под власть торгового капитала. Это обстоятельство вызывает снова глубокие организационные изменения в трудовой структуре хозяйства, меняется снова состав работающих и значение наемного труда.

Для изучения организационных изменений, в связи с отмеченной стадией эволюции, мы воспользуемся данными по Шадринскому уезду Пермской губ.

Своих рабочих в %.			Наемных рабочих в %.		
муж.	жен.	дет. и подр.	муж.	жен.	дет. и подр.
62,6	31,9	5,5	91,4	7,6	1,0

Отмеченное нами выше нарастание женского труда проявляется здесь весьма сильно, в особенности среди семейных рабочих. Точно также и детский труд используется больше в группе семейных рабочих, нежели в группе наемных ¹⁾. Одновременно с особым нарастанием женского семейного труда, являясь, собственно говоря, последствием этого обстоятельства, идет сокращение наемного труда, составляющего здесь лишь 11,4% общего числа рабочих. Тесное изменившимся экономическими условиями промышленное хозяйство в борьбе за свое существование начинает отказываться от наемного труда, достигшего особенных размеров в пору расцвета и экономической его самостоятельности. Вместо наемного труда оно все больше и больше начинает эксплуатировать труд членов своей семьи, и женщине, ранее принимавшей слабое участие в промысле, силой обстоятельств приходится отрываться от домашнего хозяйства и принять все большее и большее участие в работах. В виду того, что техническое разделение труда имеет весьма слабое место в хозяйстве и работа ведется исключительно ручным способом, то для использования слабого детского труда места нет и он в малой степени привлекается к работам.

Данные по Шадринскому уезду, к сожалению, не дают нам возможности выяснить значение и место наемного труда в различных экономических группах. Но мы на дальнейших примерах покажем, что последний уменьшается по мере того, как кустарно-промысловое хозяйство теряет свою самостоятельность. И вполне понятно, поэтому, понижение наемного труда в Шадринском уезде до 11,4% в связи с тем обстоятельством, что 90,9% всех промысловых хозяйств этого уезда сами работают на скупщика, при чем 87,0% из его же материала.

Сопоставляя заведения по числу приходящих на них рабочих, приходим к выводу, что наибольший процент крупных предприятий имеет место в группе хозяйств с наибольшей экономической самостоятельностью; и, наоборот, величина заведений довольно правильно убывает по мере потери этой самостоятельности—явление, отмеченное нами отчасти уже выше и для Верхотурского уезда.

В группе заведений с работой на вольный рынок мелких предприятий с числом рабочих 1—3 только 54,2%, в то время, как в группе работающих на скупщиков их 83,3% и даже 92,1%. Особенно правильно изменяются процентные отношения при переходе от заве-

¹⁾ Значение детского труда здесь, как и вообще по Пермской губ., несколько понижено искусственно в виду указанной нами выше возрастной группировки как по всей Пермской губ., так и в пределах отдельных уездов. Но при сопоставлении между собой групп наемных и семейных рабочих это обстоятельство не имеет существенного значения.

Число рабочих на 1 заведение.	Число заведений в Шадринск. у. в % к общему их числу в каждой группе ²⁾ .				
	На воль- ный рынок.	Заказ.-потреб.		Скупщику.	
		Мат. свой.	Мат. заказ.	Мат. свой.	Мат. скупщ.
С 1 рабочим.	12,5	50,0	73,2	19,0	38,2
„ 2—3 „	41,7 } 54,2	50,0 } 100,0	25,0 } 95,2	63,3 } 82,3	53,9 } 92,1
„ 4—5 „	27,8 } 45,8	—	0,9 } 1,8	12,6 } 17,7	6,7 } 7,9
бол. 5 „	18,0	—	0,9	5,1	1,2

дений с работой на вольный рынок к работающим на скупщиков в крайних группах. Так, мы имеем соответственное возрастание для мелких заведений с 1 рабочим (12,5%, 19,0% и 38,2%) и, наоборот, понижение для заведений более крупных с числом рабочих более трех (27,8%, 12,6% и 6,7%, 18,0%, 5,1% и 1,2%).

Это изменение промыслового хозяйства с зависимыми формами работы, приобретающих здесь большее значение, и укрупнение более самостоятельных видно также из следующих данных по Шадринскому же уезду:

Характер работы.	Число зав. в % к общ. их колич.	Число раб. в % к общ. их колич.	Среднее число раб на 1 завед.
На вольный рынок . .	3,6	7,7	4,6
„ заказчика	5,5	3,7	1,4
„ скупщ.—мат. свой . .	3,9	5,1	2,8
„ „ „ скупщ.	87,5	83,5	2,1

Наиболее самостоятельные хозяйства, работающие на вольный рынок, составляя всего 3,6%, тем не менее концентрируют 7,7% всех рабочих при 4,6 промышленниках на 1 заведение. В это же время, более многочисленные по числу заведений вторая и третья группы дают меньшее число рабочих на одно заведение. Четвертая, наиболее зависимая группа, представленная в рассматриваемую стадию развития работой на скупщика из материала последнего, по величине заведений, не считая хозяйств чисто ремесленного типа, является наиболее низкой. Вторжение в хозяйственную жизнь торгового капитала вызывает, стало быть, уменьшение наемных рабочих, увеличение, вследствие этого, труда семейных за счет, главным образом, женского и отчасти и детского и, как результат всего этого, измельчание промыслового хозяйства.

На подчинении кустаря торговому капиталу процесс эволюции не заканчивается: торговый капитал подготавливает лишь почву для промышленного капитала. На сцену появляется крупно-заводская

²⁾ Очерк куст. пром. по Шадринскому уезду. Изд. 1915 г.

форма промышленности, при чем на первых порах крупное производство организует у себя расческу шерсти и изготовление полуфабриката „колпака“, стирка же и окончательная его отделка отдается кустарям на дом.

Эта новая технико-экономическая организация производства должна, конечно, найти свое отражение в строе промыслового хозяйства, что мы, действительно, можем констатировать на данных, относящихся к Ярославскому и Кинешемско-Юрьевецкому районам с развитой крупной валяльной промышленностью.

Кустарная промышленность Ярославской губ., по словам исследователя промыслов, представляет собою конгломерат всех видов промышленности; мы здесь встретим все переходы от самостоятельных форм к зависимым, представленным наиболее крайней формой—наемной домашней системой крупной промышленности.

К сожалению, данные по Ярославскому району не даны по отдельным признакам по различным экономическим группам. В силу всего этого анализ организационных моментов несколько затрудняется. Тем не менее представляется вполне возможным установить следующие новые черты в трудовом организационном строе хозяйства в связи с этой предпоследней стадией развития, выражающейся в том, что производство разбивается как бы на две части между крупной (централизованной) и мелкой (рассеянной) промышленностью. Прежде всего труд женщин, достигший, как мы видели, догольно значительных размеров, снова падает почти до минимума. В Семеновском районе его совершенно нет, в Ярославском же районе составляет лишь 0,9⁰/₀ общего числа промышленников, причем среди семейных рабочих труд женщин составляет 1,1⁰/₀, среди наемных—0,5⁰/₀. Отсутствие женского труда объясняется тем, что те операции, которые были доступны более слабым женским силам, отошли к крупному производству. Стирка, поглощающая почти весь труд, затрачиваемый в той части производственного процесса, которая осталась в мелком производстве, является работой крайне тяжелой, требует большого физического напряжения и не под силу женщине.

Возрастные группы мужчин для Ярославского района характеризуются следующими цифрами: ¹⁾

Возрастные группы.	Среди семейн. в %.	Среди наемных в %.	Среди семейн. и наемных.
До 14 лет	1,9 ⁰ / ₀	0,3	1,2
14—18 „	8,6 ⁰ / ₀ .	4,4	7,0
Больше 18 „	89,5 ⁰ / ₀	95,3	91,8

Детский труд весьма слабо представлен; он используется для работ по чистке сапога, дети являются здесь помощниками стираку при работе в качестве „бритухи“. Детский труд дешевле женского и нет, конечно, надобности прибегать к последнему при этих операциях. При

¹⁾ Куст. пром. Ярославской губ. стр. 350. Для сопоставления приведем возрастную группировку промышл.-мужчин С.-З. полосы Вятского уезда:

С.-З. полоса Вятского у.	До 14 лет. 5,1 ⁰ / ₀ .	14—18 лет. 14,2 ⁰ / ₀ .	Больше 18 лет. 80,7 ⁰ / ₀ .
--------------------------	---	--	--

этом необходимо подчеркнуть, что детский труд наемных рабочих здесь реже применяется, чем семейный. В хозяйствах же типа Рязанской, Орловской и Уфимской губ. мы имели обратное явление. Более мощные в экономическом отношении хозяйства пользовались больше наемным детским трудом, чем своим.

Если в Семеновско-Балахнинском районе мы совершенно не встречаем женский труд, а в Ярославском его лишь 0,9%, то в Кинешемско-Юрьевецком районе, наоборот, женский труд весьма сильно представлен, достигая 33,5%, т. е. одной трети всех промышленников. Точно также много в Кинешемско-Юрьевецком районе наемных рабочих, составляющих даже 82,3% их общего количества ¹⁾.

Такое значительное участие женщин и наемных рабочих в Кинешемском районе требует своего объяснения.

По Ярославскому району, как мы уже видели раньше, участие женщин совершенно ничтожно. Очевидно, различны также как общеоэкономические условия промысла, так и тип зарегистрированных „кустарных“ хозяйств в Кинешемском районе. Нет сомнения, что данные по Кинешемскому уезду касаются полукапиталистических и капиталистических предприятий, на которых женщины (а также дети) могут быть привлечены к работам по изготовлению колпаков в качестве „катель“ ²⁾. На это указывает и размер „кустарного“ двора, насчитывающего в среднем 13,9 рабочих мужских сил ³⁾, на это указывает и огромный размер наемного труда, доходящего до 82,3%. В общий подсчет по Кинешемскому уезду материалами земских исследований включено 24 валено-кательных завода с числом рабочих в 1032 человека. На один завод в среднем приходится 43 рабочих. Перед нами типичные капиталистические предприятия, чем и объясняется значительное участие женщин и огромное значение наемного труда, констатируемое нами в Кинешемском районе.

Правда и в Ярославском районе встречаемый в большом количестве наемный труд должен быть отнесен не ко всей кустарной массе, а к некоторым ее экономическим группам. К каким именно экономическим группам он должен быть отнесен подробных данных нет, но представляется все же возможным выяснить соотношение между семейным и наемным трудом в местах с различным экономическим положением промышленности и показать, что в районах господства домашней системы крупной промышленности наемного труда нет, ибо здесь сам кустарь является наемным рабочим на стороне.

Соотношение между семейным и наемным трудом по Ярославскому району видно из следующих данных: ⁴⁾.

	Роман. уезд.	Данил. у.	Ярослав. у.	Рыбинск. у.	Семеновск. вол.
Среднее число наемных рабочих на 1 зав. .	2,55	1,76	0,89	0,05	0,56
Среднее число семейных рабочих на 1 зав. .	1,42	1,44	1,79	1,24	1,92

Значение наемного труда, говорит исследователь промыслов по Ярославской губ., падает по мере роста труда семейного. Но, очевидно, не в росте семейного труда следует искать причину уменьшения наемного труда. Мы видели на примере Уфимской губ., что наемный

¹⁾ В. И. Барыков. Зараб. плата кустарей Костромской губ.

²⁾ См. примечание 2-е на стр. 127.

³⁾ В. И. Барыков.

⁴⁾ Куст. пром. Ярославск. губ.

труд может нарастать не только параллельно росту семейного труда, но даже более интенсивно. Стало-быть, действительная причина здесь лежит в том, что экономическое положение мелкой промышленности во всех этих уездах неодинаково, в связи с чем это падение и возрастание того или иного вида труда следует поставить в зависимость от экономических условий, в которых находится промысловое хозяйство в данном районе.

И действительно, сопоставление последних данных с данными, характеризующими распределение всех промысловых хозяйств по числу эксплуатируемых ими (семейных и наемных) рабочих дает следующее:

У Е З Д Ы	На 1 заведение.		Заведений в % ¹⁾ .		
	Семейных рабочих.	Наемных рабочих.	Мелких (1—2 раб.).	Средних (3 раб.).	Крупных (4 и бол. раб.).
Романовский . . .	1,42	2,55	17,8	22,6	59,6
Даниловский . . .	1,44	1,76	35,3	34,1	30,5
Ярославский . . .	1,79	0,89	58,0	20,3	21,7
Рыбинский . . .	1,24	0,05	94,6	4,0	1,4

Между средним числом семейных и наемных рабочих, приходящихся на одно заведение, и величиной последних существует вполне определенная зависимость: для мелких заведений (1—2 раб.) обратная при сопоставлении данных, характеризующих величину заведений (число рабочих), со средним числом наемных рабочих и, наоборот, прямая при сопоставлении их со средним числом семейных рабочих; для крупных заведений (более 4 раб.) зависимость будет как раз наоборот: прямая при сопоставлении со средним числом наемных рабочих и обратная при сопоставлении со средним числом семейных рабочих. Мелкие заведения Ярославск. и Рыбинск. уездов обслуживаются, стало-быть, больше семейным трудом в то время, как более крупные заведения Романовского и Даниловского уездов обслуживаются чаще трудом наемных, при чем величина заведений убывает по мере роста значения семейного труда. Всеми этими данными устанавливается различная экономическая мощь хозяйств всех этих уездов, образующих один район, и является поэтому возможность установить связь различного значения наемного труда со степенью самостоятельности хозяйств в том или другом уезде. И, действительно, процент зависимых и самостоятельных кустарей будет различен для всех этих уездов: ²⁾.

Р а й о н ы .	% хоз., раб. на раздатчика.	% хоз работ. на рынок или заказчика-потребителя.
Даниловский уезд .	23,2	48,8
Романовский „ .	58,1	32,3
Ярославский „ .	68,3	16,1
Сереновская вол. (Яросл. у.)	99,6	—

¹⁾ Там-же.

²⁾ Куст. пром. Ярославской губ.

Как раз в Сереновской волости, где все кустари являются сплошными детальщиками, наемный труд достигает наименьшего выражения, и кустарь этой волости является, в полном смысле слова, наемным рабочим на стороне. Мелкая сапоговаляльная промышленность переживает в Ярославском и Рыбинском уездах кризис, вызвавший, по словам исследователя, ободиночание производства ¹⁾.

Кризис этот есть кризис раздавленного в неравной борьбе мелкого производства. Крупное сапоговаляльное производство, при всех своих особенностях и малом значении в нем машин, определивших победу крупного производства над мелким, в конце-концов обнаруживает тенденцию к стягиванию зависимых домашних кустарей на самые фабрики.

Так, шаг за шагом мелкий производитель терял свою самостоятельность, пока не превратился в фабричного рабочего. И в процессе приспособления ко все менявшимся экономическим условиям, он принужден был вносить все те изменения в трудовую организацию хозяйства, которые и послужили предметом нашего рассмотрения.

II.

Остановим еще несколько наше внимание на выяснении продолжительности рабочего периода и величины заработной платы.

Для земледельческо-промыслового хозяйства эти моменты являются чрезвычайно важными и характерными. „По мере того“, говорит А. А. Рыбников, „как мелкое хозяйство вообще становится все более денежным, доходность каждой из составных частей хозяйства (т. е. земледельческой и промысловой) все более и более начинает обуславливать величину этой части в хозяйственном плане“ ²⁾. Этот хозяйственный план строится под давлением целого ряда причин, в числе которых общеэкономические условия промысла являются важнейшими.

Прежде всего продолжительность рабочего периода находится в зависимости от того удельного веса, который промысел имеет в общей экономике хозяйственной жизни района.

Губернии, уезды и районы.	Средний рабочий период в месяцах на 1 рабочего.
Уфимская	3,72 ³⁾
Ульяновская	4,10
Костромская (кроме Кинеш. и Юрьев. уездов)	4,50
Хвалынский уезд (Саратов. губ.)	4,60 ³⁾
Вятский уезд (Вятской губ.) .	6,00
Кинешемский уезд	6,80
Ярославский район (Ярославск., Роман., Рыбин. и Данилов у.у.)	7,05
Г. Кузнецк (Саратовск. губ.) . .	11,10

¹⁾ Там же стр. 352.

²⁾ „Куст. промышленность и сбыт куст. изделий“ стр. 38.

³⁾ На 1 двор.

Валяльный промысел в Уфимской губ. удовлетворяет нуждам местного спроса, земледельческо-промысловое хозяйство носит ремесленный характер и промыслу уделяется всего 3,72 м-цев в году. По мере перехода к районам с работой на далекий рынок и, вообще, на более отдаленного потребителя, удельный вес промысла возрастает и вместе с тем и удлиняется рабочий период. Так, по Вятскому уезду рабочий период равен 6,00 месяцам, в Кинешемском—6,80, в Ярославском районе поднимается до 7,05, а в чисто промысловом городском хозяйстве промысел поглощает почти весь год.

Таковы те общие соображения, которые получаются при рассмотрении этих средних цифр. Попробуем, однако, несколько более подробно проанализировать причины, влияющие на продолжительность рабочего времени.

О влиянии отхода на продолжительность рабочего периода дают представление следующие данные по Вятскому уезду: ¹⁾.

Р а й о н ы .	На 1 лицо рабочих месяцев.		
	Домашние.	Отхожие.	В с е .
По уезду . .	6,9	3,8	6,0
С.-З. полоса .	7,1	7,0	7,1
Ю-В. „ .	2,8	2,3	2,4

В Северо-Западной полосе, как мы уже знаем, оседлое промышленное население составляет 88,0% общего числа промышленников, в юго-восточной же, наоборот, отхожие промышленники составляют подавляющее большинство, а именно 82,4%. Вполне понятно, поэтому, значительная разница в длине рабочего периода (7,1 и 2,4 раб. м-ца) по этим двум экономическо-различным полосам Вятского уезда. Но, если мы сопоставим среднюю продолжительность рабочего периода домашних и отхожих промышленников в пределах каждой полосы, то значительной разницы не будет. Очевидно, на продолжительность отхода влияет не только самый факт отхода, но и положение мелкой промышленности в местах отхода. Валяльщик северо-западной полосы большую часть года уделяет промыслу, связь его с земледельческим хозяйством, повидимому, значительно подорвана и промысловая слагающая в его бюджете, очевидно, преобладает. Раз это так, раз основным моментом его хозяйственной деятельности является промысел, то во время отхода у него нет особенных стимулов к быстрому возвращению домой. Другое дело промышленник юго-восточной полосы. Для него доходы от промысла являются подсобными, в его бюджете доходы от земледелия доминируют. Он и дома лишь свободное время уделяет промыслу и в отход он пускается только потому, что на месте потребность в валяльщиках насыщена и остаться дома—это значит совершенно не использовать мертвый для сельскохозяйственных работ сезон.

У нас нет данных для характеристики хозяйств юго-восточной и северо-западной полос в земледельческом отношении. Для подтверждения же высказанного нам могут отчасти послужить данные о размещении промысла по временам года:

¹⁾ П. И. Решетников. Взяный промысел в Вятском уезде.

Распределение промыслов. м-цев в % по временам года и категор. промысла.	Домашние.				Отхожие.				В с е.			
	Осень и Зима.	Весна.	Лето.		Осень и Зима.	Весна.	Лето.		Осень и Зима.	Весна.	Лето.	
По уезду	71,7	27,2	1,1		79,5	17,5	2,9		73,2	25,4	1,4	
С.-З. полоса	71,1	27,9	1,0		78,5	27,2	4,3		70,8	27,7	1,5	
Ю.-В. полоса	92,0	6,3	1,7		94,2	4,8	1,0		93,8	5,1	1,1	

В северо-западной оседлой полосе промыслу посвящается более четверти (27,7%) весеннего времени, в юго-восточной отхожей только 1/20-я (5,1%). Между домашними и отхожими промышленниками сев.-зап. полосы в использовании для промысла весеннего времени нет почти разницы (27,9 и 27,2), летнее же время отхожие промышленники используют в большей степени, чем оседлые (4,3% и 1,0%). В юго-восточной полосе работа падает почти исключительно на осенне-зимний период, при чем, как оседлые, так и отхожие промышленники юго-восточной полосы, в отличие от своих братьев северо-западной полосы, используют весенний период в очень слабой степени. Все это свидетельствует о том, что в то время, как связь кустарно-промыслового хозяйства с земледелием в юго-восточной полосе весьма крепка, в северо-западной же она в значительной степени нарушена. Этим несомненно объясняется установленный выше более длинный рабочий период как для отхожих промышленников, так и для оседлых с.-з. полосы, по сравнению с юго-восточной полосой, так и большее использование для промысла весеннего периода в северо-западной полосе.

Удельный вес мелкой промышленности является, таким образом, определяющим моментом продолжительности рабочего периода. Этот удельный вес в значительной степени характеризуется и формой сбыта готовых изделий.

Приведем поэтому данные по Уфимской губ., характеризующие эту связь ¹⁾.

Ф о р м а с б ы т а.	Средний рабочий период в м-цах.
Вольная продажа	7,30
Заказ и продажа	4,87
Заказ	3,53
Работа на скупщиков	2,33

Так же и в Ярославской губ. ²⁾.

¹⁾ Куст. пром. Уфимской губ., изд. 1911 г.

²⁾ Куст. пром. по Ярославск. губ., изд. 1904 г.

Р а й о н ы .	Средняя продол. сезона.	0/0 хозяйств, ра- ботающих круг лый год.	0/0 хозяйств, рабо- тающих на раз- датчиков.
Сереновская вол.	8,67	46,4 ⁰ / ₀	99,6 ⁰ / ₀
Романовский уезд	8,11	12,9 ⁰ / ₀	58,1 ⁰ / ₀
Весь Ярославск. уезд	7,21	27,2 ⁰ / ₀	68,3 ⁰ / ₀
Весь Яросл. район	7,05	20,6 ⁰ / ₀	57,3 ⁰ / ₀
Диево-Городищен. вол. (Яросл. у.)	6,23	16,2 ⁰ / ₀	60,0 ⁰ / ₀
Даниловской уезд	5,68	2,5 ⁰ / ₀	23,2 ⁰ / ₀
Остал. в вол. Яросл. уезда	5,66	7,5 ⁰ / ₀	38,9 ⁰ / ₀

В Уфимской губ. зависимые формы дают более короткий период работы. По Ярославской губ., наоборот, период работы возрастает параллельно увеличению зависимости кустаря. Сереновская волость, где кустарь является наемным рабочим на стороне, дает наибольший процент хозяйств, работающих даже круглый год. Следовательно, нельзя указать одну какую либо форму сбыта с наибольшим рабочим периодом. Обще-экономические условия мелкой сапоговаляльной промышленности в каждом районе определяют собою ту форму сбыта, при которой рабочий период достигает наибольшей продолжительности. В Уфимской губ. далекий внешний рынок имеет очень малое значение; наиболее распространенной формой промышленного хозяйства является работа на заказ и вольная продажа, дающие наиболее продолжительный рабочий период. Наоборот, в Ярославском районе преобладают капиталистические формы промышленности с работой на широкий внешний рынок, и, по мере перехода к ним, увеличивается продолжительность рабочего времени.

Приведем еще данные по Костромской губ. (без Кинеш. и Юрьевец. уездов), характеризующие рабочий период в зависимости от наемного труда и формы сбыта ¹⁾.

Формы сбыта.	Рабочий период в месяцах:	
	Без наемных рабочих.	С наемными рабочими.
На заказ	4,2	4,4
„ „ и продажу	5,6	4,0
„ вольный рынок	4,2	5,3
„ скупщика	5,8	7,0

Почти независимо от формы сбыта применение наемного труда влечет за собою удлинение рабочего периода. Несколько непонятным является его уменьшение в хозяйствах с наемными рабочими, работающими на заказ и продажу. Группа эта со смешанным сбытом является переходной от группы, работающей исключительно на заказ,

¹⁾ В. Барыков. Зараб. плата кустарей Костромск губ., стр. 41.

к группе, работающей на вольный рынок, что создает ей, повидимому, некоторую неустойчивость. Наемные рабочие, возможно, привлекаются временно в моменты особенно срочной работы и своей временной работой уменьшают продолжительность рабочего времени, приходящего в среднем на одного семейного и наемного рабочего.

Размещение рабочего периода во времени для некоторых районов представляется так:

Р а й о н ы.	Сезон работ.	Главный промысл. период.
Вятский уезд	—	1/2 Окт.—1/2 Февр.
Кинешемск. район	Сентябрь—1/2 Июнь (до сенокоса).	Январь — Июнь.
Ярославск. "	Сент.—1/2 Июнь. Окт.	Сент. — Январь Окт. — Февраль.
Калязинск. "	Сент. — Апрель Март.	—
Александровский уезд (Владим. губ)	—	Сент. — Дек. (до Рождества) Янв.
Ковровск. уезд (Влад. губ.)	Окт. — Апрель Март (до Пасхи).	—

Рабочий период, находясь под влиянием целого ряда рассмотренных выше причин, падает все-таки, главным образом, на осенне-зимние месяцы, и только в районах со значительным развитием валяльной промышленности захватывает и весенние месяцы. Работа начинается обыкновенно с сентября, октября, в некоторых местах даже с конца августа, и тянется до апреля, марта и даже вплоть до сенокоса (до второй половины июня), как, например, в Кинешемском и Ярославском районах. Следует при этом отметить несовпадение во времени главных промысловых периодов в разных районах. В Ярославском районе наиболее интенсивная работа идет до января или даже до февраля (до масляной) и товар, заготовленный за это время, поступает немедленно в продажу. После этого времени валенки готовятся уже к следующей зиме, кустари один за другим бросают работу и лишь немногие остаются работать до июня (до „Петровок“) ¹⁾. В Кинешемском же районе, а также в Макарьевском уезде, наоборот, до января работа идет весьма слабо и многие кустари даже уходят (из Махловской волости) в другие губернии. В январе они возвращаются и только с этого времени начинается особенно интенсивная работа, при чем многие кустари работают из шерсти, приносимой с собой и купленной в местах отхода ²⁾. Эта разница в размещении во времени главного промыслового периода между Кинешемским и Ярославским районом объясняется неодинаковой их связью с ярмаркой и, отчасти, различием в районах сбыта их изделий. Ярославского товара, как мы раньше

¹⁾ Кустарные промыслы Ярославской губ., стр. 358.

²⁾ Заработ плата кустарей Костром. губ. В. Барышов, стр. 40. Отчет о ходе торговли в Нижегородской губ. в 1914 г., стр. 80.

указывали, бывает очень мало на ярмарке, главным местом его сбыта следует считать северные губернии и столицы, не связанные водным путем с ярмаркой, куда товар расходился немедленно по изготовлении. Кинешемский же район, наоборот, чрезвычайно связан с ярмаркой; здесь сбывается почти все его производство с января по июнь¹⁾ и товар расходуется, главным образом, в южные губернии и Поволжье, частью водным путем к наступающей только зиме. В виду этого с января начинается как раз наиболее интенсивная работа на ярмарку²⁾.

О времени наиболее интенсивной работы в остальных районах данных нет, но, принимая во внимание сказанное о Ярославском и Кинешемском районах, можно думать, что в Семеновско-Балахнинском и районах Казанского края, близких к ярмарке и заготавливающих товар к наступающей зиме, наиболее интенсивную работу встретим с января. В районах же, удаленных от ярмарки, товар заготавливается для немедленной продажи и наиболее интенсивная работа идет до января, февраля, как мы это можем констатировать также на примере Вятского уезда.

Причины, влияющие на продолжительность рабочего сезона, косвенным образом определяют и заработки кустарей. Эти заработки дают чрезвычайно резкие колебания при показаниях за день, за неделю и за весь рабочий период. Помимо всего прочего заработки должны варьировать в зависимости от того значения, которое они имеют в бюджете мелко-промыслового хозяйства. Этим самым предопределяется больший заработок в тех районах, где доходы от промысла являются основными источниками существования. С другой стороны, общее состояние промысла и та или иная степень зависимости кустаря не остается, конечно, без влияния на величине заработка.

Заработки промышленников в местах различного экономического значения промысла представляются так:

Г У Б Е Р Н И И.	Заработок в неделю.
Псковская губ	3,20
Ульяновская „	3,27
Костромская „ ³⁾	3 00
Ярославская „	2,37

В местах со слабым развитием промышленности заработок кустаря выше, чем в местах развитого валяльного производства. В полном соответствии с этим стоит и тот факт, что переход от бродячей формы работы к оседлой вызвал понижение заработной платы.

¹⁾ Отчет 1914 г., стр. 80.

²⁾ Отчет за 1914 г., стр. 80.

³⁾ По Костромской губ. мы взяли данные за 1903 г. У нас имеются более поздние данные с более высокой оплатой труда, но полагаем, что для сопоставления правильнее взять данные 1903 г. Согласно позднейшим сведениям средний заработок одного рабочего при разных формах сбыта составляет в Костромской губ. без Кинешемского и Юрьевецкого уездов, т. е. как раз в тех уездах, где крупного производства нет—4,1 руб. в неделю.

Г У Б Е Р Н И И.	Заработ. отхож. пром. в неделю в рубл.
Ульяновская губ.	3,70
Московская „	3,0—3,50
Костромская „	4,0

Если принять во внимание еще и то, что отхожие промышленники получают большей частью хозяйские харчи или столуются у крестьян-заказчиков, то факт большей оплаты труда отхожих промышленников будет вне всякого сомнения.

Влияние на высоту заработной платы той или иной степени зависимости промышленника иллюстрируется следующими данными по Костромской губ. (без Кинешемского и Юрьевоцкого уездов) ¹⁾.

Формы сбыта.	Трудовой доход в месяц одного члена семьи.	
	С наемн. раб.	Без наемн. раб.
На вольный рынок	23,77	20,5
„ заказ и продажу	25,00	37,5
„ заказ	16,20	16,1
„ скупщика	20,00	13,2
В среднем	18,5	

Работа на скупщика понижает заработки, применение наемного труда увеличивает их во всех группах. Исключением является группа работающих на заказ и продажу. В этой группе, как мы видели, присутствие наемных рабочих почему-то уменьшает рабочий период и причину этого явления мы видели в ее экономической неустойчивости.

Прибыль (прибавочная стоимость), извлекаемая от одного наемного рабочего, составляла примерно не менее 3 р. в месяц ²⁾, т. е. была равна недельному заработку самостоятельного кустаря-одиночки.

Сравним еще заработки (в рублях) фабричных и нефабричных рабочих ³⁾. (См. табл. на стр. 83).

Заработки фабричных рабочих везде выше заработка нефабричных. Сопоставление месячного заработка семейных, нефабричных и фабричных рабочих в Ярославском районе дает соответственно следующее: 9,49 р., 8,04 р. и 10,64 р. Заработок нефабричного рабочего, т. е. как раз кустарей, работающих у себя на дому, является наиболее низким. Если принять во внимание, что у фабричного рабочего рабочий день меньше, то разница в оплате труда выступит еще резче как в отношении семейного, так и нефабричного рабочего. В

¹⁾ Заработ. плата кустар. Костромск. губ. В. Барыкова.

²⁾ Там же.

³⁾ Промыслы Ярославск. губ.

Р а й о н.	Полурабочие.		Полнорабочие.	
	Средний го- довой зарботок.	Средний ме- сячный зарботок.	Средний го- довой зарботок.	Средний ме- сячный зарботок.
I. Фабричные.				
Сереновская вол.	71,42	6,96	108,93	11,87
Остальн. вол. Ярослав. у. . . .	40,08	4,97	69,44	9,23
Весь уезд	62,15	6,46	89,89	10,64
II. Нефабричные.				
Сереновская вол.	55,35	7,15	67,23	8,65
Остальн. вол. Ярослав. у. . . .	33,79	6,27	43,68	7,49
Весь уезд	50,76	6,11	53,66	8,04
Рыбинский уезд	—	—	48,11	7,83

нашем распоряжении имеются сведения об оплате труда фабричных рабочих в Казанской губ. за последние годы и полагаем небезинтересным привести их. Зарботная плата эта относится к крупнейшей валяльной фабрике с. Кукмор, Мамадышского уезда (Бр. Родигины) ¹⁾.

Категории рабочих.	Средняя месячная оплата труда одного рабочего (мужчины) в руб.					
	1914	1915	1916	1917 г.		
				Январь.	Июль.	Декабрь.
Группы рабочих.						
Основальщик	18	20	24	24	83	200
Стиральщик	19	21	26	26	90	200
Кошемщик	15	16	20	20	50	140
Заготовщик	20	25	30	30	50	100
Закройщик	20	25	30	30	50	120

Для некоторых групп рабочих (основальщики, стиральщики) зарботная плата в 1917 году увеличилась (номинально) слишком в десять раз против 1914 года. Если, поэтому, взять плату 1914 г., то она, примерно, совпадает с зарботком семейного рабочего в нефабричных уездах Костромской губ. Там, как мы видели, средний месячный зарботок равнялся 18,5 р., здесь же 18—20 р. Следовательно, зарботок семейного рабочего в нефабричных районах, повидимому, близок к зарботку фабричного рабочего. Месячная же оплата труда семейного рабочего в фабричном Кинешемском районе равна 15 руб. ²⁾ т. е.

¹⁾ Опросн. лист волжск. район уполном. по топливу.

²⁾ Зарбот. плата. кустарей Костромской губ. В. Барынов.

меньше, чем в нефабричных районах, но очень близка к оплате труда, работающих на скупщика.

Оплата труда сдельных рабочих с различной зависимостью видна из следующих данных по Ярославск. губ.

	За одну пару мужских сапог (в коп.)
Стирак, работающий на кустарей	20—25 на хозяйск. харчах.
„ „ „ раздат. шерсти	35—43 „ своих „
„ „ „ фабрике	40 „ хозяйских „

Помимо более низкой заработной платы труда у работающих на скупщиков и раздатчиков, она понижается еще кабальными формами оплаты. Деньги выдаются частями, в долг, часто товаром. Так, по данным Я. Я. Полферова ¹⁾ кабальные формы выдачи заработной платы в валяльном промысле характеризуются следующим образом (в %):

Деньгами полностью.	Выдается плата натурой.		
	¹ / ₂ год. заработка.	² / ₃ год. заработка.	³ / ₄ год. заработка.
15	55	25	5

Оплата труда полностью деньгами практикуется довольно редко (15%). В остальных же случаях плата выдается натурой, припасами (truck—system), при чем в 55-ти случаях из ста натуральная оплата достигает половины заработной платы, а в 25-ти даже ²/₃ ее. Это обстоятельство еще более понижало заработка „свободного, самостоятельного“ кустаря и делало его положение гораздо худшим положения наемного рабочего. И потому единственным выходом из создавшегося положения было пожертвовать своей дорого стоящей ему „самостоятельностью“ и перейти в качестве рабочего на самую фабрику.

Необходимость этого перехода усугублялась еще тем обстоятельством, что параллельно с повышением заработной платы наемным рабочим, плата зависимым кустарям понижалась ²⁾.

¹⁾ Кустар. пром. в России, стр. 33.

²⁾ Кустар. пром. Ярославск. губ., стр. 368.

Г Л А В А VI.

I.

Эволюция форм промышленного хозяйства.

В главе об организации труда мы для подтверждения некоторых положений приводили данные, характеризующие и организацию производственного процесса. Здесь же нам надлежит ознакомиться с этими организационными моментами производственного процесса более обстоятельно и подробно. Это нам тем более необходимо, что только изучение организации самого производства и выяснение отношения производителя к рынку сырья и сбыту вырабатываемых им изделий даст нам возможность выделить промысловые хозяйства с различным экономическим строением, прольет свет на вопрос о том, что представляет собою мелкая (кустарная) валяльная промышленность, и даст, таким образом, верный ключ к выяснению ее истинного содержания.

Различные формы рассеянного менового хозяйства, обыкновенно регистрируемые земскими исследованиями, могут быть, в зависимости от условия приобретения сырья и сбыта продуктов, уложены в следующую схему ¹⁾:

I. Производство без участия посредников.

1. Ремесло: { а) Наемное—работа за заранее определенную плату на заказчика-потребителя из его материала.
б) Продажное—работа по заказу потребителя или на продажу из материала ремесленника, собственного или покупного.

II. Производство на посредников.

2. Кустарная промышленность. { а) свободная форма—сырье собственное или покупное; сбыт торговцу по своему выбору.
б) зависимая форма. { а') продажная—сбыт и покупка сырья у определен. скупщика-представителя торгового капитала.
б') наемная или домашняя система крупн. промышлен. — сырье или полуфабрикат промышленного капиталиста с обработкой за определенную плату.

Между этими основными формами существуют переходные.

В основу этой схемы существенным признаком, отличающим кустарную промышленность от всякого вида ремесла, положено участие в сбыте и организации производства посредников.

Не имея в виду останавливаться здесь на всех попытках определения понятия кустарной промышленности, — попытках, вызвавших столько горячих споров и имеющих место до самого последнего вре-

¹⁾ А. А. Рыбников. Куст. пром. и сбыт куст. изд. стр. II. М. И. Туган-Барановский. Основы политической экономии стр. 156—176.

мени ¹⁾, мы должны сказать, что большинство местных земско-статистических исследований в понятие кустарной промышленности включает и работу на вольный рынок, но исключает наемную домашнюю систему крупной промышленности.

В виду неоднородности в толковании понятия кустарной промышленности, которая красной нитью проходит через все земские исследования, мы, как уже было указано выше, включили в наш подсчет всех работающих в мелкой валяльной промышленности, безразлично являются ли они просто ремесленниками или наемными рабочими на стороне. И вот здесь-то нам и предстоит выяснить качественную и количественную сторону той промышленности, которая очень часто объединяется под общим названием ремесленно-кустарной.

Все данные, характеризующие рыночные условия производственного процесса, которые можно было почерпнуть из легших в основание этой работы местных земских обследований, обработаны и приведены нами в следующей таблице:

Губ. и уезды.	Число хозяйств (в проц.) имеющих сырье.					Число хозяйств (в проц.) работающих на						
	Заказ- чика.	Свое и заказч.	Свое.	Свое, зак. п. скуп.	Скуп- щика.	Неизв.	Заказ- чика.	Заказч. и рынок	В рынок	В рынок и скуп.	Скупщи- ка (ко- зынна).	Неизв.
Орловская	—	—	—	—	—	—	95,8	2,6	1,6	—	—	—
Рязанская	73,3	9,7	10,7	—	5,9	0,4	80,2	6,3	7,5	—	6,0	—
Псковская	—	—	29,7 ²⁾	—	—	—	71,3	38,7	—	61,3	—	—
Тамбовск. (Лип. у.)	50,0	—	50,0 ²⁾	—	—	—	50,0	—	50,0 ³⁾	—	—	—
Саратовск. (Хв. у.)	85,3	—	6,9	—	—	7,9 ⁴⁾	86,7	—	5,9	—	—	7,4 ⁴⁾
Уфимская	57,6	—	8,7	—	25,5 ⁵⁾	8,2	57,6	8,2	8,7	—	25,5 ⁵⁾	—
Владимирская ⁶⁾	—	—	—	—	—	—	38,7	—	—	—	61,2	1,1
Вятск. (Вят. у. ⁷⁾	—	—	—	—	—	—	3,4	—	35,9	—	60,7	—
Пермская ⁸⁾	17,8	—	11,4	—	69,6	1,2	19,4	—	6,6	—	72,8	1,2
Костромская ⁹⁾	—	—	—	—	—	—	17,9	—	11,8	—	70,3	—
Ярославская ¹⁰⁾	—	—	12,0	15,3	56,5	16,2	11,2	—	9,7	6,1	56,8	16,2
Нижегородская ¹¹⁾	—	—	23,5	—	76,5	—	—	—	22,0	—	78,0	—
Всего ¹²⁾	20,8	1,2	15,3	1,6	56,3	4,8	19,5	5,9	12,9	0,4	59,8	1,5

¹⁾ Е. П. Петров. „Промысл. кооперация и кустарь“. Часть I, стр. 13—23.

²⁾ В эту группу мы занесли куст. Спасо-Никол. вол.; (Куст. пром. Псков. губ. стр. 31).

³⁾ В эту категорию зачислены кустари с Ярлукова, (Обследов. кустар. пром. Лип. у., стр. 17).

⁴⁾ В тексте „различными способами“. (Кратк. очерк пром. по Хвал. уезду, стр. 133—135).

⁵⁾ Включено 106 хоз из дер. Усаевой Мензел вол. и уезда, не вошедших в табличную разработку. (Куст. промыслы Уфим. губ., стр. 38).

⁶⁾ Уезды: Ковровский, Судогодский, Юрьевск., Суздальск., Меленк., Горохов., Вязников. Сведения касаются числа рабочих и приведены только по тем уездам,

К сожалению, во многих исследованиях характеристика хозяйств в отношении получения ими сырья не служила предметом обследования.

Сведения о группировке хозяйств по характеру приобретения сырья касаются поэтому лишь 7269 хозяйств с числом промышленников в 13474 чел., что в отношении к общему их числу дает только 13,2⁰/₀; сведения же о характере сбыта касаются уже 11515 хозяйств и 25048 промышленников или 27,6⁰/₀ их. Последние сведения являются, таким образом, более полными.

Распространять выводы, полученные на основании данных только об одной четверти промышленников на всех остальных, является во многих случаях довольно рискованным. Но в данном случае этот риск весьма незначителен и опасность ошибочных заключений почти исключается.

Дело в том, что в наш подсчет вошли различные в экономическом отношении валяльные районы. Мы здесь имеем и такие районы (Орловская, Ряз. губ.), где промысел не вышел еще из стадии ремесла, имеем районы, как Ярославский, где промысел принял форму домашней системы крупной промышленности, наконец, районы, связывающие эти две крайние формы промышленного хозяйства различными переходами.

Наш подсчет, стало быть, включает хозяйства, отражающие все стадии эволюции промышленности, при чем ни одна из них не является преимущественно выраженной перед остальными. Все это укрепляет нас в мысли, что мы имеем полную возможность на основании этих, хотя бы и неполных данных, судить об общем экономическом содержании так называемой (ремесленно-кустарной) валяльной промышленности.

Распределив смешанные группы хозяйств поровну между соседними, мы выделим следующие три основных типа промышленного хозяйства, характеризующие ремесленно-кустарную валяльную промышленность:

по которым они оказались сравнимыми; при чем, промышленники, отнесенные нами в рубрику на заказ и вольн. рынок в сборниках указаны работающими самостоятельно.

⁷) Данные относятся к С.-З. оседлой полосе и касаются числа рабочих.

⁸) Уезды: Шадринский, Кунгурск., Оханский, Верхотурский и Екатеринбургск.

⁹) Уезды: Кинешем., Юрьевецк., Варнав., Макара., Ветлужск., Нерехтский и Костромской.

¹⁰) Ярославск. район. Уезды: Ярославск., Романовск., Даниловск., Рыбин., при чем мы пользуемся сведениями, помещенными в общем очерке, как более подробными. (Пром. Яросл. губ., стр. 24).

¹¹) Сведения о характере приобретения сырья приведены только по Сем. у., сведения же о характере сбыта даны также и по Горбат. у. Наши процентные отношения по Семен. у. несколько отличаются от тех же отношений, приведенных в сборнике, так как мы при вычислении исключили из нашего подсчета те дворы, которые отпускают рабочих по найму (в чужие мастерские). Точно также мы поступили при вычислении процентных отношений по Горбат. уезду. (Материалы к оценке земель Нижегород. губ. Эконом. Часть. Сем. у., стр. 212. Горб. у., стр. 70).

¹²) В общий подсчет не вошли Влад. губ., Вятск. и Лип. у., т. к. сведения относятся не к хозяйствам, а к числу рабочих, вследствие чего включение их в общий подсчет не представляется возможным.

Г р у п п и р о в к а х о з я и с т в в %.					
По способу получения сырья.			По характеру сбыта.		
Заказчика.	Свое	Скупщика	Заказчику.	На в. рынок.	Скупщику.
22,0	17,0—21,0 ⁰ / ₀	57,0 ⁰ / ₀	22,0—24,0 ⁰ / ₀	16,0 ⁰ / ₀	60,0 ⁰ / ₀

Данные, характеризующие формы промышленного хозяйства со стороны сбыта, являются, как уже было выше отмечено, более полными, в виду чего мы будем пользоваться преимущественно ими, дополняя их, где это представляется необходимым, данными о характере приобретения сырья.

Немногом менее четверти (24,0⁰/₀) всех промышленных единиц работает на заказ, главным образом, из материала заказчика (22,0). Этот вид наемного ремесла мы находим в Орловской, Саратовской (Хвал. уезд), Рязанской и в значительном размере также в Уфимской губерниях.

Другими словами, наемное ремесло мы будем иметь во всех местах рассеянного состояния промысла, в молодых, так сказать, районах валяльного производства. Эту форму хозяйства мы, следовательно, должны будем констатировать на севере, северо-западе, во всех юго-западных, южных, во многих уездах юго-восточных и восточных губерний.

Однако, в этих же губерниях при преобладающей форме хозяйства в виде наемного ремесла, мы в уездах с более плотным промышленным населением встретим и другие формы хозяйства, вплоть до влияния скупщиков. Так, в Рязанской губ., в которой 80,2⁰/₀ хозяйств работает на заказчика-потребителя и преобладающее большинство (73,3⁰/₀) из его же материала, следует выделить Касимовский и Рязанский уезды с заметным влиянием скупщического капитала.

Губерния и уезды.	Из общего числа дворов имеют материал (в %).					Из общего числа дворов сбывают изделия (в %).				Промысл. на 10,000 всего сел. населения.
	Заказчика.	Свой.	Свой и заказ.	Скупщика.	Неиз.	На заказ.	На рынок.	На рынок и заказ.	Скупщику.	
Рязанск. губ.	73,3	10,2	9,7	5,1	0,4	80,2	7,5	6,3	6,0	6,4
Касимов. уезд	41,9	30,2	25,6	2,3	—	45,3	23,2	29,1	2,3	9,1
Рязанск. "	5,4	34,8	7,6	52,8	—	8,7	34,8	4,3	52,2	11,8

Структура хозяйств в Касимовском и Рязанском уездах совершенно иная.

Если по всей губернии $\frac{4}{5}$ (80,2⁰/₀) всех хозяйств работают на заказчика и, главным образом, из его материала (73,3⁰/₀), то в Касимовском уезде этот процент наемного ремесла опускается уже до 41,9⁰/₀, а по Рязанскому даже до 5,4. Соответственно с этим процент хозяйств, работающих на рынок, значительно возрастает (28,2⁰/₀ и 34,8⁰/₀) увеличивается также в Касимовском уезде смешанная группа, работающая на рынок и заказ., а в Рязанском уезде уже очень ярко

проявляло влияние торгового капитала в лице скупщика, снабжающего более половины (52,8%) всех хозяйств сырьем и получающего от них уже готовые изделия.

Хотя плотность занятого сапоговалянием населения и не велика, тем не менее вполне определенно растет относительное значение валяльного промысла в жизни крестьянского населения Касимовского и Рязанского уездов: число кустарей на 10.000 всего сельского населения от 6,4 по всей губернии поднимается до 11,8 в Рязанском уезде. Возрастающее значение промысла в жизни крестьянского населения и концентрация промышленников являются таким образом, одновременно и причиной и следствием вторжения капитала ¹⁾.

По указанным выше губерниям, входящим в состав молодых районов с преобладанием, как мы видели, наемного ремесла, мы имеем один только цифровой материал. Ввиду этого, мы, к сожалению, лишены возможности осветить некоторые другие стороны интересующих нас отношений и организации производственного процесса. Ремесленная форма промышленности исключает разделение труда, но, быть может, можно в данном случае воспользоваться сведениями по Липецкому уезду Тамбовской губ., в котором промышленность находится, примерно, в одинаковых нескольких условиях, 50,0% хозяйств работают на вольный рынок и 50% на заказ, где мы уже имеем строгое разделение труда и трех категорий рабочих: шерстобитов, настельщиков и валяльщиков.

Это техническое разделение труда в уезде, где производство валенок местами не вышло еще из стадии домашнего производства ²⁾, следует особенно подчеркнуть.

Мы видим, что развитие форм промышленного хозяйства идет скачками. Рядом с обслуживанием нужд собственного потребления, мы имеем производство, где все операции выделяются последовательно одним и тем же рабочим и производство, в котором имеет место техническое разделение труда.

С другой стороны, в Липецком же уезде мы констатировали хозяйства наемного ремесла и хозяйства более товарного типа.

И, несомненно, такие переходы мы встретим во всех районах самого разнообразного экономического положения промысла.

В Уфимской губ. почти 2/3 всех хозяйств работают на заказ. В Мензелинском же уезде, особенно в Мензелинской волости, весьма сильно сказывало влияние скупщика.

1) Параллельно с этим меняется и организация труда.

Губерния и уезды.	% наем. ра- боч. ко всем про- мышл.	% детей ко всем ра- бочим.	% детей в группе сем. рабоч.	% детей в группе наемн. рабоч.
По всей губернии	17,9	7,9	7,1	12,0
Касимовский уезд	26,1	6,9	9,3	—
Рязанский „	37,5	18,4	17,8	19,5

Лишний пример неразрывной связи между формой промышленного хозяйства и организацией труда.

2) Обследование куст. пром. Лип. у. в 192 г., стр. 6.

В Хвалынском уезде Саратовской губ. господствует наемное ремесло, в городе же Кузнецке уже 32,0% всех хозяйств сбывает свои изделия скупщику, а 60,0% на базарах и ярмарках.

Правда, северные уезды Саратовской губ. примыкают скорее к Ульяновской губ., где влияние скупщиков весьма заметно, но факт переходов и созместного сосуществования самых различных форм промышленного хозяйства в пределах отдельных районов вне сомнения, что будем неоднократно констатировать при дальнейшем изложении.

В Уфимской губ с однородным отчасти строением валяльного хозяйства, мы видим следующий шаг по пути разделения труда в производстве. В ней в значительной части битье шерсти обособляется в отдельный промысел, и самая операция ведется больше машинным способом. Так, из 32 специально шерстобитных дворов только 9 дворов или 28,1% работают ручным способом, остальные 23 двора или 71,9% являются обладателями специальных шерстобитных машин с конными и ручными приводами ²⁾.

Смешанная группа, работающая на заказ и рынок, образует переход от валяльных хозяйств с работой на заказчика к хозяйствам, работающим преимущественно на вольный рынок.

Эта смешанная группа, представленная всего 5,9%, значительно выражена в некоторых уездах Костромской губ. (Варнав., Ветлуж., Костр. и других), и, повидимому, весьма представлена и во Владимирской (38,7% всех промышленников).

В материалах по Владимирской губ отнесенные сюда хозяйства именуется работающими самостоятельно. И, хотя трудно сказать за счет каких экономических групп они преимущественно образованы, но думаем, что в Ковровском и Судогодском уездах—это хозяйства, работающие преимущественно на заказ, а в остальных уездах, Владим. губ.—работающие преимущественно на рынок ³⁾.

²⁾ Промыслы Уфимской губ., стр. 36.

³⁾ К такому выводу нас заставляет придти следующее соображение. По влиянию скупщиков из всех уездов Влад. губ., вошедших в наш подсчет, особенно выделяется Ковровский и Судогодский уезды:

	Самостоят.	На хозяина.	Неизвест.
Ковровский и Судогодский у.	31,5 ⁰ о.	68,2 ³ о.	0,3 ⁰ о.
Остальные уезды	60,4 ⁰ о.	32,1 ⁰ о.	7,5 ⁰ о.

В местах же с развитием скупщика самостоятельная работа на вольный рынок весьма стеснена и только работа на заказ уживается дольше в соседстве с работой на скупщика.

Вот почему мы и полагаем, что в Ковровском и Судогодском уездах в группе самостоятельных преобладает ремесло, а в других уездах работа на вольный рынок.

Некоторые косвенные подтверждения этому мы находим при составлении двух экономически различных групп кустарей по Шуйскому уезду, не вошедшему, в виду неоднородности данных, в наш подсчет.

	Сбываются изделия.			
	На рынок.	На заказ.	Скупщику.	Как придется.
Хозяева работающие наемн. рабочими	54,6 ⁰ о.	18,2 ⁰ о.	12,1 ⁰ о.	15,1 ⁰ о.
„Самостоят.“ одиночки.	21,2 ⁰ о.	22,4 ⁰ о.	46,1 ⁰ о.	10,3 ⁰ о.

В группе „самостоятельных“ одиночек с преобладающим влиянием скупщиков работа на вольный рынок меньше работы на заказ; в группе же хозяев, наоборот.

Работа на вольный рынок и, следовательно, с использованием преимущественно покупного сырья, представлена $\frac{1}{8}$ частью (12,9%) всех промышленных единиц. Эту форму промышленного хозяйства мы находим абсолютно во всех районах, но преобладает она на северо-западе, в губерниях юго-восточного района и в Камско-Вятском крае (Пермск., Вятск. губ.). Хозяйства, работающие на вольный рынок и скупщика, представленные всего 0,4% (в Ярославском районе, где расслоение кустарной массы наиболее велико, эта группа поднимается до 6,1%), являются переходными к наиболее многочисленной группе (59,8%) с исключительной работой на скупщика, имеющей место в Вятской, Пермской, Костромской, Ярославской, Нижегородской, а из новошедших в наш подсчет Казанской (Татреспублике) и Тверской губерниях.

Работа на скупщика-хозяина имеет различное качественное содержание в перечисленных губерниях. Мы, поэтому, должны будем остановиться на этой группе хозяйств несколько более подробно и выяснить различный характер зависимости в них промышленности от капитала. Мы увидим, что под скупщиком очень часто скрывается представитель промышленного капитала, где „кустарь“ является, следовательно, фактически наемным рабочим на стороне.

Уже в Рязанской и Уфимской ¹⁾ губерниях мы встретились с влиянием торгового капитала в лице скупщика. Но наиболее ярко выражено влияние этого торгового капитала в Пермской губ., а в особенности в Шадринском уезде. Шадринский уезд является классическим примером зависимой от торгового капитала формы кустарной промышленности, когда номинально свободный кустарь фактически вполне зависим от этого представителя капитала, от которого он получает необходимое сырье для переработки в готовые изделия.

Следующие данные дают группировку хозяйств по характеру сбыта и приобретения сырья в Пермском районе:

У Е З Д Ы.	Число хозяйств, (в %), работающих.					Промышленников на 10.000 всего сельского насел.
	На вольн. рынок (мат. свой).	На заказчика-потребителя.		На скупщика.		
		Матер. свой.	Матер. заказч.	Матер. свой.	Матер. заказч.	
Шадринский	3,6%	0,2%	5,3%	3,9%	87,0	108,9
Екатеринб. ²⁾	23,0%	17,1%	59,3%	0,7	—	79
Верхотурский	31,8%	13,6%	54,6%	—	—	36
Кунгурский	26,1%	0,6%	72,1%	0,6	1,2	27,2
Оханский	4,5%	4,5%	89,5%	—	1,5	6,0
	6,6%	1,6	18,0	3,3	70,5	
		19,6		73,8		

Если Екатеринбургский, Верхотурский, Оханский и Кунгурский уезды по экономическому положению хозяйств могли бы примкнуть к ранее рассмотренным губерниям, то Шадринский уезд резко выде-

¹⁾ В Менз. у. в дер. Усаевой. Эта деревня образует большое скопление валляльных хозяйств.

²⁾ В процентное вычисление вошло лишь 135 хоз., так как относительно 32 хоз. сведений нет.

ляется исключительным влиянием торгового капитала—90,9% всех промышленных единиц работает на скупщика, причем только 3,9% имеет свое собственное сырье, остальные же 87,0% получают от него же и сырье. Сырье это перерабатывается кустарями сдельно с пары, при чем все расходы по вспомогательным материалам, употребляющимся при работе покрываются кустарем. Техническое разделение труда в Шадринском уезде не имеет места. Надкладка и закатывание „колпаков“ производится обыкновенно мужчинами и лишь вышивка сапог—исключительно женщинами. Что касается стирки, то здесь следует отметить участие в стирке легких женских и детских сапог не только женщин но даже и детей, стирающих так называемое „малье“—детский лим, весом 1,0—1,5 ф. Кустарь в огромном большинстве случаев получает неразбитую еще шерсть; специальные шерстобитные машины встречаются в Шадринском уезде довольно редко.

Несколько иначе наметилась зависимость промышленников от торгового (промышленного) капитала в более старом Калязинском районе. Там до самого последнего времени кустари находились в зависимости от „контор“ и крупных заводчиков. Конторы, закупая шерсть, отпускали ее в кредит кустарям под залог готовой обуви. Тоже самое делали и крупные заводчики, которые, кроме того, скупали обувь у кустарей.

Капитал, стало быть, выступил здесь не в роли раздатчика сырья или готовых „колпаков“. Оставляя все производство в руках номинально свободных кустарей, он взял на себя задачу снабжения их сырьем и скупкой готовых изделий.

Эту форму вторжения капитала в хозяйственную деятельность кустарей мы, конечно, встретим и в других районах его влияния; в Калязинском же уезде эта форма была преобладающей при других формах всякой зависимости.

Если для Калязинского и Пермского района мы установили почти исключительное значение торгового капитала, то в северо-восточном Казанско-Вятском районе мы уже встретим значительное влияние и промышленного капитала.

К сожалению, по этому району у нас чрезвычайно мало данных. Мы располагаем лишь некоторыми сведениями по Вятскому уезду; по Казанскому краю цифровых данных, характеризующих организацию производства, совершенно нет. Но, принимая во внимание тесную, неразрывную связь, которая, как было выше показано, существует между организацией труда и остальными сторонами производства, мы постараемся на основании данных первого момента выяснить существенные черты второго.

Сведения по Вятскому уезду для нас еще тем интересны, что дают возможность выяснить экономическую зависимость отхожего вальяльного промысла.

Р А Й О Н Ы.	М е с т н ы е. Из них работ. в %.			О т х о ж и е. Из них работ. в %.		
	Самост.	На хо- зяина.	На за- казчика.	Самост.	На хо- зяина.	На за- казчика.
С.-З. полоса . .	35,9	50,7	3,4	1,4	96,2	1,8
Ю.-В. „ . .	11,9	17,2	70,9	11,5	55,9	32,6
По всему уезду	34,5	58,1	7,4	8,4	68,6	23,0

Как в северо-западной полосе оседлого промыслового населения, так и еще в большей степени в юго-восточной отхожей весьма велико влияние хозяина среди местных, так и, в особенности, среди отхожих промышленников. Местный отход, следовательно, является отходом не самостоятельных ремесленников, а отходом наемных рабочих, зависящих от предприимчивого „подрядчика“ хозяина артели. На степень этой зависимости не без влияния остается, очевидно, и общэкономическое состояние промысла в местах отхода. Мы выше видели, что промышленник северо-западной полосы более связан с промыслом, чем тот же промышленник юго-восточной полосы, что этот последний в экономическом отношении является более мощным и более связанным со своим земледельческим хозяйством, в соответствии с чем зависимые формы в северо-западной полосе количественно гораздо ярче выражены.

В Вятском уезде, как видно из данных таблицы, среди оседлых промышленников (а также среди отхожих) работа на заказ имеет весьма мало места. Преобладающей формой промышленного хозяйства здесь являются работа на хозяина и на вольный рынок. Как складывались промышленные формы в других уездах Вятской губ. мы сведений не имеем. Полагаем, что в уездах, соседних с Уфимской и Пермской губ. (Елабужский, Сарapulьский, Глазовский, Слободской), мы встретим хозяйства типа Кунгурского, Оханского уездов, т. е. наемное ремесло и работа на вольный рынок. В уездах же соседних с Казанским краем (Малмыжск., Уржумский, Яранский), чаще будут попадаться хозяйства зависимого типа.

Эти последние уезды как раз являются сосредоточием крупно-заводской формы промышленности в Вятской губернии, что, несомненно, предопределяет собой влияние торгово-промышленного капитала на жизнь мелкой (рассеянной) сапоговаляльной промышленности.

В самой б. Казанской губернии следует выделить Казанский, в особенности Мамадышский и отчасти Свияжский уезды. В них, а главное в Мамадышском уезде, имели место наиболее зависимые формы кустарной промышленности. В Мамадышском уезде находится крупнейший фабричный центр—село Кукмор, и кустари Старо-Юмьинской и Петропавловской волостей в подавляющем большинстве работали на эти фабрики в качестве наемных рабочих на стороне. Кустари Казанского уезда, а отчасти и Свияжского находились в несколько аналогичной зависимости от казанских купцов, владельцев валяющих заводов. Надо думать, что в Мамадышском уезде кустари получают заложенные вне кустарной избы „колпаки“, а в Казанском преимущественно шерсть с сдельной оплатой с пуда сваляной шерсти.

К такому выводу заставляют придти некоторые данные по организации труда в этих уездах.

У Е З Д Ы.	% домо-хоз. на-нимающ. мастер.	% наем-ных ра-бочих к общему числу.	% домо-хоз. име-ющ. соб. мастерск.	% женщ. ко всем рабочим.	% дет. и подр. ко всем ра-бочим.	Промыш-ленников на 10.000 всего на-селения.
Мамадышский уезд.	1,3	0,9	9,2	15,8	11,1	64,3
Казанский „	22,5	17,2	32,0	22,4	17,2	44,7

Полное почти отсутствие нанимающих хозяйств и наемных рабочих в Мамадышском уезде в сравнении с Казанским, где более одной пятой всех хозяйств пользуются наемным трудом, а треть имеют свои собственные мастерские, ясно говорит, что экономическое положение кустаря Мамадышского уезда иное, чем промышленника Казанского. Последний находится в зависимости от торгового капитала, принужден в более сильной степени эксплуатировать труд женщин и детей, чем промышленник Мамадышского уезда, зависимый от промышленного капитала в качестве временного, наемного работника на стороне. А работа вне заведения сводится к стирке заранее заготовленных вне кустарной избы „колпаков“.

Раздача шерсти в Казанском уезде происходила не прямо мелким производителям.

Здесь мы встречаем организацию, несколько аналогичную раздаточным конторам и светелкам в ткацком промысле. Между купцами раздатчиками шерсти и мелкими производителями стоял посредник, ответственный за целостность материала перед его хозяином. Этот посредник обрабатывал уже получаемый материал или путем найма рабочих, или путем раздачи его отдельным мелким производителям на дом.

Что касается остальных уездов Казанской губернии, то в них, как уже мы указывали выше, преобладает наемное ремесло. Ремесленники работают по заказу заказчиков, иногда даже у них на дому, получая за работу сдельно с весу сработанной шерсти.

Если в Казанско-Вятском районе ¹⁾ влияние промышленного капитала проявляется лишь в Мамадышском уезде, и отчасти в Казанском, то в губерниях центрального района это влияние достигает особенных размеров: в Кинешемском и Юрьеveckом уездах, Ив. Вознесенской губ., в Ярославском районе, Ярославской губ., в Семеновско-Балахнинском и Арзамасском, Нижегородской губ., кустарная промышленность представлена крайней зависимой формой, а именно наемной или домашней системой крупной промышленности.

Значение „хозяина-скупщика“ в Кинешемском и Юрьеveckом уездах, в сравнении с другими уездами, видно из следующих цифр:

РАЙОНЫ.	Из общего числа дворов работают (в %).		
	На вольный рынок.	На хозяина-скупщика.	На заказч. и проч. места.
Кинешемский уезд	3,4%	90,6%	6,0%
Юрьеveckий „	7,5%	73,4%	19,1%
Кинешем.-Юрьеveck. район . . .	4,4%	86,2%	9,4%
Варнав., Мак., Ветл., Нерех., Костр.	32,2%	26,2%	41,6%
По всей губернии . . .	11,8%	70,3%	17,9%

¹⁾ Как мы уже выше указывали по Вятск. губ. у нас имеются сведения лишь по одному Вятскому уезду, но некоторые соображения дают возможность предполагать влияние торгово-промышленного капитала в Малмыжск., Уржумск. и Яранском уездах.

По Кинешемско-Юрьевецкому району процент хозяйств, работающих на хозяина-скупщика, доходит до 86,2%, при чем по одному Кинешемскому уезду их даже несколько больше (90,6%). По остальным же уездам процент зависимых хозяйств спускается до 26,2%, варьируя от 19,5% по Варнавинскому уезду до 42,6% по Нерехтскому.

Группировка хозяйств по степени их экономической самостоятельности дана по Костромской губ. недостаточно подробно. Слово „скупщик“ еще очень мало определяет истинное содержание этого представителя капитала. Попробуем, поэтому несколько раскрыть это содержание, для чего приведем следующие данные о группах валяльных хозяйств по Кинешемскому уезду.

ПРОИЗВОДСТВА.	Число дворов.	В % к общ. числу дворов	Из общего числа дворов работают (в %).			Число рабоч. на 1 двор.
			На вольный рынок.	На хоз. и скупщика.	На заказ и проч. места.	
Валяльно-катальный промысел	1130	63,4%	4,9%	88,3%	6,8%	2,8%
Стирка валян. обуви	610	34,3%	—	100,0%	—	3,2
Валяльно-катал. заводы	24	1,3%	—	—	100,0%	43,0%
Пр-во стелек, подклад. для хомутов и т. д. .	17	1,0%	23,5%	29,4%	47,1%	1,8%
	1781	100,0%	3,4	90,6%	6,0%	3,5%

Несколько более трети всех промышленных единиц (34,3%) занимаются исключительно одной только стиркой обуви, получая заранее заложенные в крупном предприятии „колпаки“. Эти зависимые хозяйства находятся в Никитинской волости, где почти все кустарные дворы занимаются исключительно стиркой и чисткой¹⁾. По отношению к ним, скупщик, следовательно, является чистейшим представителем промышленного капитала, а сам кустарь—представителем домашней системы крупной промышленности. Из 1130 дворов, занимающихся валяно-катальным промыслом, 429 дворов находятся в той же Никитинской волости и, следовательно, вместе с ним 0% дворов, занимающихся исключительно стиркой, поднимается уже до 58,3%. Остальные 567 дворов находятся в Шевальдорской волости, в которой стирка обуви также является преобладающей формой кустарной работы.

Не будет, следовательно, большой ошибкой если все эти 97,7% хозяйств отнести к зависимым от промышленного капитала формам кустарной промышленности с работой заложенных вне кустарной избы „колпаков“.

Большое недоумение вызывают 24 „кустарных“ двора с числом рабочих в среднем 43,0, работающих на заказчика, некустарный характер которых нам неоднократно уже приходилось отмечать.

Кто этот „заказчик“, на которого работают эти заводы, несомненно, капиталистического типа.

¹⁾ В Барыков „Заработная плата кустар. Костр. губ.“, стр. 36.

Возможно, что этими „заказчиками“ являются еще более крупные заводы или крупные магазины валяной обуви. В первом случае эти заводы, попавшие неизвестно каким образом в число кустарных предприятий, должны быть отнесены к, так называемым, посредническим предприятиям, становящимся между крупными предпринимателями и отдельными кустарями, работающими на них или у себя на дому, или на самых „кустарных“ заводах.

Такое же и даже более огромное влияние промышленного капитала, такую же зависимость кустаря, низведенного до простого детальщика, мы встретим, конечно, и в Ярославском районе: ¹⁾.

Р а й о н ы.	% хозяйств, работающих на раздатчиков.
Сереновская волость	99,6 ⁰ / ₀
Романовский уезд	58,1 ⁰ / ₀
Весь Ярославский уезд	68,3 ⁰ / ₀
„ „ район	57,3 ⁰ / ₀
Диево-Городищенская волость	60,0 ⁰ / ₀
Даниловский уезд	23,2 ⁰ / ₀
Остал. вол. Ярославского уезда.	38,9 ⁰ / ₀
Сереновск., Городищенск., Путятинск., Шопшинск. и обе Богородских	83,5 ⁰ / ₀

В Ярославск. районе кустари получают материал большею частью в виде готовых колпаков; в Сереновской волости работа из шерсти также почти совершенно не встречается. Раздатчики Ярославского уезда принадлежали к самым крупным, раздававшим работу в сотни рук ²⁾. В многих местах (Сереновская и Путятинская волости) между кустарем-детальщиком и раздатчиком становится посредник, явление, отмеченное нами и в Мамадышском (Казанской губ.) и в Кинешемском уездах. Раздатчики Даниловского и Романовского уездов принадлежали к более мелким. В Даниловском уезде процент работающих на раздатчиков уже менее: $\frac{1}{4}$ всех промышленных единиц; здесь мы встретим много кустарей, работающих попеременно то на рынок, то на скупщика, и как раз 6,1% этих хозяйств, показанных в общей таблице, принадлежат именно к Даниловскому уезду, его северной части (вол. Халезевская, Ермак. и др.). Самостоятельных кустарей, работающих из своей шерсти на рынок или заказчика из его шерсти, в Ярославском уезде всего 16,1% всех хозяйств, в Романовском 32,3%, в Даниловском даже 48,8%.

Рядом с наемной системой домашней промышленности мы, стало-быть, находим и наемное ремесло.

Здесь следует подчеркнуть то расслоение кустарной массы, которое наблюдается в Ярославском районе и, несомненно, и в других. В числе мелких раздатчиков можно было встретить более состоятельных

¹⁾ Кустарн. пром. по Ярославской губ.*.

²⁾ Там же.

кустарей. Улыбнется счастье такому „кустарю“, и он, конечно, бросит „кустарничество“ и превратится в настоящего раздатчика.

Излишне сказать, что положение кустарей, работающих на таких раздатчиков, гораздо хуже работающих на более крупных.

По наиболее старому Семеновско-Балахнинскому району данные являются чрезвычайно устарелыми. Но и они еще для 80-х годов рисуют нам не менее яркую картину полной зависимости кустарной массы от отдельных представителей (торгово-) промышленного капитала, равно зависимость менее самостоятельных „хозяев“ от более самостоятельных.

Деление „хозяев“ по степени их самостоятельности проведено чрезвычайно подробно.

Среди самостоятельных хозяев мы видим „тысячников“, покупающих шерсть и продающих товары только в Нижнем приезжающим купцам, „средних“ хозяев, покупающих шерсть и продающих товар нижегородским купцам и, наконец, „мелких самостоятельных“ хозяев, находящихся в большой зависимости, как от нижегородских купцов, так и от местных „тысячников“.

Кроме этих трех разрядов самостоятельных хозяев имеются еще и несамостоятельные, другими словами, вся остальная кустарная масса, работающая у „хозяев“ или у себя на дому ¹⁾.

Техническое разделение труда еще в 80-х годах проведено было настолько строго, что оно даже послужило основанием распределению заведений.

Все заведения разделены на самостоятельные и несамостоятельные, или полузаведения. К последним относятся те заведения, в которых работает или стирала, или каталь, оборудованные, следовательно, или одной „стирней“ или одной „катальной“.

Группировка эта следующая: ²⁾.

В о л о с т и .	Самост. завед.	Полуза-вед.	% самост. завед. к общему их числу.
Коновская	87	175	33
Борская	111	300	27
Дроздовская	99	349	21
Зиняковская	41	141	22
Владимирская	11	190	5
Юрасовская	10	491	2
Хохломская	35	30	53
Кирюшинская	220	102	72
В с е х	614	1778	26

В 74 заведениях мы имеем детальщиков, ^{3/4} (74%) всех заведений принадлежали к несамостоятельным, занимаясь одной только стиркой или заращиванием колпаков; в некоторых волостях (Юрасовской, Владимирской) все кустари—сплошные детальщики, работающие, как и в остальных районах, при крайне антигигиенических условиях.

И такое же не только техническое, но и потоварное разделение труда мы находим в Арзамасском войлочном районе. Исключительно кошмы выделяются в одних местах: Хохлово, Ямищи, Должниково, Шатовка; кошмы, сапоги и стельки в других. в Красном Селе и Ва-

¹⁾ Труды Куст. Комиссии. Вып. VI, стр. 608.

²⁾ Там же, стр. 610. Об экономич. организации валяльной промышл. в этом районе см. также у В. И. Ленина. (Развитие капитализма в России, гл. V).

сильевом-Враге; при чем в последнем их только катают, а в Красном Селе их окончательно стирают и отделяют.

Нижегородский район явился, по некоторой версии, местом зарождения и расселения промысла по всем другим районам его теперешнего распространения, и неудивительно, что еще для 80-х годов здесь констатируется сверху до низу идущая капитализация промысла, опирающаяся на превращаемую в детальщиков кустарную массу, теряющую в процессе эволюции мелкой сапоговаляльной промышленности, одну за другой свои самостоятельные позиции.

Теперь, после сделанного обзора, попытаемся подвести итоги ремесленно кустарной валяльной промышленности, для чего преимущественно распространение тех или других форм промышленного хозяйства представим следующей схемой.

В центре.—Семеновско-Балахнинский (Арзамасский), Ярославск., Кинешемско-Юрьевецк. и Мамадышский районы—с наиболее зависимыми формами хозяйства. Здесь преобладает наемная форма домашней системы крупной промышленности. По направлению к востоку, югу и западу от этого центрального района—Казанско-Вятский, Шадринский, Калязйский районы и некоторые уезды, (Ковровский, Судогодский и Александровский) Владимирской губ. — кустарная промышленность представлена, главным образом, зависимой продажной формой, также свободными формами, усиливающимися по направлению к периферии.

В этих двух поясах сосредоточены до $\frac{2}{3}$ всех промышленных хозяйств, захваченных земскими исследованиями, которые как раз и учитываются экономической наукой, в качестве представителей кустарной промышленности.

Третий пояс схематически замыкает расположенные во все стороны от ранее рассмотренных районов хозяйства с работой на вольный рынок и на заказчика, на долю которых падает остальные 40% хозяйств.

Если встать на точку зрения значительной части земских исследователей, кустарной промышленности не будут захвачены наиболее крупные и важнейшие районы валяльного производства, схематически очерченные центральным поясом. Как бы взамен их войдет небольшая группа хозяйств (около 15%), работающих на вольный рынок. При такой совершенно неправильной постановке вопроса круг кустарной промышленности значительно суживается.

Надо, конечно, принять во внимание, что это схема.

В пределах отдельных районов мы встретим целую гамму переходов и скачков от хозяйств одного типа к хозяйствам другого типа. Даже в Ярославском районе с наиболее зависимыми формами рядом с наемной системой домашней промышленности мы констатировали наемное ремесло.

В нашем обзоре нашел слабое отражение, за отсутствием соответствующих данных, Юго-Восточный Ульяновско-Саратовско-Тамбовский район, наиболее интересный из молодых районов в смысле будущего развития валяльной промышленности. В этом районе, несомненно, значительная часть хозяйств зависимого типа.

Зависимые формы нашли мы также и в Рязанской губернии.

Но в пределах схемы, имеющей целью наметить лишь основные моменты интересующего нас явления, все сказанное остается верным.

По некоторым данным навыки валяния из-заволжской части Нижегородской губернии постепенно распространялись во все стороны; если это так, то эволюция форм промышленного хозяйства нарастает в обратном направлении.

II.

Изложенное дает возможность представить эволюцию и технико-экономическую организацию сапоговаляльной промышленности так:

Районы эволюции.	Организация производства.	Характер сырья.	Способы сбыта.	Форма промышленного хозяйства.
I. Семеновско - Балахнинский, Ярославск., Кинешемско - Юрьевоцкий и Мамадышский районы.	„Симбиоз“ мелкой (расеянной) промышленности с крупной (централизованной); машинная подготовка сырья (расческа шерсти) с мануфактурным изготовлением полуфабриката в крупной промышленности и ручная обработка этого полуфабриката в мелкой; почти половина производственного процесса в кустарной избе, остальная половина вне ее—в крупном капиталистическом производстве	Специализированный полуфабрикат („колпак“).	В руках крупной промышленности на специально организованные рынки (ярмарки) и непосредственно в места потребления.	Наемная домашняя система крупной промышленности.
II. Шадринский, часть Казанско-Вятского, Ковровско-Судогод. (Владим. г.) Калязинск., Макарьев. (Костр. губ) районы.	Машинная расческа шерсти, ручное изготовление полуфабриката и ручная же его обработка в мелком хозяйстве (межхозяйств., а в некоторых случаях и внутрихоз. раздел. труда); незначит. часть произв. процесса вне кустарной избы, остальная, большая часть, в самой кустарной избе.	Неспециализированный полуфабрикат (расчесанная шерсть).	Преимущественно в руках посредников—хозяев, раздатчиков сырья, на специально организованные рынки (ярмарки).	Преимущественно продажная, зависимая форма кустарной промышленности.
III. Мензелинск., Бирск., (Уфим. губ.) Ульяновско-Саратовско-Тамб., Касимовск. Рязанск. (Ряз. губ.) и Сычевско-Ельнинск. (Смоленск. губ.) районы.	Ручное выполнение всей работы; в некоторых случаях машинная расческа сырья—шерсти (межхозяйств. раздел. труда); почти вся работа в избе промышленника.	Неспециализированный полуфабрикат, а чаще совершенно неподготовленное предыдущими операциями сырье.	Частью непосредственно потребителю, частью в—руках посредников, являющихся в некоторых случаях хозяевами сырья.	Ремесленная форма (продажа на ближайших ярмарках-базарах) и свободная форма кустарной промышленности.
IV. Все остальные районы за исключ. районов, входящих в I, II и III эволюц. районы.	Исключительно ручное выполнение всей работы, разделение труда отсутствует, вся работа происходит в избе ремесленника или заказчика.	Совершенно неподготовленное предыдущими операциями сырье.	Без посредников, непосредственно заказчику - потребителю.	Продажное и наемное ремесло.

Сказанное выше освобождает от необходимости дать этой схеме дополнительные объяснения.

Г Л А В А VII.

Современное состояние мелкой сапоговаляльной промышленности и кооперативное строительство.

I.

Как уже было нами указано в предисловии, мелкая сапоговаляльная промышленность, как и все народное хозяйство Республики, претерпела за годы войны и революции значительные количественные и качественные изменения. Охарактеризовать последние, а в связи с ними и современное ее состояние, представляет большие затруднения. Если для определения роли мелкой сапоговаляльной промышленности в довоенное время мы принуждены были оперировать с неоднородным и частью устарелым материалом, то для суждения о ее современном значении мы совершенно не располагаем сколь либо надежными данными. В нашем распоряжении лишь отрывочные и крайне неполные сведения, касающиеся, главным образом, работы промысловой кооперации, на основании которых делается попытка подойти в самом общем виде к вопросу о положении мелкой сапоговаляльной промышленности в послевоенное время и тенденциях ее развития в настоящее.

Необходимо констатировать, что уже первые годы войны, как это было отмечено при изучении рынков сырья, внесли значительное расстройство в жизнь мелкой промышленности Республики. „Отрицательное влияние войны—говорит Е. Дюбюк—на большинство промыслов Костромской губ. неоспоримо“¹⁾. Такое положение имело, несомненно, место и в других промысловых губерниях и является, в связи с мобилизацией населения, нарушением в первый же год войны регулярного движения и правильного товарообмена, вполне понятным. Однако, при резко отрицательном влиянии войны на всю промысловую жизнь, в отношении целого ряда промыслов, как сапоговаляльный, сапожный, овчинный и портновский, обслуживавших нужды армии в обуви и одежде, имеются и показания обратного порядка.

Так, 66,6% всех сообщений по Костромской губ., касающихся перечисленных промыслов, отмечает „благоприятное“ влияние войны, 20,9% неблагоприятное и 12,5%—война совершенно не отразилась на них. Точно также и заработки в 70,6% случаях увеличились, в 23,5%—уменьшились и в 5,9% не изменились²⁾. Однако, отрицательное влияние войны с течением времени коснулось, повидимому, и сапоговаляльной промышленности, как это видно из следующих данных по Ярославскому району (Диево-Городищенская, Путятинская, Сереновская и Толгобольская волости)³⁾:

1) Е. Дюбюк. Война и промыслы. стр. 78 Сборник „Война и Костромск. губ.“ Изд. Оценочно-статистического отдел. Губ. Земск. Управл. Кострома 1915 г.

2) Там же.

3) Отчет о деятельности Ярославск. Губ. Куст. комитета за 1917 г. Вып. II. Ярославль, стр. 9.

Занималось сапоговаляльным промыслом.				Уменьшение (—) в % за 1901—16 г.	
1901 г.		1916 г. (август).			
Селений.	Кустарей.	Селений.	Кустарей.	Селений.	Кустарей.
82	1079	75	933	—8,5	—13,5

Это сокращение числа селений и рабочих, занятых в сапоговаляльной промышленности, стоит, очевидно, в связи с поглощением мелкого производства крупным, особенно сказавшимся в этом старейшем районе. На это сокращение повлияло, несомненно, как это отмечается и в отчете и то, что перепись 1916 го года была произведена в августе м це, когда значительное количество кустарей было занято полевыми работами, многие стирни были закрыты, вследствие чего учет наемных рабочих не состоялся. Часть стираков находилась кроме того в отходе в качестве строительных рабочих. Всеми этими причинами учет несомненно, преуменьшен. Однако, не подлежит сомнению и то обстоятельство, что перед нами резко отрицательное влияние войны, внесшей не только количественные, но и качественные изменения в состав промышленников, о чем свидетельствуют следующие данные о распределении промышленников по возрастам в Ярославском районе за 1901—16 г. г. (в % к общему числу всех промышленников).

	14 л.	14—17 л.	18—20 л.	21—30 л.	31—40 л.	41—50 л.	50 л.
1901 г. ¹⁾ . . .	1,0	6,5	8,2	21,6	28,8	19,5	14,4
1916 г. ²⁾ . . .	4,3	18,5	7,9	7,5	16,5	17,3	28,1

Данные эти не нуждаются в особых пояснениях. Помимо уменьшения числа лиц, занятых в сапоговаляльном промысле, вызванного частыми мобилизациями, последние изменили и качественный состав промышленников в сторону привлечения менее производительного труда детей, подростков и стариков.

После окончания империалистической войны число кустарей сапоговаляльщиков в некоторых случаях увеличивается. Так, по тому же Ярославскому району число их с 933 в 1916-ом году поднимается до 1200 человек в первой половине 1918-го года ³⁾. Принимая во внимание сказанное выше о неудачно выбранном моменте переписи 1916-го года, в результате чего значительное количество кустарей не было учтено, быть может, следует несколько осторожно отнестись к выводам об увеличении числа валяльщиков в Ярославском районе. С другой стороны, это увеличение могло быть вызвано возвращением с фронта валяльщиков-солдат, как это имело место и в Калязинском районе (и конечно и в других), куда с окончанием войны с фронта вернулось около 3000 валяльщиков, не нашедших уже, однако, в связи с наступившим кризисом, приложения своему труду ⁴⁾.

¹⁾ Куст. промыслы Яросл. губ. Яросл. 1914 г., стр. 42.

²⁾ Отчет о деятельности Ярославск. Комит. за 1917 г. Вып. II. Яросл. 1919 г., стр. 10.

³⁾ Отчет о деятельности Яросл. губ. Комитета за 1918 г. Вып. I. Ярославль 1919 г., стр. 24.

⁴⁾ Отчет (в рукописи) Правления Калязинского Союза производительных артелей по изготовлению валеной обуви, имевшийся в быв. „Кустарсбыте“, по инициативе которого эта работа была предпринята.

Наступившие в дальнейшем продовольственные затруднения, достигшие особенной остроты в губерниях нечерноземной промышленной полосы, повлекли за собою отход ремесленников и кустарей, а также рабочих, в том числе, конечно, и сапоговаляльщиков, в хлебобродные южные губернии (Тамбовск., Саратов. и др.), чем число последних в старых промысловых районах значительно уменьшилось. Некоторое представление об этом отходе валяльщиков на юг дают следующие данные по Кинешемскому уезду ¹⁾:

	Всего дворов.	Занимающ. валяльн. промыслом.	Ушло в отход. дворов.
Дер. Манилово, Шевалдов. вол.	40	38	20
„ Гори „ „	33	30	25
„ Варениго „ „	45	(?)	9

Таким образом, в связи с продовольственными затруднениями и приостановкой работ в фабричных районах, промысловое население начинает сползать со старых насиженных промысловых центров в хлебный юг с его избытками продовольствия и сырья, где в целом ряде случаев начинают развиваться и возникать целые отрасли ремесленно-кустарной промышленности, ²⁾ в том числе, несомненно, и сапоговаляльной, чему в немалой степени содействует также имевшая место оторванность этих мало-промысловых районов от общегосударственных рынков и промышленных центров.

Для некоторой иллюстрации этого увеличения численности валяльщиков в районах прежнего рассеянного состояния промысла, особенно наступившего, несомненно, в связи с новой экономической политикой, могут послужить следующие данные по Саратовской губ. (без Новоузенск. уезда) ³⁾.

1904—13 г. г.		На 1/X 1924 г.		Увеличение (+) в % за 1904/13—1924 г.	
Хозяйств.	Валяльщ.	Хозяйств.	Валяльщ.	Хозяйств.	Валяльщ.
1096	1577	2654	3392	+ 142,1	+ 115,1

Возможно, что приведенные данные, полученные анкетным путем, в связи с имевшей место натурализацией крестьянского хозяйства, а также и неурожаем последних лет, несколько преувеличивают действительное положение вещей. Тем не менее факт довольно значительного развития мелкой сапоговаляльной промышленности в районах ее рассеянного состояния, не уступающего во всяком случае довоенному, не подлежит, повидимому, сомнению, в чем убеждает нас также хотя бы и то обстоятельство, что в той же Саратов. губ. данные по остальной ремесленно-кустарной промышленности показывают на 1/X 1924 г. уменьшение против довоенных.

¹⁾ Доклад инструктора быв. „Кустарсбыта“ Б. И. Голубева.

²⁾ С. П. Осинский Куст.-рем. промышлен. Юго-Востока. Ростов-Дон 1924 г.

³⁾ За 1904—13 г. данные взяты из нашей работы (Мелк. промышл. Саратов. губ. 1923 г.), а за 1924 г. любезно представлены в наше распоряжение Завед. промышл. секцией Губстатбюро В. К. Новинским и получены анкетным путем.

О состоянии мелкой сапоговаляльной промышленности в районах ее прежней концентрации можно также судить лишь косвенным путем, исходя из данных статистико-экономического под'отдела Всекопромсоюза о числе кооперированных сапоговаляльщиков на 1-е января 1924 г. ¹⁾.

Наименование Союза.	Нижегородский.	Калезинский.	Средне-Окский.	Иваново-Вознесен.	Тамбовский.	Приокский.	Пермский.	Владимирский ²⁾	Череповецкий.	Москопром.	Ярославский.	Всего.
Товариществ и артелей.	28	33	13	11	6	5	3	6	5	2	2	114
них членов	1170	878	338	269	197	150	124	129	123	78	65	3521

Количество кооперированных сапоговаляльщиков на 1-е января 1924 г. определяется круглой цифрой в 3500 человек. Совещание по сапоговаляльному и кожевенно-обувному производству, происходившее во Всекопромсоюзе 15—17 марта 1924 года, констатировало, что промысловая кооперация объединяет собой не более 12% всех кустарей-обувщиков ³⁾. Таким образом, общее количество кустарей, занятых в настоящее время сапоговаляльным производством в районах его прежней концентрации и сосредоточения, грубо исчисляется в 30.000 человек. До войны в этих районах было сосредоточено, как указывалось выше, около 60% всех учтенных нами валяльщиков (90,434 чел.), т. е. примерно 55—60.000 человек. Идя по линии этих самых общих рассуждений приходим к выводу, что мелкая сапоговаляльная промышленность в важнейших районах ее сосредоточения составляет по сравнению с довоенным 50—55%. Общее же количество всех сапоговаляльщиков определяется в 60—65 тыс. (30.000 в районах концентраций+30—35.000, в районах рассеян. состояния промысла) т. е. в 65—75% довоенного их количества.

Подсчет этот, конечно, до крайности приблизителен. Других опубликованных данных для определения удельного веса мелкой сапоговаляльной промышленности, однако, у нас, к сожалению, не имеется.

О производительности промышленности мы, к сожалению, имеем еще более отрывочные данные. Промкооперация использует кооперированных кустарей лишь на 30—65 % их производственной мощи. Как обстоит дело с остальными, работающими, как увидим ниже, в довольно большом количестве на частный капитал, судить, за отсутствием данных, трудно.

Крупно-заводская (централизованная) промышленность потерпела еще более значительные изменения. Так, в 1908 г. (по данным Варзара) в крупно-заводской промышленности было занято 7,7 тыс. рабочих (вместе с работавшими вне заведения) с суммой пр-ва в 5162 тыс. руб. (см. стр. 20). Перед самой войной на основании (неполных) данных Совета Съездов представителей торговли и промышленности ⁴⁾

¹⁾ Данные эти, как и приводимые ниже о состоянии промкооперации за последнее время, любезно представлены в наше распоряжение заведующим под'отделом Ф. Коневым.

²⁾ По данным Вестн. Пром. Кооп. (№ 3, 1924 г. стр. 35) во Владим. губ. 12 артелей с 368 членами.

³⁾ Вестник Промыслов Кооперации № 4—5 1924 г., стр. 17 и 29. Также см. № 7—8, стр. 48.

⁴⁾ Фабрично-заводские предприятия. Изд. 2-е 1914 г.

насчитывалось 10,9 тыс. раб. с 7.794,0 тыс. руб. суммы пр-ва. В настоящее время число рабочих в сапоговаляльной госпромышленности достигает 4,3 тыс. человек ¹⁾, производительность труда в крупной промышленности достигает в некоторых случаях (на фабриках Татареспублики) 58% довоенной ²⁾ общая же продукция по тем же отрывочным данным достигает примерно 25% довоенной.

Таким образом, в свете приведенных крайне отрывочных и неполных данных о состоянии мелкой (рассеянной) и крупной (централизованной) сапоговаляльной промышленности, необходимо, повидимому, подчеркнуть, что значение первой для настоящего времени еще более выросло.

В печати уже был отмечен чрезвычайно важный факт „общей жизненности“ и сохранения „в основном и целом значения производственных центров кустарной промышленности“ ³⁾. Оживление имеет место также и в прежних гнездах сапоговаляльной промышленности — Калезинском, Кинешемско-Юрьевоцком, Нижегородском и др. районах, — идущее, однако, к сожалению, в целом ряде случаев под знаком проникновения частного капитала в производство. Заслуживает поэтому быть отмеченным тот факт, что восстановление прежних сапоговаляльных центров идет, повидимому, как это видно из приведенных данных о количестве кооперированных кустарей, быстрее в районах, где централизованная крупно-заводская форма была менее развита: быстрее в Нижегородском и Тверском, и медленнее в Ивано-Вознесенском и Ярославском районе, особенно в последнем, где крупно-заводская форма была наиболее представлена ⁴⁾.

Общее состояние мелкой (а отчасти крупной) сапоговаляльной промышленности в отдельных районах характеризуется так ⁵⁾.

В Нижегородской губ. кооперацией в лице Нижгубпроизводсоюза объединено свыше тысячи валяльщиков с годовой производительностью в 150.000 пар, т. е. около 10% довоенной. Производственная про-

¹⁾ Весь С.С.С.Р. Справочн. и адресн. книга Изд. „Вся Россия“. II-я книга. В Нижегород. губ. 2776 чел., в Татареспублике 1138 чел., в Екатеринбургской—260 чел., в Иркутской—81 чел., а в Омской—46 чел. Необходимо подчеркнуть, что приведенные данные, в виду включения в них работающих вне заведения, далеко не сравнимы. В частности укажем, что из 4,3 тыс. чел., занятых в настоящее время в госпромышленности, 2,8 тыс. падает на Нижегородскую губ. Между тем в Нижегородской губ., в 1908 г. числилось в крупно-заводской (централизованной) промышленности 490 человек, из них только 45 чел. вне заведений, а по данным Совета Съездов 962 человека. Таким образом, нет сомнения, что в число рабочих, занятых в сапоговаляльной госпромышленности в Нижегородской губ. включены в подавляющем количестве кустари-стираки, работающие вне заведения.

Таким образом, значение централизованной сапоговаляльной промышленности для настоящего времени, повидимому, преувеличено.

²⁾ Выработка валеных изделий на важнейших фабриках ГР в 1913 г. по Кукморской фабрике, а в 1924 г. по Казанской и Кукморской в довоенное и настоящее время характеризуется так: Рабочих в 1913 г. 934 человек, в 1924 г.—807 чел.; продукция в 1013 г.—600.000 пар валенок, в 1924 г.—150.000 пар; на 1 рабочего (без кустарей) в 1913 г.—321 пара, в 1924 г.—185 пар, т. е. 58%; заработная плата 12—50 р., в 1913 г. и 12—30 р. в 1924 г. т. е. 98,4% (Журнал „Труд и Хозяйство“ А. Т. С. С. Р. Казань 1924 г. кн. XI стр. 85).

³⁾ Н. Подгуг. Три съезда. Вестн. Пром. Коопер. № 4—6 1924 г. стр. 1.

⁴⁾ Согласно данным 1908 года (В. Е. Варзара) на 1 завод приход. суммы пр-ва в тыс. руб.: в Казанской губ.—313,7, в Ярославской—112,2, в Нижегородской—26,0, в Костромской—25,8, в Тверской—20,4. Рабочих вне заведения в % к общему числу всех рабочих соответственно приходило 41,6%, 35,4%, 9,1%, 39,5% и 20,1%.

⁵⁾ Характеристика дана на основании: 1) статей Е. Катина, В. Приишнякова и др. (без указания авторов), напечатанных в Вестнике Промкооперации за 1924 год, 2) протокола Совещания при Всекопромсоюзе от 15—17 марта 1924 г. и 3) статьи П. Львова (Правда № 213, 1924 г.).

грамма на 1923—24 г. предусматривала, однако, изготовление лишь 50.000 пар обуви, в 1924 г. предполагается заготовить 100.000 пар обуви и 50.000 пар стельки. Таким образом, кооперированный кустарь используется кооперацией пока далеко не в полной мере лишь на 30—65% своей производственной мощи ¹⁾.

Значительная часть некооперированных сапоговаляльщиков работает на государственные фабрики, объединенные в 1924 г. в крупный валяно-сапожный трест— „Валтрест“, насчитывающий в настоящее время до 3000 человек с общей производительностью до 2 мил пар разной обуви. Положение госпромышленности, в виду недостатка оборотных средств, довольно тяжелое.

Государственными фабриками введены заметные улучшения в производство (установлены новые двигатели, устроена центральная шерсточесальная фабрика и т. д.), чем достигнута значительная механизация всего производственного процесса (за исключением, конечно, стирки). Одновременно выстроен рабочий поселок и электрофицируются ближайшие к фабрике деревни, где живут кустари.

Однако, и частный капитал успел снова завоевать себе здесь довольно видное место. Так, в Семеновском уезде числится 114 частно-предпринимательских мелких сапоговаляльных заводов (с числом рабочих от 3 до 10) и 35 более крупных (с числом рабочих от 20 до 50), с общим количеством рабочих в них в 2621 человек. Цифра эта, однако, по мнению автора статьи ²⁾ должна быть удвоена. Тогда общее соотношение между госпромышленностью, кооперацией и частным капиталом по количеству рабочих будет: в госпромышленности (Валтрест) занято 33,3% (3000 чел.), кооперации 11,1% (1000 чел.) и частной промышленности 55,5% (5000 чел.) всех рабочих.

Калязинский союз „Производитель“, организованный в июле 1918 года, действует в районе Кашинского уезда Тверской губ., Ленинского, Московского и Переяславского уездов Владимирской и объединяет 33 артели с 878 членами.

Союз этот является одним из мощных по своей производительности. Выработка его по отдельным годам видна из следующих данных

Года:	1918	1919	1920	1921	1922	1923 (8 м-цев)	1923/24 г. (за 7 м-цев по 1-е апр.
Тыс. пар валенок	31,4	80,4	69,9	70,6	76,9	48,9	45,0

Производительная мощность этого союза, однако, также значительно выше и определяется в 150.000 тыс. пар., программные задания на 1924 г. определены в 80.000 пар разной обуви. Таким образом, и здесь кооперированный кустарь используется только на половину своей производственной мощи.

Район союза насчитывает в настоящее время 7000 валяльщиков, из которых промысловой кооперацией объединено лишь 1000 человек.

Госпредприятий в районе действия Калязинского союза, являющегося специальным союзом по изготовлению только валяной обуви, нет. Частно-предпринимательский капитал, в отличие от Нижегородского района, пока слабо представлен, не имея возможности конкурировать с союзом. В отличие также от других союзов необходимо подчеркнуть наличие общих мастерских во всех артелях и значительные достижения в деле механизации производства.

Иваново-Вознесенский Губсельпромлессоюз объединяет 16 валяльных артелей с 500 кустарей, главным образом в Кинешемско-Юрьевец-

¹⁾ Промышленные Т-ва и артели Союза начинают за последнее время переходить на новые уставы с присвоением сельско-хоз. и кредитных функций.

²⁾ П. Львов (Правда № 213. 1924 г.).

ком районе. Производственная программа союза на 1923—24 г. была рассчитана на выработку 75.000 пар валенок. В связи с затруднениями по заготовке шерсти программа была сокращена до 45.000 пар.

Частно-предпринимательских предприятий насчитывалось в районе действия союза шесть с общей продукцией до 20.000 пар в м.ц. Союзом принимаются решительные меры к качественному улучшению производства, особенно пострадавшего здесь в этом отношении в связи с тем, что Кинешемско-Юрьевецкий район был одним из главных поставщиков обуви на армию, выпускавшейся в огромном количестве, но низкого качества.

Ручная разбивка шерсти, как и в других союзах, заменяется механической—на шерсто-чесальных заводах.

„Северокустарь“—союз союзов промысловой и производительно-трудовой кооперации Северного края (Ленинградская, Череповецкая, Новгородская, Псковская, Олонецкая и часть Тверской), объединяет незначительное количество сапоговаляльщиков. Производственная программа на 1923—24 г. была определена в 5.000 пар валенок, стоимость которых (27.500 зол., руб.) составляла всего 2,5% общей стоимости всех предположенных к производству кустарных товаров. На 1924—25 г. производственная программа увеличена до 13.500 пар валенок.

Вятский Союз объединяет 10 товариществ с 500 членами валяльщиков. Некооперированных кустарей-одиночек насчитывается до 200 человек. Валяльное производство в Вятском районе сильно сократилось. Союзом заготовлено в 1922 г.—12.260 пар валенок, в 1923 г.—22.646 пар, а в 1924 г. предполагалось заготовить до 30.000 пар. Производство сильно страдает вследствие недостатка шерсти.

Частно предпринимательский капитал организовал здесь конторы, раздающие шерсть кустарям и получающие от них готовые сапоги, сбываемые через губернских скупщиков в Москву.

Проникновение частного капитала в производство, имеющее, таким образом, широкое распространение во всех районах, помимо недостатка оборотных средств у промкооперации и госпромышленности, обусловлено в целом ряде случаев полным отсутствием контакта между ними. Как яркую иллюстрацию последнему факту можно указать, что госпромышленность, например, в Нижегородском районе воспрещала своим отделениям расчесывать шерсть артелям, а раздача „колпаков“ кустарям для стирки и окончательной отделки передавала не через артели, а через частного предпринимателя ¹⁾.

II.

Сведения о развитии кооперативных форм объединения в мелкой сапоговаляльной промышленности весьма скудны и неполны. Они, поэтому, могут дать весьма далекое представление о том широком размахе кооперативного строительства, который составляет характерную черту русской жизни последнего времени. Но, в виду большого интереса и ценности всех вообще материалов по истории промкооперации в одном из важнейших промыслов Союза, нам кажется нелишним привести здесь имеющиеся в нашем распоряжении хотя бы неполные данные по затронутому вопросу.

Время возникновения 31 товарищества и артелей, объединяющие 2917 кустарей, относительно которых имеются соответствующие данные, характеризуется (на основании материалов статистико-экономического под'отдела Всекомпромсоюза на 1/1 1924 г.) так:

¹⁾ П. Львов.

Г О Д Ы.	До 1914 г.	1914—17 г.г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	Всего за 1914—23 г.г.
Число артелей и т.в.	10	5	17	21	14	12	6	6	91
Тоже в %о	11,0	5,5	18,7	23,0	15,4	13,2	6,6	6,6	100,0
В них членов	468	341	605	492	492	301	133	85	2917
Тоже в %о	16,0	11,8	20,7	16,8	16,8	10,3	4,6	3,0	100,0
На 1 артель членов	46,8	68,2	35,6	23,4	35,1	25,1	22,1	14,1	32,5

Приводимые данные далеко повидимому неполны. Они фиксируют, кроме того, так сказать, историю промобъединений, существующих в настоящее время, но совершенно не затрагивают судьбу кооперативов, распавшихся по тем или другим причинам. В частности укажем, что в число приведенных артелей входят лишь 11 с 269 членами по Иваново-Вознесенской губ. (Кинешемско-Юрьев. району б. Костр. губ.), время возникновения которых падает, главным образом, на 1919—23 г.г. Между тем в сентябре 1918 года в Костромской губ. возникло 33 артели с количеством членов приблизительно до 1200 челов. ¹⁾ дальнейшую судьбу, которых проследить не представляется возможным.

Как видно из данных приведенной таблицы, 11,0%о всех артелей (16,0%о членов), относительно которых имеются сведения, возникли в Нижегородской губ. до 1914-го года. В 1914—17 г.г. кооперативное движение затихает—за это время возникает, также в Нижегородской губ., всего 5,5%о артелей, объединяющих правда 11,8%о всех членов. В 1918—1919 г.г. волна кооперативного строительства в сапоговаляльной промышленности усиливается, захватывая, главным образом, Калязинский (возникает 13 артелей с 474 членами в 1918 г. и 11 артелей с 244 членами в 1919 г.) и Иваново-Вознесенский (2 артели с 54 член. в 1918 г. и 5 артелей с 73 членами в 1919 г.) районы, с тем, чтобы, начиная с 1920 года, пойти на убыль. Почти совершенно не затронут кооперативным строительством Ярославский район (2 артели с 35 членами), возникшие в 1920 и 1923 г.

Возникновение большинства существующих в настоящее время артелей падает, таким образом, на послереволюционный период, когда в результате разразившегося в связи с военными и политическими событиями кризиса тысячи зависимых кустарей и фабричных рабочих оказались не у дел, часть которых, как было выше указано, двинулось в малопромысловые, но хлебородные южные губернии.

Оставшееся же на месте рабочее население стало искать выхода из создавшегося положения в организации разрушенного производства собственными объединенными усилиями путем создания кооперативных производительных артелей. Эту связь между кризисом валяльной промышленности и возникновением трудовых артелей отмечает и отчет Правления Калязинского Союза производительных артелей по изготовлению валяной обуви ²⁾. „Уже в конце 1917 г. земство“, читаем мы, „прекратило поставку обуви на армию, а с окончанием войны с

¹⁾ На основании материалов б. Кустарсбыта (Доклад инструктора Б. Голубева).

²⁾ Отчет этот имелся (в ненапечатан. виде) в б. „Кустарсбыте“.

фронта вернулось около 3000 солдат-валяльщиков. В связи с расстройством транспорта, прекращением перевозок, аннулированием бумаг, отсутствием сырья, часть заводчиков и хозяйчиков закрыла заводы. И вот в связи с этим кризисом, особенно остро чувствовавшимся в начале 1918-го года, началось движение в сторону образования трудовых артелей¹. В феврале и марте 1918-го года образовалось и зарегистрировано (в Калязинском уезде) 12 товариществ по изготовлению обуви с числом членов 569 с паевым капиталом в 60.000 р.

Идея кооперативного об'единения, брошенная, таким образом, в массу калязинских валяльщиков, в какойнибудь месяц вызывает к жизни 12 трудовых артелей, из которых семь в очень скором времени об'единяются уже в один весьма мощный производственный союз.

Но образование производительных артелей пошло в условиях революционного времени и другим путем, как это имело место в Кинешемском районе. „Артели сапоговаляльного промысла возникли в уезде (Кинешемском) сравнительно недавно—с сентября 1918 г. Возникновение их произошло следующим образом. В уезде работали сапоговаляльные заводы, которые принадлежали частным лицам. Общий процесс перехода ценностей в руки рабочих захватил и этот район и рабочие заводов взяли заводы в свои руки, при чем на большинстве из них сначала были образованы заводские комитеты рабочие синдикаты. Всеми этими работами руководили профессиональные союзы рабочих. Затем кустари нашли, что работа будет целесообразнее и продуктивнее, если они перейдут к артельной форме, и вот при помощи профессиональных союзов в Шевалдовской и Никитинской волостях на всех ранее бывших частных заводах образовались сапоговаляльные артели, принявшие на себя и включив в имущество артели все материальные средства заводов, как оборудование и денежные средства и сырье“¹).

Выясняется, таким образом, два пути кооперативного строительства в валяльной промышленности—и возможно и в других—в условиях революционного времени, первый—путь непосредственного кооперативного строительства в районах менее затронутых фабричной жизнью и второй—переход в начале частных предприятий в руки фабрично-заводских комитетов в порядке национализаций с последующим затем переходом к кооперативной форме владения и производства при значительном влиянии профессиональных союзов в районах фабричных.

Особенность артельного движения в этом районе, шедшего за счет капиталов бывших предпринимателей и под флагом профессиональных союзов, сказалась еще и в том, что роль наблюдательного совета, ставшего вместе с временным организационным бюро во главе союзов, играет профсоюз.

У нас, к сожалению, отсутствуют сведения о дальнейшей судьбе артелей в этом районе, находившихся еще в момент их основания в довольно тяжелом положении; судя по приведенным выше данным они скоро распались.

Следующая табличка дает некоторое представление о величине артелей и товариществ.

¹) Отчет инструктора Б. А. Голубева правлению „Кустарсбыта“.

Наименование союзов.	Число членов в артелях.				
	До 10.	10—25.	25—50.	50—100.	100.
Нижегородский	2	5	11	8	2
Калязинский	4	15	11	2	1
Ив.-Вознесенский	—	8	2	1	—
Ост. союзы	4	4	9	2	1
Всего	10	32	33	13	4
Тоже в %	10,9	34,8	35,9	14,1	4,3

Наиболее распространенным типом промысловых артелей в сапоговаляльном промысле следует считать артель в 10—50 человек.

Крупные артели с числом членов выше 50 встречаются, главным образом, в Нижегородской губ., где сосредоточено 60% (10 из 17) общего их количества. Охарактеризовать взаимоотношения между артелями и союзами, а также финансовое их состояние, не имеем возможности. Отметим лишь, что большинство товариществ и артелей снабжаются сырьем и подсобными материалами, а также финансируются союзами, которым и сдают выработанный товар. Союзы же реализуют продукцию как самостоятельно, так, главным образом, через Всекопромсоюз. Заготовка шерсти союзами идет через Всекопромсоюз, Т-во „Шерсть“ и Центросоюз (Калязинский союз), но далеко не гладко, также собственными силами (Вятский Союз), и на Нижегородской ярмарке, где Нижегородский Союз предполагал закупить на 1924/25 г. 14,0 тыс. пуд. овечьей и 4,0 тыс. пуд. коровьей.

Своевременная заготовка шерсти и снабжение его в достаточном количестве и соответствующем для каждого района ассортименте является, повидимому, судя по материалам совещания, происходившего во Всекопромсоюзе, одним из наиболее актуальных и, в то же самое время, больших вопросов в современной работе промкооперации.

Этим мы должны закончить те немногочисленные замечания о кооперативном строительстве, которые можно было сделать на основании имеющегося в нашем распоряжении скудного материала.